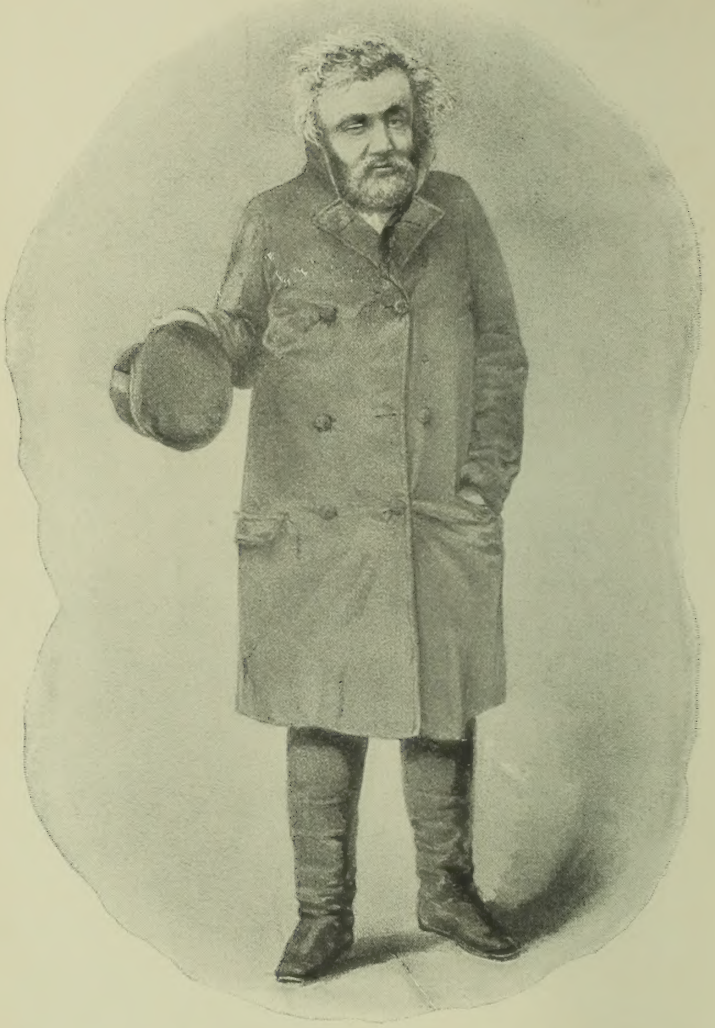
Сочиненія

А. Н. Островскаго

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY



Островскій. II. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

П. М. Садовскій въ роли Любима Торцова.

(„Бѣдность не порокъ“, дѣйствіе 1-е, явленіе 12-е.)

Полное собраніе сочиненій

А. Н. Островскаго.

Томъ второй.

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія
собранія сочиненій:

А. С. Пушкина, подъ редакціей **П. О. Морозова и В. В. Каллаша;**
М. Ю. Лермонтова, подъ редакціей **Арс. И. Введенскаго;**
Н. В. Гоголя, подъ редакціей **В. В. Каллаша;**
И. А. Крылова, подъ редакціей **В. В. Каллаша;**
А. В. Кольцова, подъ редакціей **Арс. И. Введенскаго;**
А. Н. Островскаго, подъ редакціей **М. И. Писарева;**
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. **Н. А. Благовѣщенскаго;**
С. Т. Аксакова, подъ редакціей **А. Г. Горнфельда;**
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ **автора;**
С. В. Максимова, съ біограф. очеркомъ **П. В. Быкова;**
П. М. Невѣжина, подъ наблюденіемъ **автора;**
Георга Брандеса, съ предисловіемъ **М. В. Лучицкой;**
Элизы Оржешко, подъ редакціей **С. С. Зелинскаго;**
Чарльза Диккенса, со вступит. статьей **Д. П. Сильчевскаго;**
Гюи де-Мопасана, съ критико-біографическ. очеркомъ **З. А. Венгеровой;**
Эдгара По, съ критико-біографическ. очеркомъ **М. А. Энгельгардта;**
Эмиля Зола, подъ редакц. и со вступ. статьями **Ѳ. Д. Батюшкова и Е. В. Аничкова.**

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Полное собраніе сочиненій

А. Н. Островскаго.

Критически провѣрен. текстъ, біографія, приложенія, примѣчанія, портреты автора, его fac-similé и проч.

подъ редакціей

М. И. Писарева,

съ критико-біографическимъ очеркомъ

П. И. Вейнберга.

Томъ второй.

Допущено *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Министерства, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*

Рекомендовано *Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній для чтенія кадетъ III—VII классовъ.*

С.-Петербургъ.

Типо-литографія Товарищества „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

1896
Т-ВО ПРОСВѢЩЕНІЕ

Оглавленіе.

Бѣдность не порокъ 1
Не такъ живи, какъ хочется 83
Въ чужомъ пиру похмѣлье 149
Доходное мѣсто. 202
Праздничный сонъ — до обѣда . . . 325
Не сошлись характерами 379
Примѣчанія 427

Бѣдность не порокъ.

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ.

Посвящено Прову Михайловичу Садовскому.

Лица:

Гордѣй Карпычъ Торцовъ, богатый купецъ.

Пелагея Егоровна, его жена.

Любовь Гордѣевна, ихъ дочь.

Любимъ Карпычъ Торцовъ, его братъ, промотавшійся.

Африканъ Савичъ Коршуновъ, фабрикантъ.

Митя, прикащикъ Торцова.

Яша Гуслинъ, племянникъ Торцова.

Гриша Разлюляевъ, молодой купчикъ. сынъ богатаго отца.

Анна Ивановна, молодая вдова.

Маша
Лиза } подруги Любови Гордѣевны.

Егорушка, мальчикъ, дальній родственникъ Торцова.

Арина, нянька Любови Гордѣевны.

Гости, гостьи, прислуга, ряженые и прочіе.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ, въ домѣ купца Торцова, во время святокъ.

Дѣйствіе первое.

Небольшая прикащичья комната; на задней стѣнѣ дверь, налѣво въ углу кровать, направо шкафъ; на лѣвой стѣнѣ окно, подлѣ окна столъ, у стола стулъ; подлѣ правой стѣны конторка и деревянная табуретка; подлѣ кровати гитара; на столѣ и конторкѣ книги и бумаги.

Явленіе первое.

Митя ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ; **Егорушка** сидитъ на табуреткѣ и читаетъ „Бову Королевича".

Егорушка (читаетъ).

„Государь мой батюшка, славный и храбрый король, Кирибитъ Верзоуловичъ, нынѣ идти за него смѣлости не имѣю, потому что когда я была во младости, то король Гвидонъ за меня сватался".

Митя.

Что̀, Егорушка, наши дома?

Егорушка

(зажимаетъ пальцемъ то мѣсто, гдѣ читаетъ, чтобъ не ошибиться).

Никого нѣтъ; кататься уѣхали. Одинъ Гордѣй Карпычъ дома. (Читаетъ.) „На то сказалъ дщери своей Кирибитъ Верзоуловичъ"... (зажимаетъ пальцемъ)... Только такой сердитый, что бѣда! Я ужь ушелъ — все ругается. (Читаетъ.) „Тогда прекрасная Милитриса Кирбитьевна, призвавъ къ себѣ слугу Личарду"...

Митя.

На кого-же онъ сердитъ?

Митя.

Къ Африкану Савичу-съ?

Пелагея Егоровна.

Да, да! Вотъ навязался, прости Господи!

Митя (подавая стулъ).

Присядьте, Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна.

Охъ, нѣкогда. Ну, да ужь присяду немножко. (Садится). Такъ вотъ поди-жь ты... этакая напасть! Право!.. Подружились, вѣдь, такъ, что на поди. Да! Вотъ какое дѣло! А зачѣмъ? Къ чему пристало? Скажи ты на милость! Человѣкъ-то онъ буйный да пьяный, Африканъ-то Савичъ... да!

Митя.

Можетъ, дѣла какія есть у Гордѣя Карпыча съ Африканомъ Савичемъ.

Пелагея Егоровна.

Какія дѣла! Никакихъ дѣловъ нѣтъ. Вѣдь, онъ-то, Африканъ-то Савичъ, съ агличиномъ все пьютъ. Тамъ у него агличинъ на фабрикѣ дилехторъ — и пьютъ... да! А нашему-то не слѣдъ съ ними. Да развѣ съ нимъ сговоришь! Гордость-то его одна чего стóитъ! Мнѣ, говоритъ, здѣсь не съ кѣмъ компанію водить, все, говоритъ, сволочь, все, видишь ты, мужики, и живутъ-то по-мужицки; а тотъ-то, видишь ты, московскій, больше все въ Москвѣ... и богатый. И чтò это съ нимъ сдѣлалось? Да, вѣдь, вдругъ, любезненькій, вдругъ! То, все-таки, разсудокъ имѣлъ. Ну, жили мы, конечно, не роскошно, а все-таки, такъ, что дай Богъ всякому; а вотъ въ прошломъ году въ отъѣздъ ѣздилъ, да перенялъ у кого-то. Перенялъ, перенялъ, ужь мнѣ сказывали... всѣ эти штуки-то перенялъ. Теперь все ему наше рус-

ское не мило; ладитъ одно — хочу жить по-нынѣшнему, модами заниматься. Да, да!.. Надѣнь, говоритъ, чепчикъ!.. Вѣдь, что̀ выдумаетъ-то!.. Прельщать, что̀-ли, мнѣ кого на старости, говорю, разныя прелести дѣлать! Тьфу! Ну, вотъ поди-жь ты съ нимъ! Да! Не пилъ, вѣдь, прежде... право... никогда, а теперь съ этимъ Африканомъ пьютъ! Съ пьяну-то, должно быть, у него (показывая на голову) и помутилось. (Молчаніе.) Ужь я такъ думаю, что это врагъ его смущаетъ! Какъ-таки разсудку не имѣть!.. Ну, еще кабы молоденькій: молоденькому это и нарядиться, и все это лестно; а то, вѣдь, подъ шестьдесятъ! Миленькій, подъ шестьдесятъ! Право! Модное-то ваше да нынѣшнее, я говорю ему, каждый день мѣняется, а русской-то нашъ обычай испоконъ вѣку живетъ! Старики-то не глупѣй насъ были. Да развѣ съ нимъ сговоришь, при его-же, голубчикъ, крутомъ-то характерѣ.

Митя.

Что̀ говорить! Строгій человѣкъ-съ.

Пелагея Егоровна.

Любочка теперь въ настоящей порѣ, надобно ее пристроить, а онъ одно ладитъ: нѣтъ ей ровни... нѣтъ да нѣтъ!.. Анъ вотъ есть!.. А у него все нѣтъ... А каково-же это материнскому-то сердцу!

Митя.

Можетъ быть, Гордѣй Карпычъ хотятъ въ Москвѣ выдать Любовь Гордѣевну.

Пелагея Егоровна.

Кто его знаетъ, что̀ у него на умѣ. Смотритъ звѣремъ, ни словечка не скажетъ, точно я и не мать... да, право... ничего я ему сказать не смѣю; развѣ съ кѣмъ поговоришь съ постороннимъ про свое

горе, поплачешь, душу отведешь, только и всего. (Встаетъ). Заходи, Митенька.

Митя.

Приду-съ. (Гуслинъ входитъ.)

Явленіе четвертое.

Тѣ-же и Гуслинъ.

Пелагея Егоровна.

Вотъ и еще молодецъ! Приходи, Яшенька, ужо къ намъ наверхъ съ дѣвушками пѣсни попѣть, ты, вѣдь, мастеръ, да гитару захвати.

Гуслинъ.

Хорошо-съ, это намъ не въ трудъ, а еще, можно сказать, въ удовольствіе-съ.

Пелагея Егоровна.

Ну, прощайте. Пойти соснуть полчасика.

Гуслинъ и Митя.

Прощайте-съ. (Пелагея Егоровна уходитъ; **Митя садится къ столу, пригорюнившись, Гуслинъ садится на кровать и беретъ гитару.**)

Явленіе пятое.

Митя и Яша Гуслинъ.

Гуслинъ.

Что̀ народу было на катаньѣ!.. И ваши были. Что̀-жь ты не былъ?

Митя.

Да что̀, Яша, обуяла меня тоска-кручина.

Гуслинъ.

Что̀ за тоска? Объ чемъ тебѣ тужить-то?

Митя.

Какъ-же не тужить-то? Вдругъ въ голову взойдутъ такія мысли: что̀ я такое за человѣкъ на свѣтѣ есть? Теперь родительница у меня въ старости и бѣдности находится, ее долженъ содержать, а чѣмъ? Жалованье маленькое, отъ Гордѣя Карпыча все обида да брань, да все бѣдностью попрекаетъ, точно я виноватъ. . . а жалованья не прибавляетъ. Поискалъ-бы другаго мѣста, да гдѣ его найдешь безъ знакомства-то. Да, признаться сказать, и къ другому-то мѣсту и не пойду.

Гуслинъ.

Отчего-же не пойдешь? Вотъ у Разлюляевыхъ жить хорошо — люди богатые и добрые.

Митя.

Нѣтъ, Яша, не рука! Ужь буду все терпѣть отъ Гордѣя Карпыча, бѣдствовать буду, а не пойду. Такая моя планида!

Гуслинъ.

Отчего-же такъ?

Митя (встаетъ).

Такъ, ужь есть тому дѣлу причина. Есть, Яша, у меня еще горе, да никто того горя не знаетъ. Никому я про свое горе не сказывалъ.

Гуслинъ.

Скажи мнѣ.

Митя (махнувъ рукою).

Зачѣмъ!

Гуслинъ.

Да скажи, что̀ за важность!

Митя.

Говори не говори, вѣдь, не поможешь!

Гуслинъ.

А почемъ знать!

Митя (подходитъ къ Гуслину).

Никто мнѣ не поможетъ. Пропала моя голова! Полюбилась мнѣ больно Любовь Гордѣевна.

Гуслинъ.

Что̀ ты, Митя?! Да какъ-же это?

Митя.

Да вотъ какъ ни какъ, а ужь сдѣлалось.

Гуслинъ.

Лучше, Митя, изъ головы выкинь. Этому дѣлу никогда не бывать, да и не рàживаться.

Митя.

Знамши я все это, не могу своего сердца сообразить. „Любить друга можно, нельзя позабыть“!.. (Говоритъ съ сильными жестами.) „Полюбилъ я красну дѣвицу пуще роду, пуще племени!.. Злые люди не велятъ, велятъ бросить, перестать!“

Гуслинъ.

Да и то надоть бросить. Вотъ Анна Ивановна мнѣ и ровня: у ней пусто, у меня ничего, да и то дяденька не велитъ жениться. А тебѣ и думать нѐчего. А то заберешь въ голову, потомъ еще тяжельше будетъ.

Митя (декламируетъ).

„Что̀ на свѣтѣ прежестоко? —
Прежестока есть любовь!“

(Ходитъ по комнатѣ.) Яша, читалъ ты Кольцова? (Останавливается.)

Гуслинъ.

Читалъ, а что̀?

Митя.

Какъ онъ описывалъ всѣ эти чувства!

Гуслинъ.

Въ точности описывалъ.

Митя.

Ужь именно, что въ точности. (Ходитъ по комнатѣ.) Яша!

Гуслинъ.

Что?

Митя.

Я самъ пѣсню сочинилъ.

Гуслинъ.

Ты?

Митя.

Да.

Гуслинъ.

Давай голосъ подберемъ, да и будемъ пѣть.

Митя.

Хорошо. На, вотъ (Отдаетъ ему бумагу). А я попишу немного — дѣло есть: не равно Гордѣй Карпычъ спроситъ. (Садится и пишетъ. Гуслинъ беретъ гитару и начинаетъ подбирать голосъ; Разлюляевъ входитъ съ гармоніей.)

Явленіе шестое.

Тѣ-же и Разлюляевъ.

Разлюляевъ.

Здравствуйте, братцы! (Наигрываетъ на гармоніи и приплясываетъ.)

Гуслинъ.

Эко, дуракъ! На что это ты гармонію-то купилъ?

Разлюляевъ.

Извѣстно, на что̀ — играть. Вотъ такъ... (Играетъ.)

Гуслинъ.

Ну ужь, важная музыка... нѣчего сказать! Брось, говорятъ тебѣ.

Разлюляевъ.

Что̀-жь, не брошу развѣ!.. Коли захочу, такъ и брошу... Вотъ важность! Денегъ, что̀-ли, у насъ нѣтъ? (Бьетъ себя по карману.) Звенятъ! У насъ гулять — такъ гулять! (Бросаетъ гармонію.)

„Одна гора высока,
А другая низка;
Одна мила далека,
А другая близка".

Митя (ударяетъ Митю по плечу), а Митя! Что̀ ты сидишь?

Митя.

Дѣло есть. (Продолжаетъ заниматься.)

Разлюляевъ.

Митя, а Митя, а я гуляю, братъ... право слово, гуляю. Ухъ ходи! (Поетъ: „Одна гора высока" и проч.)... Митя, а Митя! весь праздникъ буду гулять, а тамъ за дѣло... Право слово! Что̀-жь у насъ, денегъ, что̀-ли, нѣтъ? Вотъ онѣ!.. А я не пьянъ... Нѣтъ, такъ гуляю... весело...

Митя.

Ну, гуляй на здоровье.

Разлюляевъ.

А послѣ праздника женюсь!.. Право слово, женюсь! Возьму богатую.

Гуслинъ.

Ну, вотъ слушай-ка, такъ-то ладно-ль будетъ?

Разлюляевъ.

Спой-ка, спой, я послушаю.

Гуслинъ (поетъ).

„Нѣтъ-то злѣй, постылѣе
Злой сиротской доли,
Злѣе горя лютаго,
Тяжелѣй неволи!
Всѣмъ на свѣтѣ праздничекъ,
Тебѣ не веселье!..
Буйной-ли головушкѣ
Безъ вина похмѣлье!
Молодость не радуетъ,
Красота не тѣшитъ;
Не зазноба-дѣвушка —
Горе кудри чешетъ".

(Во все это время Разлюляевъ стоитъ, какъ вкопанный и слушаетъ съ чувствомъ; по окончаніи пѣнія всѣ молчатъ.)

Разлюляевъ.

Хорошо, больно хорошо! Жалко таково... Такъ за сердце и хватаетъ. (Вздыхаетъ.) Эхъ, Яша! сыграй веселую, полно канитель-то эту тянуть — нынѣче праздникъ. (Поетъ.)

„Ухъ! Какъ гусара не любить!
Это не годится!"

Подыгрывай, Яша. (Гуслинъ подыгрываетъ.)

Митя.

Полно вамъ дурачиться-то. Давайте-ка лучше сядемте въ кучку да полегоньку пѣсенку споемъ.

Разлюляевъ.

Ладно! (Садятся.)

Гуслинъ

(запѣваетъ; Митя и Разлюляевъ подтягиваютъ).

„Размолодчики вы молоденькіе,
Вы дружки мои..."

(Входитъ Гордѣй Карпычъ; всѣ встаютъ и перестаютъ пѣть.)

Явленіе седьмое.

Тѣже и Гордѣй Карпычъ.

Гордѣй Карпычъ.

Что̀ распѣлись! Горланятъ, точно мужичье! (Митѣ.) И ты туда-жь! Кажется, не въ такомъ домѣ живешь, не у мужиковъ. Что̀ за полпивная! Чтобъ у меня этого не было впередъ. (Подходитъ къ столу и разсматриваетъ бумаги.) Что̀ бумаги-то разбросалъ!..

Митя.

Это я счета провѣрялъ-съ.

Гордѣй Карпычъ

(беретъ книгу, Кольцова, и тетрадь со стихами).

А это еще что̀ за глупости?

Митя.

Это я отъ скуки, по праздникамъ-съ, стихотворенія господина Кольцова переписываю.

Гордѣй Карпычъ.

Какія нѣжности при нашей бѣдности!

Митя.

Собственно для образованія своего занимаюсь, чтобы имѣть понятіе.

Гордѣй Карпычъ.

Образованіе! Знаешь-ли ты, что̀ такое образованіе?.. А еще туда-же разговариваетъ! Ты-бы вотъ сертучишко новенькій сшилъ! Вѣдь, къ намъ наверхъ ходишь, гости бываютъ... срамъ! Куда деньги-то дѣваешь?

Митя.

Маменькѣ посылаю, потому она въ старости, ей нѣгдѣ взять.

Гордѣй Карпычъ.

Матери посылаешь! Ты себя-то-бы образилъ прежде; матери-то не Богъ знаетъ что̀ нужно, не въ роскоши воспитана, чай сама хлѣвы затворяла.

Митя.

Ужь пущай-же лучше я буду терпѣть, да маменька, по крайности, ни въ чемъ не нуждается.

Гордѣй Карпычъ.

Да, вѣдь, безобразно! Ужь коли не умѣешь надъ собою приличія наблюдать, такъ и сиди въ своей конурѣ; коли голъ кругомъ, такъ нѣчего о себѣ мечтать! Стихи пишетъ, образовать себя хочетъ, а самъ какъ фабричный ходитъ! Развѣ въ этомъ образованіе-то состоитъ, что дурацкія пѣсни пѣть? То-то глупо-то! (Сквозь зубы и косясь на Митю.) Дуракъ! (Помолчавъ.) Ты и не смѣй показываться въ этомъ сюртучишкѣ наверхъ. Слышишь, я тебѣ говорю! (Къ Разлюляеву.) А ты тоже! Отецъ-то, чай, деньги лопатой загребаетъ, а тебя въ этакомъ зипунишкѣ водитъ.

Разлюляевъ.

Что̀-жь такое! Онъ новый... сукно-то французское, изъ Москвы выписывали, по знакомству... двадцать рублевъ аршинъ. Что̀-жь, нѣшто мнѣ этакую штуку надѣть, какъ у Франца Ѳедорыча, у аптекаря... кургузую; такъ его вонъ и дразнятъ всѣ: страмъ пальто! Такъ что̀-жь хорошаго людей смѣшить!

Гордѣй Карпычъ.

Много ты знаешь! Да что̀, съ тебя взыскать-то нѣчего! Самъ-то ты глупъ, да и отецъ-то твой не больно уменъ... цѣлый вѣкъ съ засаленнымъ брюхомъ ходитъ; дураками непросвѣщенными живете, дураками и умрете.

Разлюляевъ.

Ужь ладно.

Гордѣй Карпычъ (строго).

Что?

Разлюляевъ.

Ладно, молъ.

Гордѣй Карпычъ.

Неучъ, и сказать-то путно не умѣешь! Говорить-то съ вами — только слова тратить; все равно, что стѣнѣ горохъ, такъ и вамъ, дуракамъ. (Уходитъ.)

Явленіе восьмое.

Тѣ-же, безъ **Торцова.**

Разлюляевъ.

Подико-сь, какой грозный! Ишь ты развоевался! Такъ вотъ тебя и испугались. . . Какже, держи карманъ-то!

Митя (Гуслину).

Вотъ она жизнь-то моя какова! Вотъ каково мнѣ сладко жить-то на свѣтѣ!

Разлюляевъ.

Да отъ этакого житья — запьешь, право, запьешь! А ты брось, не думай. (Запѣваетъ.)

„Одна гора высока,
А другая низка;
Одна мила далека,
А другая близко".

(Входятъ: Любовь Гордѣевна, Анна Ивановна, Маша и Лиза.)

Явленіе девятое.

Тѣ-же, **Любовь Гордѣевна, Анна Ивановна, Маша** и **Лиза.**

Анна Ивановна.

Миръ честной компаніи!

Разлюляевъ.

Милости прошу къ нашему шалашу.

Митя.

Наше почтеніе-съ! Милости просимъ!... Какими судьбами?..

Анна Ивановна.

А никакими, просто — взяли да и пришли. Гордѣй Карпычъ уѣхалъ, а Пелагея Егоровна отдохнуть легла, такъ теперь наша воля... Гуляй — не хочу!..

Митя.

Просимъ покорно садиться. (Садятся; Митя садится противъ Любови Гордѣевны; Разлюляевъ ходитъ.)

Анна Ивановна.

Надоѣло молча-то сидѣть, орѣхи щелкать; пойдемте, говорю, дѣвушки, къ парнямъ, а дѣвушкамъ и любо.

Любовь Гордѣевна.

Что̀ ты выдумываешь-то? Мы не воображали сюда идти, это ты выдумала.

Анна Ивановна.

Какже не такъ! Да ты первая... Извѣстно дѣло, кому что̀ нужно, тотъ объ томъ и думаетъ: парни объ дѣвкахъ, а дѣвки объ парняхъ.

Разлюляевъ.

Ха, ха, ха!.. Это вы, Анна Ивановна, въ точности говорите.

Любовь Гордѣевна.

Вотъ ужь никогда!

Маша (Лизѣ).

Ахъ, стыдъ какой!

Лиза.

Это, Анна Ивановна, вы говорите совсѣмъ напротивъ.

Анна Ивановна.

Ахъ, вы скромность! Ужь сказала-бы словечко, да не хорошо при парняхъ-то... Сама была въ дѣвкахъ, все знаю.

Любовь Гордѣевна.

Дѣвушка дѣвушкѣ рознь.

Маша.

Ахъ, стыдъ какой!

Лиза.

Что вы говорите, это даже для насъ оченно странно и, можно сказать, конфузно.

Разлюляевъ.

Ха, ха, ха!..

Анна Ивановна.

А объ чемъ сейчасъ наверху разговоръ былъ? Хотите, скажу!.. Ну, говорить, что-ли? Что, присмирѣли!

Разлюляевъ.

Ха, ха, ха!..

Анна Ивановна.

Ты что ротъ-то разинулъ! Не объ тебѣ — небось.

Разлюляевъ.

Хоша и не обо мнѣ, однако, можетъ быть, есть, кто и объ насъ думаетъ. Мы знаемъ, что знаемъ!

(Приплясываетъ.)

„Какъ гусара не любить!
Это негодится!“

Анна Ивановна (подходитъ къ Гуслину).

Что-же ты, бандуристъ, когда на мнѣ женишься?

Гуслинъ (играя на гитарѣ).

А вотъ когда отъ Гордѣя Карпыча разрѣшенье выдетъ. Куда намъ торопиться-то, надъ нами не каплетъ. (Киваетъ ей головой.) Поди-ка сюда, Анна Ивановна, мнѣ нужно сказать тебѣ одно дѣло. (Она подходитъ къ нему и садится подлѣ него; онъ ей шепчетъ на ухо, показывая на Любовь Гордѣевну и Митю.)

Анна Ивановна.

Что ты говоришь!.. Неужто?

Гуслинъ.

Ужь это вѣрно такъ.

Анна Ивановна.

Ну, такъ хорошо, молчи! (Говорятъ шопотомъ.)

Любовь Гордѣевна.

Ты, Митя, придешь къ намъ ужо вечеромъ?

Митя.

Приду-съ.

Разлюляевъ.

И я приду. Я больно плясать гораздъ. (Становится фертомъ). Дѣвушки, полюбите меня кто-нибудь.

Маша.

Какъ вамъ не стыдно! Что это вы такое говорите!

Разлюляевъ.

Что-жь такое за важность! Я говорю: полюбите меня... да... за мою простоту.

Лиза.

Этого не говорятъ дѣвушкамъ. А должны были сами дожидаться, чтобы васъ полюбили.

Разлюляевъ.

Да, дождешься отъ васъ, какже! (Пляшетъ.)

„Какъ гусара не любить?“

Любовь Гордѣевна (взглянувъ на Митю).

Можетъ быть, кто-нибудь и любитъ кого-нибудь, да не скажетъ: надобно самому догадаться.

Лиза.

Какая-же дѣвушка въ мірѣ можетъ сказать это!

Маша.

Конечно.

Анна Ивановна

(подходитъ къ нимъ и поглядываетъ то на Любовь Гордѣевну, то на Митю и запѣваетъ).

„Ужь и какъ это видно,
Коли кто кого любитъ —
Противъ милаго садится,
Тяжеленько вздыхаетъ“.

Митя.

На чей счетъ это принимать нужно?

Анна Ивановна.

Ужь мы знаемъ, на чей.

Разлюляевъ.

Стойте, дѣвушки, я вамъ пѣсню спою.

Анна Ивановна.

Спой, спой!

Разлюляевъ (поетъ протяжно).

„Леталъ медвѣдь по поднебесью“...

Анна Ивановна.

А ты хуже этой-то не знаешь!

Лиза.

Даже можно принять это въ насмѣшку.

Разлюляевъ.

А коли эта нехороша, я вамъ другую спою; я, вѣдь, веселый. (Поетъ.)

„Ахъ, бей въ доску,
Поминай Москву!
Москвѣ хочется жениться —
Коломну взять.
А Тула-то хохочетъ,
Да въ приданое не хочетъ!
А гречиха по четыре,
Крупа по сороку,
Вотъ просо у насъ гривна,
А ячмень три алтына".
(Обращаясь къ дѣвушкамъ.)
„Вздешевѣлъ-бы и овесъ —
Больно дорого провозъ?"

Видите, погода какова!

Маша.

Это къ намъ не относится.

Лиза.

Мы мукой не торгуемъ.

Анна Ивановна.

Да, ты что̀ присталъ! Ты вотъ отгадай загадку. Что̀ такое: кругла — да не дѣвка; съ хвостомъ — да не мышь?

Разлюляевъ.

Это штука мудреная!

Анна Ивановна.

То-то мудреная!.. Вотъ ты и думай! Ну, дѣвушки, пойдемте. (Дѣвушки встаютъ и собираются идти.) Парни, пойдемте. (Гуслинъ и Разлюляевъ собираются.)

Митя.

А я послѣ приду. Я тутъ уберу кой-что.

Анна Ивановна (пока собираются.)

„Вечоръ дѣвки,
Вечоръ красны,
Вечоръ дѣвки пиво варивали.
Зашелъ къ дѣвкамъ,
Зашелъ къ краснымъ,
Зашелъ къ дѣвкамъ да незванный гость".

(Анна Ивановна за дверью пропускаетъ всѣхъ, исключая Любови Гордѣевны, затворяетъ и не пускаетъ ее.)

Явленіе десятое

Митя и Любовь Гордѣевна.

Любовь Гордѣевна (у двери).

Перестаньте, не дурачьтесь. (За дверью дѣвичій смѣхъ.) Не пускаютъ!.. Ахъ какія! (Отходитъ отъ дверей.) Баловницы, право!..

Митя (подавая стулъ).

Присядьте, Любовь Гордѣевна, побесѣдуйте минуточку. Я очень радъ, видѣмши васъ у себя.

Любовь Гордѣевна (садится).

Чему тутъ радоваться, я не понимаю.

Митя.

Да какже-съ!.. Мнѣ очень пріятно-съ видѣть съ вашей стороны такое вниманіе, сверхъ моихъ для васъ заслугъ. Вотъ ужь другой разъ я имѣю счастіе-съ...

Любовь Гордѣевна.

Ну, что-жь! Пришла, посидѣла и ушла, въ этомъ важности не состоитъ. Я, пожалуй, и сейчасъ уйду.

Митя.

Ахъ, нѣтъ, не уходите-съ!.. Для чего-же-съ! (Вынимаетъ изъ кармана бумагу). Позвольте мнѣ презентовать вамъ мой трудъ... какъ умѣю, отъ души.

Любовь Гордѣевна.

Это что̀ такое?

Митя.

Собственно для васъ сочинилъ стихи.

Любовь Гордѣевна

(стараясь скрыть радость).

Еще, можетъ быть, глупость какая-нибудь... не сто̀итъ читать.

Митя.

Этого я не могу судить, потому какъ самъ я это писалъ и притомъ не учимшись.

Любовь Гордѣевна.

Прочитай.

Митя.

Сейчасъ-съ. (Садится подлѣ стола и беретъ бумагу, Любовь Гордѣевна подвигается къ нему очень близко.)

„Не цвѣточекъ въ полѣ вянетъ, не былинка —
Вянетъ, сохнетъ добрый молодецъ — дѣтинка.
Полюбилъ онъ красну дѣвицу на горе,
На несчастьице себѣ, да на большое.
Понапрасну свое сердце парень губитъ,
Что неровнюшку дѣвицу парень любитъ:
Во темну ночь красну солнцу не всходити,
Что за парнемъ красной дѣвицѣ не быти".

Любовь Гордѣевна

(сидитъ нѣсколько времени задумавшись).

Дай сюда. (Беретъ бумагу и прячетъ, потомъ встаетъ). Я тебѣ сама напишу.

Митя.

Вы-съ?

Любовь Гордѣевна.

Только стихами я не умѣю, а такъ, просто.

Митя.

За великое счастіе почту для себя ваше такое одолженіе-съ. (Даетъ бумагу и перо.) Извольте-съ.

Любовь Гордѣевна.

Жаль только, что скверно пишу-то. (Пишетъ; Митя хочетъ заглянуть.) Только ты не смотри, а то я брошу писать и изорву.

Митя.

Я не буду смотрѣть-съ. Но вы позвольте мнѣ на ваше снисхожденіе соотвѣтствовать тѣмъ-же, сколь могу, и написать для васъ стихи вторично-съ.

Любовь Гордѣевна (положивъ перо).

Пиши, пожалуй... Только пальцы всѣ выпачкала; кабы знала, лучше-бы не писала.

Митя.

Пожалуйте-съ.

Любовь Гордѣевна.

На, возьми. Только ты не смѣй читать при мнѣ, а прочти послѣ, когда я уйду. (Складываетъ бумажку и отдаетъ ему; онъ прячетъ въ карманъ.)

Митя.

Будетъ по вашему желанію-съ.

Любовь Гордѣевна (встаетъ).

Придешь къ намъ наверхъ?

Митя.

Приду-съ... сію минуту-съ.

Любовь Гордѣевна.

Прощай.

Митя.

До пріятнаго свиданія-съ. (Любовь Гордѣевна идетъ къ дверямъ; изъ дверей выходитъ Любимъ Карпычъ.)

Явленіе одиннадцатое.

Тѣ-же и **Любимъ Карпычъ.**

Любовь Гордѣевна.

Ахъ!

Любимъ Карпычъ

(указывая на Любовь Гордѣевну).

Стой! Что̀ за человѣкъ? По какому виду? За какимъ дѣломъ? Взять ее подъ сумнѣніе.

Любовь Гордѣевна.

Это вы, дяденька!

Любимъ Карпычъ.

Я, племянница! Что̀, испугалась! Ступай, не бось! Я не докащикъ, кладу все въ ящикъ, разберу послѣ, на досугѣ.

Любовь Гордѣевна.

Прощайте! (Уходитъ.)

Явленіе двѣнадцатое.

Митя и Любимъ Карпычъ.

Любимъ Карпычъ.

Митя, прими къ себѣ купеческаго брата Любима Карпова сына Торцова.

Митя.

Милости просимъ.

Любимъ Карпычъ (садится).

Братъ выгналъ! А на улицѣ, въ этомъ бурнусѣ, немного натанцуешь! Морозы... время крещенское — брррръ!.. И руки-то озябли, и ноги-то ознобилъ — брррръ!

Митя.

Погрѣйтесь, Любимъ Карпычъ.

Любимъ Карпычъ.

Ты меня не прогонишь, Митя? А то, вѣдь, замерзну на дворѣ-то... какъ собака замерзну.

Митя.

Какъ можно, что̀ вы говорите!..

Любимъ Карпычъ.

Вѣдь, вотъ братъ выгналъ-же. Ну, пока деньжонки были, шлялся кой-гдѣ по теплымъ мѣстамъ; а денегъ нѣтъ — нигдѣ не пускаютъ. А и денегъ-то было два франка да нѣсколько сантимовъ! Не великъ капиталъ! Каменный домъ не выстроишь!.. Деревни не купишь!.. Какъ-же надо поступить съ этимъ капиталомъ? Куда его дѣть? Не въ ломбардъ его несть! Вотъ я этотъ капиталъ взялъ да пропилъ, промоталъ. Туда ему и дорога!

Митя.

Зачѣмъ-же вы пьете, Любимъ Карпычъ? Черезъ это вы сами себѣ врагъ!

Любимъ Карпычъ.

Зачѣмъ я пью?.. Отъ глупости! Да, отъ своей глупости. А ты думалъ, отъ чего?

Митя.

Такъ вы лучше перестаньте.

Любимъ Карпычъ.

Нельзя перестать: на такую линію попалъ.

Митя.

Какая-же это линія?

Любимъ Карпычъ.

А вотъ слушай ты, живая душа, какая это линія.

Только ты слушай да на усъ мотай. Остался я послѣ отца, видишь ты, малъ малехонекъ, съ коломенскую версту, лѣтъ двадцати несмышленочекъ. Въ головѣ-то, какъ въ пустомъ чердакѣ, вѣтеръ такъ и ходитъ! Раздѣлились мы съ братомъ: себѣ онъ взялъ заведеніе, а мнѣ далъ деньгами, да билетами, да векселями. Ну, ужь какъ онъ тамъ раздѣлилъ — не наше дѣло, Богъ ему судья. Вотъ я и поѣхалъ въ Москву по билетамъ деньги получать. Нельзя не ѣхать! Надо людей посмотрѣть, себя показать, высокаго тону набраться. Опять-же я такой прекрасный молодой человѣкъ, а еще свѣту не видывалъ, въ частномъ домѣ не ночевывалъ. Надобно до всего дойти! Первое дѣло, одѣлся франтомъ, знай-дескать нашихъ! То-есть, такого-то дурака разыгрываю, что на рѣдкость! Сейчасъ, разумѣется, по трактирамъ... Шпиленъ зи полька, дайте еще бутылочку похолоднѣе. Пріятелей, друзей завелось, хоть прудъ пруди! По театрамъ ѣздилъ...

Митя.

А, вѣдь, это, должно быть, Любимъ Карпычъ, очень хорошо въ театрѣ представляютъ.

Любимъ Карпычъ.

Я все трагедію ходилъ смотрѣть: очень любилъ, только не видалъ ничего путемъ, и не помню ничего, потому что больше все пьяный. (Встаетъ.) „Пей подъ ножемъ Прокопа Ляпунова!“ (Садится.) Такимъ-то побытомъ деньжонки всѣ я ухнулъ; что осталось, повѣрилъ пріятелю Африкану Коршунову на божбу да на честное слово; съ нимъ-же я пилъ да гулялъ, онъ-же всему безпутству заводчикъ, главный заторщикъ изъ бражнаго, онъ-же меня и надулъ, вывелъ на свѣжую воду. И сѣлъ я, какъ ракъ на мели: выпить не на что, а выпить-то хочется. Какъ тутъ быть? Куда бѣжать, тоску дѣвать? Продалъ платье, всѣ свои модныя штуки, взялъ бумажками, размѣ-

нялъ на серебро, серебро на мѣдныя, а тамъ только пшикъ, да и все тутъ!

Митя.

Какъ-же вы жили, Любимъ Карпычъ?

Любимъ Карпычъ.

Какъ жилъ? Не дай Богъ лихому татарину. Жилъ въ просторной квартирѣ, между небомъ и землей, ни съ боковъ, ни съ верху нѣтъ ничего. Людей стыдно, отъ свѣту хоронишься, а выйти на Божій свѣтъ надобно: ѣсть нѣчего. Идешь по улицѣ, всѣ на тебя смотрятъ... Всѣ видѣли, какія я штуки выдѣлывалъ, на лихачахъ съ градомъ закатывалъ, а теперь иду оборванный да обдерганный, небритый... Покачаютъ головами да и прочь пойдутъ. Страмота, страмота, страмота! (Сидитъ повѣся голову.) Есть ремесло хорошее, коммерція выгодная — воровать. Да не гожусь я на это дѣло — совѣсть есть, опять-же и страшно: никто этой промышленности не одобряетъ.

Митя.

Послѣднее дѣло!

Любимъ Карпычъ.

Говорятъ, въ другихъ земляхъ за это по талеру платятъ, а у насъ добрые люди по шеямъ колотятъ. Нѣтъ, братъ, воровать скверно! Это штука стара, ее бросить пора... Да, вѣдь, голодъ-то не тетка, что-нибудь надобно дѣлать! Сталъ по городу скоморохомъ ходить, по копѣечкѣ собирать, шута изъ себя разыгрывать, прибаутки разсказывать, артикулы разные выкидывать. Бывало, дрожишь съ утра ранняго въ городѣ, гдѣ-нибудь за угломъ отъ людей хоронишься да дожидаешься купцовъ. Какъ пріѣдетъ, особенно кто побогаче, выскочишь, сдѣлаешь колѣно, ну и дастъ, кто пятачекъ, кто гривну. Что наберешь, тѣмъ и дышешь день-то, тѣмъ и существуешь.

Митя.

Вы-бы лучше, Любимъ Карпычъ, къ брату ѣхали, чѣмъ такъ жить-то.

Любимъ Карпычъ.

Нельзя, втянулся. Эхъ, Митя, попадешь на эту зарубку — не скоро соскочишь. Да ты не перебивай, твоя рѣчь впереди. Ну вотъ слушай! Простудился я въ городѣ — зима-то стояла холодная, а я вотъ въ этомъ пальтишкѣ щеголялъ, въ кулаки подувалъ, съ ноги на ногу перепрыгивалъ. Свезли меня добрые люди въ больницу. Какъ сталъ я выздоравливать да въ разсудокъ приходить, хмѣлю-то нѣтъ въ головѣ — страхъ на меня напалъ, ужасть на меня нашла!.. Какъ я жилъ? Что я за дѣла дѣлалъ? Сталъ я тосковать, да такъ тосковать, что, кажется, умереть лучше. Такъ ужь рѣшился, какъ совсѣмъ выздоровѣю, такъ сходить Богу помолиться да идти къ брату, пусть возьметъ хоть въ дворники. Такъ и сдѣлалъ. Бухъ ему въ ноги!.. Будь, говорю, вмѣсто отца! Жилъ такъ и такъ, теперь хочу за умъ взяться. А ты знаешь, какъ братъ меня принялъ! Ему, видишь, стыдно, что у него братъ такой. А ты поддержи меня, говорю ему, оправь, обласкай, я человѣкъ буду. Такъ нѣтъ, говоритъ, куда я тебя дѣну. Ко мнѣ гости хорошіе ѣздятъ, купцы богатые, дворяне; ты, говоритъ, съ меня голову снимешь. По моимъ чувствамъ и понятіямъ мнѣ-бы совсѣмъ, говоритъ, не въ этомъ роду родиться. Я, видишь, говоритъ, какъ живу: кто можетъ замѣтить, что у насъ тятенька мужикъ былъ? Съ меня, говоритъ, и этого стыда довольно, а то еще тебя на шею навязать. Сразилъ онъ меня, какъ громомъ! Съ этихъ-то словъ я опять сталъ зашибаться немного. Ну да, я думаю, Богъ съ нимъ, у него вотъ эта кость очень толста. (Показываетъ на лобъ.) Ему, дураку, наука нужна. Намъ, дуракамъ, не въ прокъ богатство, оно насъ

портитъ. Съ деньгами нужно обращаться умѣючи... (Дремлетъ.) Митя, я полежу у тебя, мнѣ соснуть хочется.

Митя.

Прилягте, Любимъ Карпычъ.

Любимъ Карпычъ (встаетъ).

Митя, ты мнѣ денегъ не давай... то-есть, много не давай, а немножко дай. Я вотъ сосну, да схожу погрѣться немного, понимаешь!.. Только я немного... ни ни!... Будетъ дурачиться.

Митя (вынимаетъ деньги).

Вотъ извольте, сколько вамъ нужно.

Любимъ Карпычъ (беретъ).

Гривенникъ надо. Тутъ все серебро, мнѣ серебра ненадо. Ты дай мнѣ еще семитку[1], вотъ и будетъ въ настоящій тактъ. (Митя даетъ.) Вотъ и довольно. Добрая ты душа, Митя! (Ложится.) Братъ не умѣетъ цѣнить тебя. Ну, да я съ нимъ штуку сдѣлаю. Дуракамъ богатство — зло! Дай умному человѣку деньги, онъ дѣло сдѣлаетъ. Я походилъ по Москвѣ-то, я все видѣлъ, все... Большую науку произошелъ! А дураку лучше денегъ не давай, а то онъ заломается... фу, фу, фу, трр!.. вотъ какъ братъ, да какъ я, скотина... (Полусоннымъ голосомъ.) Митя, я ночевать къ тебѣ приду.

Митя.

Приходите. Теперь контора пустая... праздники...

Любимъ Карпычъ (засыпая).

А я съ братомъ смѣшную штуку сдѣлаю. (Засыпаетъ.)

Митя

(подойдя къ двери, вынимаетъ письмо изъ кармана).

Что-то тутъ? Боюсь!.. Руки дрожатъ!.. Ну, ужь, что будетъ, то будетъ — прочитаю. (Читаетъ.) „И я тебя люблю. Любовь Торцова". (Схватываетъ себя за голову и убѣгаетъ.)

---

[1] Семитка — 2 копѣйки серебромъ (или 7 коп. ассигнаціями).

Дѣйствіе второе.

Гостиная въ домѣ Торцова. У задней стѣны диванъ, передъ диваномъ круглый столъ и шесть креселъ, по три на сторонѣ; въ лѣвомъ углу дверь; на стѣнахъ по зеркалу и подъ ними маленькіе столики; въ боковыхъ стѣнахъ по двери и дверь на задней въ углу. На сценѣ темно; изъ лѣвой двери свѣтъ.

Явленіе первое.

Любовь Гордѣевна и **Анна Ивановна** входятъ изъ двери освѣщенной.

Анна Ивановна.

Что̀-жь это они не идутъ, соколы-то наши?.. Не сходить-ли за ними?

Любовь Гордѣевна.

Нѣтъ, ненадо. А то, пожалуй, сходи. (Обнимаетъ ее.) Сходи-ка, Аннушка.

Анна Ивановна.

Что̀, видно, защемило сердечко-то?

Любовь Гордѣевна.

Ахъ, Аннушка, какъ я его люблю-то, кабы ты знала!..

Анна Ивановна.

А ты, дѣвка, люби, да ума не теряй. Не давай повадки, чтобъ не было оглядки. Посмотри прежде хорошенько, каковъ парень-то.

Любовь Гордѣевна.

Парень-то хорошій... Больно ужь онъ мнѣ по сердцу, такой тихій да сиротливый.

Анна Ивановна.

Ну, а коли хорошъ, такъ люби, тебѣ ближе знать. Я, вѣдь, такъ говорю, къ примѣру. Мало-ли нашей сестры отъ нихъ плачутся. Долго-ль до грѣха, не спросившись-то ума разума.

Любовь Гордѣевна.

Что̀ наша любовь? Какъ былинка въ полѣ: не расцвѣтетъ путемъ — да и поблекнетъ.

Анна Ивановна.

Постой-ка, дѣвушка, никакъ кто-то идетъ. Не онъ-ли? Я пойду, а ты подожди, можетъ, это и онъ... Потолкуете по душѣ. (Уходитъ. Входитъ Митя.)

Явленіе второе.

Любовь Гордѣевна и Митя.

Любовь Гордѣевна.

Кто тамъ?

Митя.

Я-съ, Митя.

Любовь Гордѣевна.

Что̀-жь ты такъ долго не шелъ?

Митя.

Меня задержали-съ (Подходитъ.) Любовь Гордѣевна, вы однѣ-съ?

Любовь Гордѣевна.

Одна. А что̀?

Митя.

Любовь Гордѣевна, какъ прикажете понимать вашу записку, въ правду, или въ шутку-съ? (Любовь Гордѣевна молчитъ.) Скажите, Любовь Гордѣевна! Я теперича нахожусь въ такомъ сумнѣніи, что не могу

этого вамъ выразить. Положеніе мое въ вашемъ домѣ вамъ извѣстно-съ: отъ всякаго зависимъ, отъ Гордѣя Карпыча я, можно сказать, пренебреженъ совсѣмъ; у меня только и было одно чувство, что къ вамъ-съ; если-же отъ васъ я буду принятъ въ насмѣшку, значитъ лучше мнѣ не жить на свѣтѣ-съ. Это вы повѣрьте душѣ моей. Я вамъ инстину говорю-съ.

Любовь Гордѣевна.

Нѣтъ, Митенька, я тебѣ въ правду написала, а не въ шутку. А ты меня любишь?

Митя.

Конечно, Любовь Гордѣевна, я не умѣю вамъ всего выразить, что чувствую; но хоша позвольте тѣмъ завѣрить, что я имѣю у себя сердце, а не камень. Вы можете мою любовь видѣть изъ всего-съ.

Любовь Гордѣевна.

А я думала, что ты любишь Анну Ивановну.

Митя.

Это не правда-съ.

Любовь Гордѣевна.

Право, мнѣ такъ сказывали.

Митя.

Еслибъ это была правда, значитъ, что̀-же я за человѣкъ послѣ этого! Могу-ли я выразить словами то, чего сердце не чувствуетъ! А я считаю такъ, что это безчестно. Я и того, можетъ быть, не стою, что вы ко мнѣ вниманіе имѣете, а не то, что васъ обмануть.

Любовь Гордѣевна.

Вамъ нельзя вѣрить: всѣ мужчины на свѣтѣ обманьщики.

Митя.

Пущай-же ихъ обманщики, но только не я.

Любовь Гордѣевна.

Почемъ знать! Можетъ быть, и ты обманываешь, хочешь насмѣшку надо мной сдѣлать.

Митя.

Легче-бы мнѣ, кажется, умереть на этомъ мѣстѣ, чѣмъ слышать отъ васъ такія слова! (Отворачивается.)

Любовь Гордѣевна.

Нѣтъ, Митя, я нарочно. Я знаю, что ты меня любишь; мнѣ только такъ хотѣлось пошутить съ тобой. (Митя молчитъ.) Митенька, Митя... Что-жь ты молчишь? Ты разсердился на меня? Я, вѣдь, говорю тебѣ, что шучу, Митя! Да ну-же, скажи что-нибудь. (Беретъ его за руку.)

Митя.

Эхъ, Любовь Гордѣевна, не шутки у меня на умѣ! Не такой я человѣкъ.

Любовь Гордѣевна.

Да не сердись.

Митя.

Ты, коли любишь, эти шутки брось! Не къ мѣсту онѣ. Эхъ, пропадай моя голова! (Обнимаетъ ее.) Развѣ силой возьмутъ, волей не отдамъ. Я за тебя Люба, душу положу!

Любовь Гордѣевна
(прижимаясь къ нему).

Митенька, какъ-же намъ быть-то теперь?

Митя.

Какъ быть? Не на то ужь мы слюбились, чтобъ разставаться.

Любовь Гордѣевна.

А ну, какъ да меня сговорятъ за кого-нибудь?

Митя.

А вотъ что, Люба: одно слово — надоть идти завтра къ Гордѣю Карпычу намъ вмѣстѣ, да въ ноги ему. Такъ и такъ, молъ, на все ваша воля, а намъ другъ безъ друга не жить. Да ужь коль любишь друга, такъ забудь гордость!

Любовь Гордѣевна.

Какая гордость, Митенька! До гордости-ли теперь! Ты, Митенька, не сердись на меня, не попомни моихъ прежнихъ словъ: это только дѣвичья глупость была одна, я винюсь передъ тобой! Не шутки съ тобой шутить, а приласкать-бы мнѣ тебя, бѣднаго, надо было. (Прилегаетъ къ нему на грудь.) А ну, какъ тятенька не захочетъ нашего счастія, что тогда?

Митя.

Что загадывать впередъ, тамъ какъ Богъ дастъ. Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ безъ тебя жизнь не въ жизнь! (Молчаніе.)

Любовь Гордѣевна.

Идетъ-кто-то!.. Ступай, голубчикъ, потихоньку, а я послѣ приду. (Митя тихо уходитъ; Арина входитъ со свѣчей; Любовь Гордѣевна идетъ къ ней на встрѣчу.)

Явленіе третье.

Арина, Любовь Гордѣевна и потомъ Егорушка.

Арина.

Ну тебя! Перепугала совсѣмъ. Что ты тутъ дѣлаешь? Маменька тамъ ищетъ тебя, а ты вотъ гдѣ. Что-й-то въ потемкахъ-то бродишь! Ишь ты, скромница, несмѣяна царевна. (Любовь Гордѣевна уходитъ.) Ужь и

въ самомъ дѣлѣ не было-ль тутъ кого съ ней. (Смотритъ по угламъ.) И я-то, дура, на кого подумала! (Зажигаетъ свѣчи.) Вѣдь, ишь ты грѣхъ-то какой придетъ на старости лѣтъ. (Егорушка входитъ.) Поди, Егорушка, позови сосѣднихъ дѣвушекъ. Скажи, молъ, Пелагея Егоровна приказала звать пѣсни пѣть.

Егорушка.

Ой! Что ты, Аринушка, матушка! (Пляшетъ.)

Арина.

Чему-жь ты радъ-то глупый!

Егорушка.

Еще-бъ не радоваться, этакое веселье! Ай, ай, ай!.. (Прыгаетъ.)

Арина.

Еще, можетъ, ряженые будутъ; молодцы нарядиться хотѣли.

Егорушка.

Ай, умру! Батюшки, умру!

Арина.

Да что ты, пострѣленокъ?

Егорушка.

Да со смѣху умру; смѣшливъ я больно, бабушка!

Арина.

А ты самъ нарядись.

Егорушка.

Наряжусь, наряжусь! Ай, батюшки, ай, ай, ай!

Арина.

Да ты бѣги поскорѣй за дѣвками-то.

Егорушка.

Въ секундъ! (Уходитъ. Входитъ Пелагея Егоровна.)

Явленіе четвертое.

Арина и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна.

Аринушка, послала ты за дѣвушками-то!

Арина.

Послала, матушка.

Пелагея Егоровна.

То-то. Пусть попоютъ съ нашими-то, Любушку съ гостьями потѣшатъ. По тѣхъ поръ и веселиться-то, пока молоды... да; извѣстно, дѣло дѣвичье, въ заперти да въ заперти, свѣту не видятъ... Ну, а теперь ихъ праздникъ... да, ужь пусть ихъ, пусть ихъ!

Арина.

Что-жь, матушка, что-жь! Пускай ихъ, что-жь!

Пелагея Егоровна.

Да мадерки, Аринушка, мадерки-то... постарше которымъ; ну, а молодымъ пряничковъ, конфетокъ, тамъ что знаешь... да! Сама ужь, сама ужь догадайся. Да мадерки-то, Аринушка, не забудь.

Арина.

Знаю, матушка, знаю. Ужь всего будетъ довольно. Сейчасъ, матушка, сейчасъ.

Пелагея Егоровна.

Да молодцамъ-то закусочки.

Арина.

Все, все, матушка, будетъ. Ужь ты не безпокойся ты поди къ гостямъ-то, а я ужь все съ удовольствіемъ сдѣлаю. (Уходитъ.)

Пелагея Егоровна (подойдя къ двери).

Дѣвушки, молодцы, подите сюда, тутъ попросторнѣй да посвѣтлѣе. (Входятъ Любовь Гордѣевна, Маша, Лиза, Анна Ивановна, Разлюляевъ, Митя, Гуслинъ и двѣ гостьи 1-я и 2-я).

Явленіе пятое.

Пелагея Егоровна, Любовь Гордѣевна, Маша, Лиза, Анна Ивановна, Разлюляевъ, Митя, Гуслинъ и двѣ гостьи старухи, 1-я и 2-я.

Пелагея Егоровна (старухамъ).

А мы вотъ здѣсь усядемся. (Садится на диванъ, старухи подлѣ нея; Анна Ивановна и Гуслинъ садятся на стулья и говорятъ тихо; Митя стоитъ подлѣ нихъ; Маша, Любовь Гордѣевна и Лиза ходятъ по залѣ, обнявшись; Разлюляевъ ходитъ за ними.) Поглядимъ на нихъ, пусть ихъ играютъ.

Лиза.

Я говорю: представьте, маменька, онъ не имѣетъ никакой политики въ разговорѣ, и даже такія слова говоритъ, что совсѣмъ неучтиво.

Разлюляевъ.

Это не въ нашъ-ли огородъ?

Лиза.

Не объ васъ рѣчь; ваше дѣло сторона. (Продолжаетъ.) Но за что-же, маменька, я должна его любить... (Говоритъ шопотомъ.)

Пелагея Егоровна.

Я, матушка, люблю по старому, по-старому... да, по-нашему, по-русскому. Вотъ мужъ у меня не любитъ, что дѣлать, характеромъ такой вышелъ. А я люблю, я веселая... да... чтобъ поподчивать, да чтобъ мнѣ пѣсни пѣли... да, въ родню въ свою: у насъ весь родъ веселый... пѣсельники.

1-я гостья.

Какъ я посмотрю, матушка, Пелагея Егоровна, нѣтъ того веселья, какъ прежде, какъ мы-то были молоды.

2-я гостья.

Нѣту, нѣту.

Пелагея Егоровна.

Я молодая-то была первая затѣйница — и попѣть, и поплясать — ужь меня взять . . . да . . . что пѣсенъ знала! Ужь теперь такихъ и не поютъ.

1-я гостья.

Нѣтъ, не поютъ, все новыя пошли.

2-я гостья.

Да, да, вспомянешь старину-то.

Пелагея Егоровна.

Яшенька, спой-ка какую-нибудь пѣсенку старенькую. (Гуслинъ беретъ гитару).

Разлюляевъ (дѣвушкамъ).

Стало быть, ужь мнѣ и не дожидаться; видно, отъ васъ никакого толку не будетъ.

Лиза.

Какого вамъ толку, я не понимаю.

Маша.

Даже смѣшно слышать.

Разлюляевъ.

Да, вамъ смѣшно, а мнѣ-то каково? За что въ самомъ дѣлѣ не любите?

Любовь Гордѣевна.

Сядемте. (Садятся.)

Гуслинъ (поетъ.)

„За рѣченькой, за быстрою
Четыре двора;
Въ этихъ-ли во дворикахъ
Четыре кумы.
Вы кумушки, голубушки,
Подружки мои,
Кумитеся, любитеся,
Любите меня.
Пойдете вы въ зеленый садъ —
Возьмите меня;
Вы станете цвѣточки рвать —
Сорвите и мнѣ;
Вы станете вѣночки плесть —
Сплетите и мнѣ;
Пойдете на рѣченьку —
Возьмите меня;
Вы станете вѣнки бросать —
Вы бросьте и мой.
Какъ всѣ вѣнки по сверхъ воды,
А мой потонулъ;
Какъ всѣ дружки домой пришли,
А мой не пришелъ.“

Арина

(входитъ съ бутылками, стаканами и дѣвушка съ закусками.)

Вотъ, матушка, я принесла.

Пелагея Егоровна (дѣвушкѣ.)

Поподчуй барышень-то. (Дѣвушка обноситъ дѣвицъ, ставитъ подносъ на столъ и уходитъ.) Арина, а вино-то ты дай сюда. Да налей, налей мадеры-то, мадеры-то . . . Повеселѣй будетъ. Что-жь, ничего, выпьемъ. Насъ не осудятъ — мы старухи, да . . . (Пьютъ.) Аннушка, поди выпей винца. Выпьешь, что-ли?

Анна Ивановна.

Вотъ, что-жь не выпить! Говорятъ, безъ людей не пей, а при людяхъ нужды нѣтъ (Подходитъ къ Пелагеѣ Егоровнѣ, пьетъ и разговариваетъ потихоньку.)

Арина.

Молодцы, что-жь вы осовѣли?

Митя.

Я не пью-съ.

Разлюляевъ

Можно! (Подходитъ съ Гуслинымъ и пьетъ, потомъ, ухвативъ Арину.)

Разлюляевъ.

Ну-ка, тряхнемъ стариной! (Поетъ.)

„Эхъ, тряхону-ль я старину
Про Ерему, про Ѳому....“

Арина.

Отстань, озорникъ, изломалъ всю!

Разлюляевъ (поетъ).

„Ахъ, возжи во Калугѣ,
Хомутъ во Тарусѣ,
Сани съ подрѣзами,
Ѣдутъ они сами“.

(Дѣвушки смѣются.)

Арина.

Отвяжись, говорятъ!.. Ну-те совсѣмъ! (Уходитъ).

Анна Ивановна.

Да ты что̀ старуху-то теребишь, давай со мной.

Разлюляевъ.

Ну, давай! Играй, Яша! (Яша играетъ; они пляшутъ).

1-я гостья.

Веселая бабочка-то.

Пелагея Егоровна.

Веселая, веселая.

Разлюляевъ (топнувъ ногой).

У насъ вотъ какъ! (Перестаетъ плясать.)

Егорушка (входитъ).

Дѣвушки пришли.

Пелагея Егоровна.

Ну, зови ихъ. (Егорушка уходитъ; дѣвушки входятъ; Арина приноситъ блюдо и покрываетъ) Садитесь-ка да запойте подблюдныя, я ихъ очень люблю. (Любовь Гордѣевна, Маша, Лиза и Анна Ивановна снимаютъ кольца и кладутъ на блюдо; дѣвушки запѣваютъ.)

Сѣй, мати, мучицу,
Пеки пироги.
Слава!

Къ тебѣ будутъ гости,
Ко мнѣ женихи.
Слава!

Къ тебѣ будутъ въ лаптяхъ,
Ко мнѣ въ сапогахъ.
Слава!

Кому спѣли —
Тому добро.
Слава!

Кому вынется —
Тому сбудется.
Слава!

(Разлюляевъ засучиваетъ рукава, вынимаетъ кольцо, отдаетъ Любови Гордѣевнѣ.)

Пелагея Егоровна.

Пора ужь, пора.

Дѣвушки (запѣваютъ).

Сидитъ воробей
На Бѣлѣ-городѣ
Слава!

На Бѣлѣ-городѣ,
На высокой стѣнѣ.
Слава!

Глядитъ воробей
На чужу сторону.
Слава

Кому вынется —
Тому сбудется.
Слава!

Арина (входитъ).

Ряженые пришли; прикажете пустить?

Пелагея Егоровна.

Что̀-жь, пусти, пусть попляшутъ. А вы, дѣвушки, послѣ попоете.

Явленіе шестое.

Тѣ-же и ряженые: старикъ съ балалайкой или гитарой, вожакъ съ медвѣдемъ и козой, Егорушка съ патокой.

Старикъ (кланяется).

Всей честно̀й бесѣдѣ поклонъ.

Вожакъ.

Кланяйся, Мишка. (Медвѣдь кланяется.)

Старикъ.

Прикажите попѣть, поплясать, позабавить, свои старыя косточки поправить.

Пелагея Егоровна.

Что̀-жь, ничего, попляшите. Поподчуй ихъ, Аринушка, винцомъ. (Арина подноситъ вино; нѣкоторые пьютъ.)

Старикъ.

Благодаримъ покорно на ласковомъ словѣ да на подчиваньѣ. (Запѣваетъ.)

„Какъ ужь наши молодцы,
Хоть голы, да удалы!
Они сукна ткутъ,
Во двѣнадцать рукъ.
Они сукна переткали —
Всѣмъ кафтаны першивали.
Намъ недороги кафтаны,
Были-бъ денежки въ карманѣ.
Цѣлковые по мошнамъ
Не даютъ спать по ночамъ;
Мѣдны денежки гремятъ —

Во кабакъ идти велятъ.
Цѣловальничекъ Андрей,
Отпирай кабакъ скорѣй:
У насъ новый кафтанъ есть
Мы заложимъ его здѣсь,
Не домой-же его несть."

(Отходитъ въ сторону).

Егорушка (пляшетъ съ патокой.)

„Ахъ патока, патка,
Вареная, сладка!

Зима, зимушка зима
Студена больно была!
Больно вьюжливая
И мятельливая —
Всѣ дорожки замети,
Нельзя къ миленькой пройти.

Ахъ патока, патка,
Вареная, сладка!

Сидитъ моя жена,
Ровно перепелка!
Я за то ее люблю,
За то почитаю,
Что чопорно ходитъ,
Хорошо гуляетъ."

(Кланяется.)

1-я гостья.

Ишь ты какой молодецъ!.. а!

Пелагея Егоровна.

Что-жь, матушка, по дѣтству, какъ умѣетъ. Вѣдь, ребенокъ еще. Поди сюда, Егорушка. (Егорушка подходитъ). На тебѣ пряничка... (Даетъ; Егорушка кланяется и уходитъ.) Да... ребенокъ еще, что съ него взять-то! (Вожакъ водитъ медвѣдя; коза пляшетъ.)

Старикъ (поетъ).

„Какъ у насъ-то козелъ
Что за умный былъ:
Самъ и по воду ходилъ,
Самъ и кашу варилъ —

Дѣда съ бабкой кормилъ.
Какъ пошелъ нашъ козелъ,
Онъ во темный лѣсъ,
Какъ на встрѣчу козлу
Да семь волковъ:
Какъ одинъ-то волкъ,
Онъ голодный былъ,
Онъ три года ходилъ,
Все козлятинки просилъ."

Вожакъ (медвѣдю).

Проси вина, поминать козла. (Медвѣдь кланяется.)

Пелагея Егоровна.

Аринушка, поподчуй ряженыхъ-то. (Арина подноситъ; они пьютъ и кланяются.)

Вожакъ.

А ну-ка, Мишенька, потѣшь честныхъ господъ. А какъ красныя дѣвицы, молодыя молодицы, бѣлятся, румянятся, на молодцовъ поглядываютъ, жениховъ выглядываютъ. (Медвѣдь ломается.) А какъ старая старушка на работу идетъ, сгорбимшись, съежимшись, пришибла ее старость, одолѣла ее древность. (Медвѣдь ломается.) Ну, поклонись теперь честнымъ господамъ. (Отходятъ; старикъ играетъ на гитарѣ, прочіе ряженые пляшутъ; всѣ на нихъ смотрятъ; Гуслинъ и Митя стоятъ подлѣ Любови Гордѣевны; Митя шепчетъ ей что-то и цалуетъ; Разлюляевъ подходитъ.)

Разлюляевъ.

Это ты что дѣлаешь?

Митя.

А тебѣ что за дѣло?

Разлюляевъ.

Вотъ я Пелагеѣ-то Егоровнѣ скажу, дай срокъ!

Митя.

Ты у меня пикни только!

Гуслинъ (наступаетъ на него).

Ты смотри у меня! Намъ, вѣдь, вмѣстѣ идти отсюда; дѣло-то ночное, а переулокъ-то у васъ глухой, такъ ты помни это!

Разлюляевъ.

Что вы пристали? Къ чему? Я жениться хочу на ней, хочу свататься. Что взяли! Да, женюсь!

Митя.

Увидимъ.

Разлюляевъ.

Такъ за тебя, что-ль, отдадутъ? Какъ-же, держи карманъ-то!.. А у насъ денегъ много!..

Арина.

Вѣдь, ишь ты шумъ какой!.. Перестаньте вы!.. Никакъ кто-то стучитъ... (Всѣ прислушиваются). Такъ и есть... стучатъ.

Пелагея Егоровна.

Отопри поди.

Арина

(уходитъ, потомъ возвращается).

Самъ пріѣхалъ! (Всѣ встаютъ.)

Явленіе седьмое.

Тѣ-же, **Гордѣй Карпычъ и Коршуновъ.**

Гордѣй Карпычъ (къ ряженымъ).

Это что за сволочь!.. Вонъ! (Къ женѣ.) Жена! Пелагея Егоровна! Принимай гостя. (Тихо.) Зарѣзала ты меня!

Пелагея Егоровна.

Милости просимъ, Африканъ Савичъ, милости просимъ.

Коршуновъ.

Здравствуйте, Пелагея Егоровна... Хе, хе, хе!.. Да у васъ веселье! Вотъ какъ мы въ пору попали.

Пелагея Егоровна.

А я вотъ съ дѣвушками... Да, я все съ дѣвушками. Что-жь, святки; дочку потѣшить хочется.

Гордѣй Карпычъ.

Милости просимъ, Африканъ Савичъ, безъ церемоніи. (Африканъ Савичъ садится на кресло къ столу. Къ женѣ.) Гони дѣвокъ-то вонъ.

Коршуновъ.

За что ихъ гнать! Кто-жь дѣвушекъ гонитъ... Хе, хе, хе!.. Онѣ попоютъ, а мы послушаемъ, да посмотримъ на нихъ, да еще денегъ дадимъ, а не то, что гнать.

Гордѣй Карпычъ.

Какъ тебѣ угодно, Африканъ Савичъ! Мнѣ только конфузно передъ тобою! Но ты не заключай изъ этого про наше необразованіе — вотъ все жена. Никакъ не могу вбить ей въ голову. (Къ женѣ.) Сколько разъ говорилъ я тебѣ: хочешь сдѣлать у себя вечеръ, позови музыкантовъ, чтобы это было во всей формѣ. Кажется, тебѣ ни въ чемъ отказу нѣтъ.

Пелагея Егоровна.

Ну ужь, куда намъ музыкантовъ... старухамъ. Это ужь вы забавляйтесь.

Гордѣй Карпычъ.

Вотъ какія у нихъ понятія объ жизни! Я думаю, тебѣ смѣшно слушать.

Пелагея Егоровна.

Да что понятія, понятія! Ты-бы вотъ лучше по-

подчивалъ гостя. Неугодно-ли, Африканъ Савичъ, винца съ нами, со старухами. (Наливаетъ мадеры.)

Гордѣй Карпычъ (строго).

Жена! Съ ума, что̀-ль, сошла въ самомъ дѣлѣ? Не видывалъ Африканъ Савичъ твоей мадеры-то! Шампанскаго вели подать... полдюжины... да проворнѣй. Да вели зажечь свѣчи въ гостиной, что̀ новая небель поставлена. Тамъ совсѣмъ другой ефектъ будетъ.

Пелагея Егоровна.

Сейчасъ сама все сдѣлаю. (Встаетъ.) Аринушка, пойдемъ. Извините, сосѣдушки.

1-я гостья.

Э, матушка, и мы съ тобой пойдемъ. Ужь намъ и ко дворамъ пора.

2-я гостья.

Пора, пора! Ночи темныя, собаки по переулкамъ лихія.

1-я гостья.

Охъ, лихи, лихи!.. (Раскланиваются и уходятъ.)

Явленіе восьмое.

Гордѣй Карпычъ, Коршуновъ, Любовь Гордѣевна, Анна Ивановна, Маша, Лиза, дѣвушки, Митя, Гуслинъ и Разлюляевъ.

Коршуновъ.

Пойдемъ къ барышнямъ. Гдѣ это ты такихъ красавицъ подобралъ... Хе! (Подходитъ къ Любови Гордѣевнѣ.) Здравствуйте, Любовь Гордѣевна, красавица вы моя! (Любовь Гордѣевна кланяется.) Примите меня въ свою компанію.

Любовь Гордѣевна.

Мы никого отъ себя не гонимъ.

Анна Ивановна.

Садитесь, такъ гости будете.

Кошуновъ.

Сухо принимаете старичка. Нынѣче дни святочные, и поцаловаться, чай, можно.

Анна Ивановна.

Зачѣмъ эти нѣжности заводить.

Коршуновъ.

Гордѣй Карпычъ, можно съ дочкой поцаловаться? А я, признаться... хе, хе... до этого охотникъ. Да вѣдь, и кто-жь не любитъ!.. Хе, хе!..

Гордѣй Карпычъ.

Сдѣлай милость, безъ церемоніи.

Коршуновъ.

Поцалуемтесь барышня.

Любовь Гордѣевна.

Если тятенькѣ угодно... (Цалуется.)

Коршуновъ.

Ну, да ужь со всѣми по порядку.

Анна Ивановна.

Я, пожалуй! Я не спѣсива.

Маша.

Ахъ, стыдъ какой!..

Лиза.

Ну ужь, нѣчего сказать,велика пріятность.

Гордѣй Карпычъ (подходя къ Митѣ).

Ты зачѣмъ? Развѣ здѣсь твое мѣсто? Залетѣла ворона въ высокія хоромы! (Митя, Гуслинъ и Разлюляевъ уходятъ.)

Явленіе девятое.

Гордѣй Карпычъ, Коршуновъ, Любовь Гордѣевна, Анна Ивановна, Маша, Лиза и дѣвушки.

Коршуновъ

(садясь подлѣ Любови Гордѣевны).

Я, Любовь Гордѣевна, не въ васъ: вы меня и поцаловать не хотѣли, хе, хе, хе, а я вамъ подарочекъ принесъ.

Любовь Гордѣевна.

Напрасно безпокоились.

Коршуновъ.

Вотъ я вамъ брилліантикъ привезъ, хе, хе... (Отдаетъ.)

Любовь Гордѣевна.

Это серьги! Покорно васъ благодарю.

Анна Ивановна.

Покажи-ка.

Маша.

Но это прелестно!

Лиза.

И съ большимъ вкусомъ!

Коршуновъ.

Дайте мнѣ вашу ручку-то. (Беретъ и цалуетъ). Я васъ, вѣдь, очень люблю, хе, хе, хе, очень люблю, а вѣдь, вы меня, чай, не любите, а?

Любовь Гордѣевна.

За что-же мнѣ васъ не любить?

Коршуновъ.

За что! Другого любите кого-нибудь, вотъ за

что̀. А вы меня полюбите, я человѣкъ хорошій, веселый, хе, хе, хе...

Любовь Гордѣевна.

Я не знаю, что вы говорите.

Коршуновъ.

Я говорю: полюбите меня. Что̀-жь, я еще не старъ... (Смотритъ на нее.) Али старенекъ? хе, хе, хе... Ну, что̀-жь, не бѣда. За то будете въ золотѣ ходить. У меня, вѣдь, денегъ-то нѣтъ, я человѣкъ бѣдный... Такъ какихъ-нибудь сотъ пять тысячъ... хе, хе, хе, серебромъ!.. (Беретъ за руку.)

Любовь Гордѣевна (вставая).

Ненужно мнѣ вашихъ денегъ.

Гордѣй Карпычъ.

Любовь, куда ты?

Любовь Гордѣевна.

Я къ маменькѣ!

Гордѣй Карпычъ.

Останься; она сюда придетъ. (Любовь Гордѣевна садится.)

Коршуновъ.

Не хотите со старикомъ-то посидѣть. Дайте мнѣ ручку, барышня, я поцалую.

Любовь Гордѣевна (даетъ руку).

Ахъ, Боже мой!

Коршуновъ.

Ручка-то какая! хе, хе, хе... бархатная! (Гладитъ своею рукой и потомъ надѣваетъ брилліантовый перстень.)

Любовь Гордѣевна (освобождая руку).

Ахъ, оставьте меня, ненадо мнѣ, ненадо.

Коршуновъ.

Ничего, мнѣ это не убытокъ, авось не разоритъ.

Любовь Гордѣевна.

Да мнѣ-то ненадо. Дарите, кому хотите. (Снимаетъ и отдаетъ.)

Коршуновъ.

Даютъ, такъ назадъ не берутъ... хе, хе, хе! (Входятъ: Пелагея Егоровна, за ней Арина и Егорушка съ виномъ стаканами.)

Явленіе десятое.

Тѣ же и Пелагея Егоровна, Арина и Егорушка.

Гордѣй Карпычъ.

Пойдемъ-ка выпьемъ.

Коршуновъ.

Ну, Гордѣй Карпычъ, подчуй, а вы, дѣвки, величайте меня. Я почетъ люблю.

Пелагея Егоровна.

Дѣвушки, повеличайте.

Гордѣй Карпычъ

(откупориваетъ, наливаетъ и подноситъ).

Дорогому гостю, Африкану Савичу. Кланяйся, жена!

Пелагея Егоровна.

Пожалуйте, Африканъ Савичъ, просимъ покорно. (Коршуновъ беретъ).

Гордѣй Карпычъ (беретъ стаканъ).

Жена, выпей.

Пелагея Егоровна.

Охъ, не люблю я что-то этого вина-то... ну, да ужь выпью стаканчикъ.

Дѣвушки (запѣваютъ)

„А кто у насъ холостъ,
А кто не женатый?
Африканъ-отъ холостъ,
Савичъ не женатый.
На коня садится,
Подъ нимъ конь бодрится,
Къ лугамъ подъѣзжаетъ —
Луга зеленѣютъ,
Цвѣты расцвѣтаютъ."

Коршуновъ

(садясь подлѣ Любови Гордѣевны).

Вотъ это хорошо, это я люблю. Ну-ка, подойди сюда которая-нибудь. (Дѣвушка подходитъ, онъ ее треплетъ по щекѣ.) Ишь ты востроглазая какая! Вѣдь, вамъ, дѣвушкамъ, чай, много надобно на бѣлила на бѣлыя, на румяна на алыя... хе, хе, хе... а у меня денегъ нѣтъ, за мной будетъ... хе, хе, хе... Держи фартукъ. (Сыплетъ ей деньги, мелочь; дѣвушка кланяется и уходитъ) Ну, что же, Гордѣй Карпычъ, скажи женѣ-то, зачѣмъ мы пріѣхали.

Гордѣй Карпычъ.

Я тебѣ, жена, давно говорилъ, что мнѣ въ здѣшнемъ городѣ жить надоѣло, потому, на каждомъ шагу здѣсь можешь ты видѣть какъ есть одно невѣжество и необразованіе. Для того я хочу переѣхать отселева въ Москву. А у насъ тамъ будетъ не чужой человѣкъ, будетъ зятюшка Африканъ Савичъ.

Пелагея Егоровна.

Ахъ, ахъ, что вы?

Коршуновъ.

А ужь мы, Пелагея Егоровна, по рукамъ ударили... Что вы такъ испугались, я ее не съѣмъ.

Пелагея Егоровна.

Ахъ, ахъ, батюшки! (Хватаетъ дочь.) Моя дочь! Не отдамъ!

Гордѣй Карпычъ.

Жена!

Пелагея Егоровна.

Батюшка, Гордѣй Карпычъ, не шути надъ материнскимъ сердцемъ!.. Перестань!.. Истомилъ всю душу.

Гордѣй Карпычъ.

Жена, ты меня знаешь!.. Ты, Африканъ Савичъ, не безпокойся: у меня сказано — сдѣлано.

Коршуновъ.

Обѣщалъ, такъ держи слово. (Встаетъ, подходитъ къ дѣвушкамъ и говоритъ съ ними тихо.)

Любовь Гордѣевна (подходитъ къ отцу).

Тятенька! Я изъ твоей воли ни на шагъ не выйду. Пожалѣй ты меня, бѣдную, не губи мою молодость!..

Гордѣй Карпычъ.

Ты, дура, сама не понимаешь своего счастья. Въ Москвѣ будешь по-барски жить, въ каретахъ будешь ѣздить. Одно дѣло — ты будешь жить на виду, а не въ этакой глуши; а другое дѣло — я такъ приказываю.

Любовь Гордѣевна.

Я приказу твоего не смѣю ослушаться. Тятенька! (Кланяется въ ноги.) Не захоти ты моего несчастья на всю мою жизнь!.. Передумай, тятенька!.. Что хочешь меня заставь, только не принуждай ты меня противъ сердца замужъ идти за немилаго!..

Гордѣй Карпычъ.

Я своего слова назадъ не беру. (Встаетъ.)

Любовь Гордѣевна.

Твоя воля, батюшка! (Кланяется и отходитъ къ матери.)

Коршуновъ.

Вотъ и дѣлу конецъ! Ну-ка, дѣвушки, свадбишную.

Дѣвушки (поютъ).

„Поблекнутъ всѣ цвѣтики во саду,
Завянутъ лазоревы въ зеленомъ,
Мой миленькій, аленькій безъ меня.
Вставай-ка ты, матушка, раненько,
Поливай всѣ цвѣтики частенько,
Утренней, вечернею зарей,
А еще своей горючею слезой."

Любовь Гордѣевна.

Не ту, не ту, запойте другую.

Гордѣй Карпычъ.

Пойдемъ, Африканъ Савичъ, въ гостиную. Жена! Приходите всѣ туда.

Любовь Гордѣевна.

Куда мнѣ дѣваться-то!..

Гордѣй Карпычъ.

Арина, перенеси вино.

Арина.

Охъ, постой, не до тебя. Дитятко ты мое!.. Дѣвушки, голубушки, вотъ какую запоемте. (Запѣваетъ.)

„Ты родимая моя матушка!
Въ день денна моя печальница,
Въ ночь ночная богомольница,
Вѣкова моя сухотница!
Прогляди ты очи ясныя,
На свою на дочку глядючи,
На свою на дочь любимую,
Въ послѣдній разъ въ останешный!"

Любовь Гордѣевна.

Въ останешній. (Въ продолженіи этой пѣсни Гордѣй Карпычъ и Коршуновъ уходятъ; Любовь Гордѣевна въ объятіяхъ матери, подруги окружаютъ ее.)

Дѣйствіе третье.

Небольшая комната въ домѣ Торцова, заставленная разнаго рода шкафами, сундуками и этажерками съ посудой и серебромъ; мебель: диваны, кресла, столы, все очень богато и поставлено тѣсно. Вообще эта комната составляетъ родъ кабинета хозяйки, откуда она управляетъ всѣмъ домомъ и гдѣ принимаетъ своихъ гостей запросто. Одна дверь въ залу, гдѣ обѣдаютъ гости, другая во внутреннія комнаты.

Явленіе первое.

Арина сидитъ на стулѣ у двери въ залу; подлѣ нея нѣсколько дѣвушекъ и женщинъ.

Арина (указывая въ залу).

Не ждали-то, матушки, не чаяли! Налетѣлъ ястребомъ, какъ снѣгъ на голову, вырвалъ нашу лебедушку изъ стада лебединаго, отъ батюшки, отъ матушки, отъ родныхъ, отъ подруженекъ. Не успѣли и опомниться!.. Ужь и что это на бѣломъ свѣтѣ дѣется! Люди-то нынче пошли злы-обманчивы, лукавы-подходчивы. Обошелъ Гордѣя Карпыча да тѣмъ да другимъ, ровно туманомъ какимъ, а тотъ-то, на старости, да польстись на его богачество! Красоту-то нашу писанную да за стараго, за постылаго и сговорили. Вонъ она, моя голубушка, сидитъ — на свѣтъ не глядитъ. Охъ, тошнехонько мнѣ! На то-ль я тебя выходила да выняньчила, на своихъ рукахъ выносила, какъ птичку какую въ хлопочкахъ берегла!.. А еще недавнушко мы съ ней такъ-то вотъ растолковалися. Не отдадимъ, говорю, тебя, дитятко, за простого человѣка; развѣ какой королевичъ изъ

чужихъ земель наѣдетъ да у воротъ въ трубу затрубитъ. А вотъ и не вышло по-нашему. Вонъ онъ, разлучитель-то нашъ, сидитъ, толстый да губастый! Ишь на нее поглядываетъ да посмѣивается — любо ему! О, чтобъ тебѣ пусто было! Ну вотъ покушали, встаютъ, ступайте за дѣло. (Встаетъ со стула; женщины уходятъ. Входитъ Пелагея Егоровна.)

Явленіе второе.

Арина и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна.

Поди-ка ты, Аринушка, пособи со стола сбирать... да... А я отдохну, посижу — устала.

Арина.

Какъ не устать, родная ты моя, день деньской на ногахъ, молоденькая-ли ты!..

Пелагея Егоровна (садится на диванъ).

Охъ!.. Да, самоваръ-то чтобъ туда подали въ дѣвичью, большой... который самой-то большой. Да сыщи Аннушку, пошли ко мнѣ.

Арина.

Слушаю, слушаю.

Пелагея Егоровна.

Да... поди, поди... Охъ моченьки моей нѣтъ! (Арина уходитъ.) Всю головушку разломило! Горе-то горемъ, а тутъ хлопоты еще. Да, да, хлопотъ-то что̀! ай, ай, ай! Сбилась съ ногъ, совсѣмъ сбилась! Дѣла-то много, а въ головѣ все не то... И тамъ нужно, и здѣсь нужно, а ухватиться не знаю, за что̀... Право... да... (Садится задумавшись). Какой это женихъ, какой женихъ... ахъ, ахъ, ахъ!.. Гдѣ тутъ любви ждать!.. На богатство, что̀-ли, она

польстится!.. Она теперь дѣвушка въ самой порѣ, сердчишко, вѣдь, тоже, чай, бьется иногда. Ей-бы теперь хоть бѣдненькаго, да друга милаго... Вотъ-бы и житье... вотъ-бы и рай... (Анна Ивановна входитъ).

Явленіе третье.

Пелагея Егоровна и Анна Ивановна.

Пелагея Егоровна.

На-ка тебѣ ключи-то отъ чаю. Поди разлей гостямъ-то; ну, да тамъ все, что̀ нужно, ужь сама знаешь! Я-то ужь ноги отходила, а тебѣ что̀ — ты бабочка молоденькая... да... послужи.

Анна Ивановна.

Что̀-жь не послужить, не велика работа, руки не отвалятся. (Беретъ ключи.)

Пелагея Егоровна.

Вонъ тамъ въ шкапу чай-то, въ ящичкѣ красненькомъ. (Анна Ивановна отпираетъ и достаетъ ящичекъ. Митя входитъ.)

Явленіе четвертое.

Тѣ же и Митя.

Пелагея Егоровна.

Что̀ тебѣ, Митенька, надобно?

Митя (сдерживая слезы).

Я-съ... я-съ, Пелагея Егоровна, за всю вашу ласку и за всѣ ваши снисхожденія, и даже чего, можетъ быть, и не стою... какъ вы, по сиротству моему, меня не оставляли и вмѣсто матери... я... вами долженъ быть всю жизнь благодаренъ и завсегда Богу молить-съ. (Кланяется въ ноги.)

Пелагея Егоровна.

Да что̀ ты, Митя?

Митя.

Благодарю васъ за все-съ. Теперича прощайте, Пелагея Егоровна! (Встаетъ.)

Пелагея Егоровна.

Куда-жь ты?

Митя.

Къ матушкѣ хочу ѣхать-съ.

Пелагея Егоровна.

На долго-ли-же ты ѣдешь?

Митя.

Да я у хозяина отпросился на праздники, а ужь надо такъ полагать, что я тамъ вовсе останусь.

Пелагея Егоровна.

За что̀ ты это, Митя, насъ бросить хочешь?

Митя (переминаясь).

Да такъ ужь!.. Ужь что̀-же... я ужь такъ порѣшился.

Пелагея Егоровна.

А когда-же ты ѣдешь?

Митя.

Сегодня въ ночь. (Молчаніе.) Такъ думаю, до ночи-то съ вами не увидишься, такъ я прститься пришелъ.

Пелагея Егоровна.

Ну, что̀-жь, Митя, коли тебѣ тамъ надобно... Мы тебя не держимъ, Богъ съ тобой... Прощай!..

Митя

(кланяется въ ноги Пелагеѣ Егоровнѣ, цалуется съ нею и съ Анной Ивановной, потомъ такъ кланяется и останавливается).

Надо-бы и съ Любовью Гордѣевной проститься... Что-жь, вѣдь, въ одномъ домѣ жили... Либо живъ буду, либо нѣтъ...

Пелагея Егоровна.

Да, надо, надо. Что-жь, простись, простись!.. Аннушка, поди покличь Любушку.

Анна Ивановна (покачавъ головой).

„Одинъ ведетъ за рученьку, другой за другу, третій стоитъ, слезы ронитъ, любилъ да не взялъ". (Уходитъ.)

Явленіе пятое.

Пелагея Егоровна и Митя.

Пелагея Егоровна.

А у насъ-то, Митенька, какое горе-то! Какъ его размыкать — размотать, не придумаю... Ровно меня громомъ ошибло, въ себя не приду.

Митя.

Кто-же теперича этому виноватъ-съ, не на кого вамъ плакаться, Пелагея Егоровна-съ, сами отдаете.

Пелагея Егоровна.

Сами... сами... да, сами отдаемъ. Охъ, только не моя, Митя, воля; кабы моя воля была, нѣшто-бъ я отдала! Что я, развѣ врагъ ей!

Митя.

Человѣкъ-то, какъ по наслышкѣ, не больно-то завидный. Ничего хорошаго, окромя дурного, не слыхать.

Пелагея Егоровна.

Знаю, Митенька, знаю.

Митя.

А, вѣдь, ужь теперича, по этимъ слухамъ, надо такъ сказать, что, должно быть, Любови Гордѣевнѣ за этакимъ человѣкомъ, и притомъ въ отдаленности, совсѣмъ погибать надобно-съ.

Пелагея Егоровна.

Охъ, ужь не говори ты мнѣ, не говори... и безъ тебя тошнехонько. Глаза-то всѣ проглядѣла, на нее глядючи! Хоть бы теперь-то наглядѣться на нее про запасъ. Точно я ее хоронить собираюсь.

Митя (почти плача).

Такъ это что̀-жь такое! Нѣшто этакъ-то дѣлаютъ? Вѣдь, она, чай, ваша родная дочь!..

Пелагея Егоровна.

Кабы не родная, такъ я бы не плакала и не убивалася, не надрывалось бы мое сердце на ея на слезы.

Митя.

Чѣмъ плакать-то, не отдавали-бъ лучше. За что̀ дѣвичій вѣкъ заѣдаете, въ кабалу отдаете? Нѣшто это не грѣхъ? Вѣдь, чай, вамъ за нее надоть будетъ Богу отвѣтъ дать.

Пелагея Егоровна.

Знаю я, все знаю, да говорю-жь я тебѣ, что не моя воля. Что ты присталъ ко мнѣ? Мнѣ и безъ тебя тошно, а ты еще меня разстроиваешь. А ты бы, Митя, пожалѣлъ меня!

Митя.

Оно такъ-съ, Пелагея Егоровна, да не переносно мнѣ это горе-то; можетъ, тяжельше, чѣмъ вамъ. Я такую въ васъ вѣру, Пелагея Егоровна, взялъ, что все равно, какъ матушкѣ своей родной откроюсь. (Утираетъ глаза платкомъ.) Вечоръ-то, какъ у васъ вечеринка-то была... (Слезы мѣшаютъ говорить.)

Пелагея Егоровна.

Ну, ну, говори, говори...

Митя.

Ну, вотъ и столковались мы съ ней въ потемочкахъ, чтобы идти намъ съ ней къ вамъ, матушка, да къ Гордѣю Карпычу, просить васъ низменно: благословите, дескать, насъ, а намъ ужь другъ безъ друга не жить (утираетъ слезы); а нынче вдругъ поутру слышу... опустились мои рученьки!..

Пелагея Егоровна.

Что ты?

Митя.

Вотъ передъ Истиннымъ, Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна.

Ахъ ты, сердечный! Экой ты горькій паренекъ-то, какъ я на тебя посмотрю! (Входитъ Любовь Гордѣевна.)

Явленіе шестое.

Тѣ же и **Любовь Гордѣевна.**

Пелагея Егоровна.

Вотъ, Любушка, Митя проститься пришелъ: онъ ѣдетъ отъ насъ къ матушкѣ къ своей.

Митя (кланяется).

Прощайте, Любовь Гордѣевна!.. Не поминайте лихомъ!

Любовь Гордѣевна.

Прощай, Митя! (Кланяется.)

Пелагея Егоровна.

Поцалуйтесь на прощанье-то, вѣдь, можетъ, не приведетъ Богъ и свидѣться.. да... что-жь такое!

(Митя и Любовь Гордѣевна цалуются: она садится на диванъ и плачетъ; Митя тоже плачетъ.) Будетъ, будетъ вамъ плакать-то! Вы меня съ ума сведете!

Митя.

Эхъ, пропадай моя голова! Ужь была не была! (Подходитъ къ Пелагеѣ Егоровнѣ.) Пелагея Егоровна, жаль вамъ дочь отдавать за стараго, аль нѣтъ?

Пелагея Егоровна.

Кабы не жаль, такъ бы я не плакала.

Митя.

Прикажете говорить, Пелагея Егоровна?

Пелагея Егоровна.

Говори.

Митя.

Вотъ моя рѣчь какая: соберите-ка вы ее да одѣньте потеплѣе, ужотко. Пусть выйдетъ потихоньку: посажу я ее въ саночки-самокаточки да и былъ таковъ! Не видать тогда ее старому, какъ ушей своихъ, а моей головѣ за одно ужь погибать! Увезу ее къ матушкѣ да и повѣнчаемся. Эхъ! дайте душѣ просторъ — разгуляться хочетъ! По крайности, коли придется и въ отвѣтъ идти, такъ ужь то буду знать, что потѣшился.

Пелагея Егоровна.

Что̀ ты, что̀ ты, безпутный!

Любовь Гордѣевна.

Что̀ ты, Митя, выдумалъ!

Митя.

Стало не любишь? Аль разлюбила?

Любовь Гордѣевна.

Да ты говоришь-то что̀-то страшно!

Пелагея Егоровна.

Что̀ ты, безпутный, выдумалъ-то! Да кто-жь это посмѣетъ такой грѣхъ на душу взять... да... опомнись... что̀ ты!

Митя.

Вѣдь, я говорю: коли жаль; а коли не жаль, такъ отдавайте за Африкана Савича, закабалите на вѣки вѣчные. Сами же, глядя на ея житье горемычное, убиваться станете. Спохватитесь вы съ Гордѣйто Карпычемъ, да ужь поздно будетъ.

Пелагея Егоровна.

Да какъ же безъ отцовскаго-то благословенія! Ну, какъ же, ты самъ посуди?

Митя.

Конечно, безъ благословенья что̀ за житье! Такъ ужь благословите вы, Пелагея Егоровна (становится на колѣни), а Гордѣй Карпычъ, можетъ... и самъ по времени какъ-нибудь...

Пелагея Егоровна.

Какъ же мнѣ быть-то съ вами! Я совсѣмъ съ ума сошла... да... помѣшалася. Ничего не знаю, не помню... да, да... головушка моя закружилася .. Горько, горько моему сердцу, голубчики!..

Любовь Гордѣевна (подходитъ къ Митѣ).

Нѣтъ, Митя, не бывать этому! Не томи себя понапрасну, перестань! (Поднимаетъ его.) Не надрывай мою душу! И такъ мое сердце все изныло во мнѣ. Поѣзжай съ Богомъ. Прощай!

Митя.

За что̀-жь ты меня обманывала, надо мной издѣвалася?

Любовь Гордѣевна.

Полно ты, Митя. Что̀ мнѣ тебя обманывать, за

чѣмъ? Я тебя полюбила, такъ сама-же тебѣ сказала. А теперь изъ воли родительской мнѣ выходить не должно. На то есть воля батюшкина, чтобъ я шла замужъ. Должна я ему покориться, такая наша доля дѣвичья. Такъ, знать, тому и быть должно, такъ ужь оно заведено изстари. Не хочу я супротивъ отца идти, чтобъ про меня люди не говорили да въ примѣръ не ставили. Хоть я, можетъ быть, сердце свое надорвала черезъ это, да по крайности я знаю, что я по закону живу, никто мнѣ въ глаза насмѣяться не смѣетъ. Прощай! (Цалуются.)

Митя.

Ну, знать не судьба! (Любовь Гордѣевна садится на диванъ и плачетъ). Прощай! (Кланяется Пелагеѣ Егоровнѣ.) Прощайте Пелагея Егоровна, благодѣтельница вы моя! Вѣкъ не забуду вашей ласки да милости ко мнѣ: не забывали сироту на чужой сторонѣ.

Пелагея Егоровна.

Прощай, голубчикъ, не осуди насъ въ чемъ, грѣхъ тебѣ будетъ. Дай Богъ тебѣ счастливо... а мы тебя не забудемъ. (Митя кланяется и уходитъ.)

Явленіе седьмое.

Пелагея Егоровна и Любовь Гордѣевна и потомъ Коршуновъ.

Пелагея Егоровна.

Что̀, Любушка, жаль парня-то! Эко, дѣвушка... ахъ! А мнѣ и не вдомекъ, что ты его полюбила-то. Да и гдѣ мнѣ, старухѣ, догадаться... да. Что́-жь я? Вотъ поплакать наше дѣло, а власти надъ дочерью никакой не имѣю! А хорошо бы! Полюбовалась бы на старости. Парень-то такой простой, сердцемъ мягкій, и меня-то-бы, старуху любилъ. Ужь какъ погляжу я на тебя, дѣвушка, какъ тебѣ не грустить!.. да помочь-то мнѣ тебѣ, сердечная, нѣчѣмъ!

Любовь Гордѣевна.

Ну, маменька, что тамъ и думать, чего нельзя, только себя мучить. (Сидитъ молча; стучатъ; голосъ Коршунова: „Можно войти?“)

Пелагея Егоровна.

Войдите, батюшка.

Коршуновъ (входя.)

А! вотъ она, невѣста-то моя, куда спряталась... хе... найду, вездѣ найду. Позвольте-ка намъ, Пелагея Егоровна, съ вашей дочкой по секрету поговорить о своихъ дѣлахъ.

Пелагея Егоровна.

Изволь, батюшка. (Уходитъ.)

Коршуновъ

(садится подлѣ Любови Гордѣевны).

Объ чемъ это плакать-то, сударыня? Стыдно, стыдно... хе... хе... хе... Вотъ и постарше, да не плачу... (Смотритъ на нее проницательно.) Я, вѣдь, знаю, объ чемъ: чай, за молоденькаго хочется? Такъ, вѣдь, это, миленькая вы моя (беретъ руку и цалуетъ), глупость одна дѣвичья. Вотъ послушайте-ка, что я вамъ скажу... я правду буду говорить, начисто, обманывать не люблю, мнѣ не изъ чего. Станете слушать, а?

Любовь Гордѣевна.

Говорите.

Коршуновъ.

Хорошо-съ. Вотъ начнемъ хоть съ этого. Молодой развѣ оцѣнитъ, что вы его полюбите, а? Молодого-то, вѣдь, всякая полюбитъ, ему это не въ диковинку, а старику-то дорого. Старикъ-то за любовь и подарочкомъ, и тѣмъ, и сѣмъ, и золотомъ, и бархатомъ — и не знаетъ, чѣмъ утѣшить. (Цалуетъ у нея руки.) А въ Москвѣ хорошихъ вещей въ магази-

нахъ много, есть что̀ подарить. Такъ вотъ старика-то и хорошо полюбить... Вотъ вамъ разъ. А то вотъ еще что̀ бываетъ съ молодымъ-то мужемъ да съ хорошимъ-то: вѣдь, они народъ вѣтреный, глядишь, и приволокнется за кѣмъ-нибудь на сторонѣ, либо въ него какая-нибудь сударынька влюбится, а жена-то сохни... Пойдутъ попреки да ревность... А что̀ такое ревность, а? хе... хе... хе... Знаете ли вы, сударыня, что̀ такое ревность?

Любовь Гордѣевна.

Нѣтъ, не знаю.

Коршуновъ.

А я знаю,.. Это не то, что иголкой пальчикъ уколоть, гораздо побольнѣе будетъ. Вѣдь, она, проклятая, сушитъ человѣка. Отъ ревности-то рѣжутъ другъ друга, мышьякомъ отравляются! (Смѣется судорожно и съ кашлемъ). А въ старика-то кто влюбится? Стало быть, женѣ-то и покойно. Да еще вотъ что̀ скажу вамъ, драгоцѣнная моя барышня: молодые-то загуливать любятъ, веселости, да развлеченія, да дебоши разные, а жена-то сиди дома, жди его до полуночи. А пріѣдетъ-то пьяненькій, заломается, заважничаетъ. А старикъ-то все подлѣ жены такъ и будетъ сидѣть; умирать будетъ — прочь не отойдетъ. Да все бы въ глазки глядѣлъ, да все бы ласкалъ, да ручки бы цаловалъ... (Цалуетъ.) Вотъ такъ.

Любовь Гордѣевна.

А васъ та жена покойная любила?

Коршуновъ

(смотритъ на нее пристально).

А вамъ, сударыня, зачѣмъ это?

Любовь Гордѣевна.

Такъ, хотѣлось знать

Коршуновъ.

Знать хотѣлось?.. (Встаетъ). Нѣтъ, не любила, да и я не любилъ ее. Она и не стоила того, чтобъ ее любить-то. Я ее взялъ бѣдную, нищую, за красоту только за одну; все семейство призрѣлъ; спасъ отца изъ ямы; она у меня въ золотѣ ходила.

Любовь Гордѣевна.

Любви золотомъ не купишь.

Коршуновъ.

Люби не люби, да почаще взглядывай. Имъ, видишь ты, деньги нужны были, нѣчѣмъ было жить: я давалъ, не отказывалъ; а мнѣ вотъ нужно, чтобъ меня любили. Что-жь, я воленъ этого требовать, или нѣтъ? Я, вѣдь, за то деньги платилъ. На меня грѣхъ пожаловаться: кого я полюблю — тому хорошо жить на свѣтѣ; а ужь кого не полюблю, такъ не пеняй! (Разгорячась, ходитъ.) Да, я врагъ тому человѣку, ужь лучше бѣги съ моихъ глазъ долой! я словомъ да взглядомъ, пуще чѣмъ дѣломъ, доѣду; я проходу... отдыху не дамъ человѣку... я... (останавливается и хохочетъ.) А вы и въ самомъ дѣлѣ подумали, что я такой злой?.. хе... хе... Это я нарочно, такъ шучу! Я простой, я добрый старикъ... А ужь васъ-то я буду на рукахъ носить (припѣваетъ), въ люлечкѣ качать, приговаривать... (Цалуетъ у ней руки. Гордѣй Карпычъ входитъ.)

Явленіе восьмое.

Любовь Гордѣевна, Коршуновъ и Гордѣй Карпычъ.

Гордѣй Карпычъ

А, вотъ гдѣ зятюшка-то! А мы тебя ищемъ. Мы ужь тамъ за шампанею принялись. Пойдемъ-ка къ гостямъ, у насъ безъ тебя и пиръ не въ пиръ.

Коршуновъ.

Мнѣ и здѣсь хорошо.

Гордѣй Карпычъ.

Ну, такъ мы велимъ сюда подать да здѣсь, значитъ, съ тобой и разопьемъ. (Подходитъ къ двери.) Эй, малой! дай сюда вина! На серебряномъ подносѣ. (Садится.) Ну, зятюшка, что̀ скажешь?

Коршуновъ.

Ничего.

Гордѣй Карпычъ.

Какъ ничего?

Коршуновъ.

Такъ ничего.

Гордѣй Карпычъ.

Нѣтъ-таки, однако? (Смотритъ на него.) Можешь ты меня теперь понимать?

Коршуновъ.

Какъ не понимать.

Гордѣй Карпычъ.

Вотъ мы теперь подгуляли маненько, такъ ты мнѣ скажи, что̀ я за человѣкъ? Могутъ ли меня здѣсь оцѣнить?

Коршуновъ.

Гдѣ же имъ оцѣнить.

Гордѣй Карпычъ.

Нѣтъ, ты вотъ что̀ скажи: все у меня въ порядкѣ? Въ другомъ мѣстѣ, за столомъ-то прислуживаетъ молодецъ въ поддевкѣ, либо дѣвка, а у меня фицыянтъ въ нитяныхъ перчаткахъ. Этотъ фицыянтъ, онъ ученый, изъ Москвы, онъ всѣ порядки знаетъ: гдѣ кому сѣсть, что̀ дѣлать. А у другихъ

что! Соберутся въ одну комнату, усядутся въ кружокъ, пѣсни запоютъ мужицкія. Оно, конечно, и весело, да я считаю такъ, что это низко, никакого тону нѣтъ. Да и пьютъ-то что, по необразованію своему! Наливки тамъ, вишневки разныя... а и не понимаютъ они того, что на это есть шампанское! Охъ, еслибъ мнѣ жить въ Москвѣ, алибы въ Питербурхѣ, я бы, кажется, всякую моду подражалъ.

Коршуновъ.

Неужто всякую?

Гордѣй Карпычъ.

Всякую. Сколько-бъ хватило моего капиталу, а ужь себя-бъ не уронилъ. Ты, Любовь, у меня смотри, веди себя аккуратно, а то женихъ-то, вѣдь, онъ московскій, пожалуй, осудитъ. Ты, чай, и ходить-то не умѣешь, и говорить-то не понимаешь, гдѣ что слѣдуетъ.

Любовь Гордѣевна.

Я, тятенька, говорю, что чувствую; я въ пансіонѣ не училась. (Входитъ оффиціантъ и подаетъ вино Коршунову и Гордѣю Карпычу; ставитъ бутылки на столъ и уходитъ.)

Гордѣй Карпычъ.

Такъ-то, зятюшка! Вотъ и пусть ихъ знаютъ, каковъ Гордѣй Карпычъ Торцовъ! (Входитъ Егорушка.)

Егорушка.

Дяденька, Гордѣй Карпычъ, пожалуйте сюда-съ.

Гордѣй Карпычъ.

Что тебѣ?

Егорушка.

Пожалуйте: исторія вышла-съ. (Смѣется.)

Гордѣй Карпычъ (подходя.)

Что тамъ?

Егорушка.

Да дяденька, Любимъ Карпычъ вошли.

Гордѣй Карпычъ.

Зачѣмъ пускали?

Егорушка.

Имъ, должно быть, въ голову вступило, никакъ не удержимъ. (Хохочетъ.)

Гордѣй Карпычъ.

Что же онъ дѣлаетъ?

Егорушка.

Гостей разгоняетъ-съ. (Хохочетъ.) Вы, говоритъ, рады чужой хлѣбъ ѣсть... Я, говоритъ, тоже хозяинъ... я, говоритъ... (Хохочетъ).

Гордѣй Карпычъ.

Тсс... Снялъ онъ мою голову! (Уходитъ съ Егорушкой.)

Коршуновъ.

Что это тамъ у нихъ?

Любовь Гордѣевна.

Не знаю. Должно быть, дяденька что-нибудь... На него иногда находитъ. (Входятъ: Разлюляевъ, Маша и Лиза.)

Явленіе девятое.

Любовь Гордѣевна, Коршуновъ, Разлюляевъ, Маша и Лиза.

Пелагея Егоровна (въ дверяхъ).

Гдѣ братецъ-то?.. Гдѣ Любимъ Карпычъ-то? Что онъ надѣлалъ — бѣда!

Любовь Гордѣевна.

Его здѣсь нѣтъ, маменька. (Пелагея Егоровна уходитъ.)

Разлюляевъ.

Вотъ такъ разъ! Славныя штучки Любимъ Карпычъ отмачиваетъ! ха... ха... ха!.. Такія пули отливаетъ, что только люли!

Лиза.

Совсѣмъ не смѣшно, одно невѣжество!

Маша.

Я просто не знала, куда дѣваться отъ стыда.
(Садятся на диванъ. Входитъ Любимъ Карпычъ,)

Явленіе десятое.

Тѣ же и Любимъ Карпычъ.

Лиза.

Ахъ, Боже мой, опять!

Маша.

Это ужасно!

Разлюляевъ.

Ха, ха, ха!..

Любимъ Карпычъ.

Гуръ, гуръ, гуръ... буль, буль, буль!.. Съ пальцемъ девять, съ огурцомъ пятнадцать!.. Пріятелю! (Протягиваетъ руку Коршунову.) Наше вамъ-съ!... Тысячу лѣтъ со днемъ не видались! Какъ поживаете?

Коршуновъ.

А, это ты, Любимъ?

Любимъ Карпычъ
(загораживая лицо руками).

Я не я, и лошадь не моя, и я не извощикъ.

Коршуновъ.

Я тебя, братецъ, помню: ты по городу ходилъ, по копѣечкѣ сбиралъ.

Любимъ Карпычъ.

Ты помнишь, какъ я по копѣечкѣ сбиралъ, а помнишь ли ты, какъ мы съ тобой погуливали, осеннія темныя ночи просиживали, изъ трактира въ погребокъ перепархивали? А не знаешь ли ты, кто меня разорилъ, съ сумой по міру пустилъ?

Коршуновъ.

А ты самъ чего зѣвалъ? Вѣдь тебя за воротъ не тянули, любезный. Самъ виноватъ.

Любимъ Карпычъ.

Я-то дуракъ, да, вѣдь, и тебѣ не велика честь! Ты меня такъ возвеличилъ, въ такое званіе возвелъ, что вотъ я ничего не укралъ, а людямъ въ глаза глядѣть совѣстно!

Коршуновъ.

Ты все такой же шутникъ! (Обращаясь къ Любови Гордѣевнѣ.) Весельчакъ дядюшка-то у васъ. Видно ужь, по старому знакомству, дать ему цѣлковенькой.

Любимъ Карпычъ.

Тсс... Тутъ не цѣлковымъ пахнетъ! Отдай старый долгъ, а за племянницу милліонъ триста тысячъ!.. Дешевле не отдамъ.

Коршуновъ (смѣется).

Уступки не будетъ?

Любимъ Карпычъ.

Ни копѣйки!

Разлюляевъ.

Ай, да Любимъ Карпычъ! Меньше и не бери.

(Входитъ Гордѣй Карпычъ.)

Явленіе одиннадцатое.

Тѣ же и **Гордѣй Карпычъ.**

Гордѣй Карпычъ.

А, ты здѣсь! Что ты со мной дѣлаешь? Вонъ сейчасъ!

Коршуновъ.

Погоди, Гордѣй Карпычъ, не гони, что его гнать! Пусть поломается, пошутитъ. Хе, хе, хе!..

Любимъ Карпычъ.

Это братъ шутитъ-то, что за тебя дочь отдаетъ, а я сшучу съ тобой такую шутку, что будетъ тебѣ не по желудку!

Гордѣй Карпычъ.

Ему тутъ не мѣсто. Ступай вонъ!

Любимъ Карпычъ.

Братъ, погоди не гони! Ты думаешь, Любимъ Торцовъ пришелъ шутки шутить? ты думаешь, пьянъ Любимъ Торцовъ? Я пришелъ вамъ загадки загадывать. (Коршунову.) Отчего у осла длинныя уши? Ну-ка, давай отвѣтъ!

Разлюляевъ.

Вотъ такъ задача!

Коршуновъ.

Почемъ я знаю.

Любимъ Карпычъ.

Для того, чтобы всѣ знали, что онъ оселъ. (Брату.) Вотъ тебѣ задача: за кого ты дочь отдаешь?

Гордѣй Карпычъ.

Это не твое дѣло! Ты меня не смѣешь спрашивать.

Любимъ Карпычъ.

А вотъ тебѣ еще вопросъ: честный ты купецъ, или нѣтъ? Коли ты честный — не водись съ безчестнымъ, не трись подлѣ сажи — самъ замараешься.

Коршуновъ.

А ты шути, да не забывайся, любезный!.. Выгони его, или вели ему замолчать.

Любимъ Карпычъ.

Это про тебя!.. Видно ты чистъ, какъ трубочистъ!

Гордѣй Карпычъ.

Братъ, уйди честью, а не то худо.

Любовь Гордѣевна

(вскакиваетъ въ испугѣ).

Дяденька, перестаньте!

Любимъ Карпычъ.

Не замолчу! теперь кровь заговорила! (Всѣ домашніе и гости входятъ.)

Явленіе двѣнадцатое.

Тѣ же, **Пелагея Егоровна, Анна Ивановна, Гуслинъ,** гости, гостьи и прислуга.

Любимъ Карпычъ.

Послушайте, люди добрые! Обижаютъ Любима Торцова, гонятъ вонъ. А чѣмъ я не гость? За что̀ меня гонятъ? Я не чисто одѣтъ, такъ у меня на совѣсти чисто. Я не Коршуновъ: я бѣдныхъ не грабилъ, чужого вѣку не заѣдалъ, жены ревностью не замучилъ... Меня гонятъ, а онъ первый гость, его въ передній уголъ сажаютъ. Что̀-жь, ничего, ему другую жену дадутъ: братъ за него дочь отдаетъ! Ха, ха, ха! (Хохочетъ трагически.)

Коршуновъ (вскакиваетъ).

Не вѣрьте ему, онъ вретъ: онъ это по злобѣ на меня говоритъ, спьяну.

Любимъ Карпычъ.

Что̀ за злоба! Я тебѣ давно простилъ. Я человѣкъ маленькій, червякъ ползущій, ничтожество изъ ничтожествъ! Ты другимъ-то зла не дѣлай.

Гордѣй Карпычъ (прислугѣ).

Уведите его!

Любимъ Карпычъ

(поднимая одинъ палецъ кверху).

Сс... Не трогать! Хорошо тому на свѣтѣ жить, у кого нѣту стыда въ глазахъ!.. О, люди, люди! Любимъ Торцовъ пьяница, а лучше васъ! Вотъ теперь я самъ пойду. (Обращаясь къ толпѣ.) Шире дорогу — Любимъ Торцовъ идетъ! (Уходитъ и тотчасъ возвращается.) Извергъ естества! (Уходитъ.)

Коршуновъ (принужденно хохочетъ).

Такъ этакой-то у тебя порядокъ въ домѣ! Этакія ты моды завелъ: у тебя пьяные гостей обижаютъ! Хе, хе, хе! Я, говоритъ, въ Москву поѣду, меня здѣсь не понимаютъ. Въ Москвѣ-то ужь такіе дураки повывелись, тамъ смѣются надъ ними. Зятюшка, зятюшка! Хе, хе, хе! Любезный тестюшка! Нѣтъ, шалишь, я даромъ себя обидѣть не позволю. Нѣтъ, ты теперь приди-ка ко мнѣ да покланяйся, чтобъ я дочь-то твою взялъ.

Гордѣй Карпычъ.

Я къ тебѣ пойду кланяться?

Коршуновъ.

Пойдешь, я тебя знаю. Тебѣ нужно свадьбу сдѣлать, хоть въ петлю лѣзть, да только-бъ весь городъ

удивить, а жениховъ-то нѣтъ. Вотъ несчастье-то твое! Хе, хе, хе!..

Гордѣй Карпычъ.

Опосля этого, когда ты такія слова говоришь, я самъ тебя знать не хочу! Я отродясь никому не кланялся. Я, коли на то пошло, за кого вздумается, за того и отдамъ! Съ деньгами, что̀ я за ней дамъ, всякій человѣкъ будетъ... (Входитъ Митя и останавливается въ дверяхъ.)

Явленіе тринадцатое.

Тѣ же и **Митя.**

Митя (обращаясь къ толпѣ).

Что̀ такое за шумъ-съ?

Гордѣй Карпычъ.

Вотъ за Митьку отдамъ!

Митя.

Чего-съ?

Гордѣй Карпычъ.

Молчи! Да... за Митьку отдамъ... завтра же! Да такую свадьбу задамъ, что ты не видывалъ: изъ Москвы музыкантовъ выпишу, одинъ въ четырехъ каретахъ поѣду.

Коршуновъ.

Посмотримъ, посмотримъ. Придешь прощенья просить, придешь! (Уходитъ.)

Явленіе четырнадцатое.

Тѣ же безъ **Коршунова.**

Пелагея Егоровна.

За кого, Гордѣй Карпычъ, ты сказалъ?

Гордѣй Карпычъ.

За Митьку... Да! Ишь разважничался! Точно я хуже его! „Пойдешь кланяться!“ Вретъ онъ, не пойду кланяться! На зло ему, за Митрія отдамъ. (Всѣ удивлены.)

Митя

(беретъ Любовь Гордѣевну за руку и подходитъ къ Гордѣю Карпычу).

Зачѣмъ-же на зло, Гордѣй Карпычъ? Со зломъ такого дѣла не дѣлаютъ. Мнѣ на зло ненадобно-съ. Лучше ужь я всю жизнь буду мучиться. Коли есть ваша такая милость, такъ ужь вы благословите насъ, какъ слѣдуетъ — по родительски, съ любовію. Какъ любимъ мы другъ друга, и даже до этого случаю хотѣли вамъ повиниться... А ужь я вамъ, вмѣсто сына, то-есть, завсегда всей душой-съ.

Гордѣй Карпычъ.

Что, что всей душой? Ты ужь и радъ случаю! Да какъ ты смѣлъ подумать-то? Что она, ровня, что-ль, тебѣ? Съ кѣмъ ты говоришь, вспомни!

Митя.

Я оченно хорошо знаю, что вы мой хозяинъ и что я, по бѣдности своей, не могу быть имъ ровней; но, впрочемъ, судите, какъ хотите, я весь тутъ-съ: я вашу дочку полюбилъ душею-съ. (Входитъ Любимъ Карпычъ и становится въ толпѣ.)

Явленіе пятнадцатое.

Тѣ же и **Любимъ Карпычъ.**

Гордѣй Карпычъ.

Какъ, чай, не любить! У тебя губа-то не дура! За ней, вѣдь, денегъ много, такъ тебѣ голому-то на голодные зубы хорошо.

Митя.

Для меня столь обидно отъ васъ это слышать, что я не имѣю словъ-съ. Лучше молчать. (Отходитъ.) Извольте, Любовь Гордѣевна, вы говорить-съ.

Любовь Гордѣевна.

Я, тятенька, вашей волѣ не перечила! Коли хотите вы моего счастія, отдайте меня за Митю.

Пелагея Егоровна.

Что-что и въ самомъ дѣлѣ, Гордѣй Карпычъ, капризничаешь.... да! Что̀ въ самомъ дѣлѣ! Я было ужь обрадовалась, насилу-то отъ сердца отлегло, а ты опять за свое. Ужь говори что̀-нибудь одно, а то что̀ это такое...: право. То скажешь — за одного, то за другого. Что̀ она тебѣ, на мытарство, что̀ ли, досталась?

Любимъ Карпычъ (изъ толпы).

Братъ, отдай Любушку за Митю.

Гордѣй Карпычъ.

Ты опять здѣсь? Да ты понимаешь ли, что̀ ты со мной нынче сдѣлалъ? Ты меня оконфузилъ на весь городъ! Кабы ты чувствовалъ это, ты бы не смѣлъ и на глаза-то мнѣ показываться, а ты еще съ совѣтами лѣзешь! Ужь пускай бы говорилъ человѣкъ, да не ты.

Любимъ Карпычъ.

Да ты поклонись Любиму Торцову въ ноги, что онъ тебя оконфузилъ-то.

Пелагея Егоровна.

Именно, Любимушка, надо тебѣ въ ноги поклониться... да... именно. Снялъ ты съ нашей души грѣхъ великій; не замолить бы его намъ.

Гордѣй Карпычъ.

Что-жь, я извергъ, что ли, какой въ своемъ семействѣ?

Пелагея Егоровна.

Извергъ не извергъ, а погубилъ бы дочь-то изъ-за своей глупости... Да! Я тебѣ отъ простоты моей скажу. Отдаютъ за стариковъ-то и не Африкану Савичу чета, да и то горе мычутъ.

Любимъ Карпычъ.

Пустите меня! (Поетъ.) Трумъ-ту-тумъ, трумъ-ту-тумъ! (Пляшетъ.) Посмотри на меня, вотъ тебѣ примѣръ — Любимъ Торцовъ передъ тобой живой стоитъ. Онъ по этой дорожкѣ ходилъ — знаетъ, какова она! И я былъ богатъ и славенъ, въ каретахъ ѣздилъ, такія штуки выкидывалъ, что тебѣ и въ голову не придетъ, а потомъ верхнимъ концомъ да внизъ. Вотъ погляди, каковъ я франтъ.

Гордѣй Карпычъ.

Ты мнѣ что ни говори, я тебя слушать не хочу, ты мнѣ врагъ на всю жизнь.

Любимъ Карпычъ.

Человѣкъ ты, или звѣрь? Пожалѣй ты и Любима Торцова! (Становится на колѣни.) Братъ, отдай Любушу за Митю — онъ мнѣ уголъ дастъ. Назябся ужь я, наголодался. Лѣта мои прошли, тяжело ужь мнѣ паясничать на морозѣ-то изъ-за куска хлѣба; хоть подъ старость-то да честно пожить. Вѣдь, я народъ обманывалъ: просилъ милостыню, а самъ пропивалъ. Мнѣ работишку дадутъ; у меня будетъ свой горшокъ щей. Тогда-то я Бога возблагодарю. Братъ! и моя слеза до неба дойдетъ. Что онъ бѣденъ-то! Эхъ, кабы я бѣденъ былъ, я бы человѣкъ былъ. Бѣдность не порокъ.

Пелагея Егоровна.

Гордѣй Карпычъ, неужели въ тебѣ чувства нѣтъ?

Гордѣй Карпычъ (утираетъ слезу).

А вы и въ самомъ дѣлѣ думали, что нѣтъ? (Поднимаетъ брата.) Ну, братъ, спасибо, что на умъ наставилъ, а то было свихнулся совсѣмъ. Не знаю какъ и въ голову вошла такая гнилая фантазія. (Обнимаетъ Митю и Любовь Гордѣевну.) Ну дѣти, скажите спасибо дядѣ Любиму Карпычу да живите счастливо. (Пелагея Егоровна обнимаетъ дѣтей.)

Гуслинъ.

Дяденька, теперь и мнѣ можно?

Гордѣй Карпычъ.

Можно, можно. Просите всѣ, кому что̀ нужно: теперь я сталъ другой человѣкъ.

Гуслинъ.

Ну, Аннушка, дождались и мы съ тобой.

Анна Ивановна.

Ну, теперь пойдетъ у насъ пляска, только держи шапку.

Пелагея Егоровна.

Ужь попляшемъ, попляшемъ.

Разлюляевъ

(подходитъ къ Митѣ и ударяетъ его по плечу).

Митя!.. Для пріятеля... все жертвую... Самъ любилъ, а для тебя... жертвую. Давай руку. (Ударяетъ по рукѣ.) Одно слово... бери, значитъ жертвую для тебя... Для друга ничего не жаль! Вотъ какъ у насъ, коли на то пошло! (Утирается полой и цалуетъ Митю.) А это онъ правду говоритъ: пьянство не порокъ... то бишь — бѣдность не порокъ... Вотъ всегда проврусь!

Пелагея Егоровна.

Ахъ, да вотъ и всѣ тутъ! (Къ дѣвушкамъ.) Ну-ка, дѣвушки, веселенькую... да, веселенькую... Ужь мы теперь свадьбу-то по душѣ отпируемъ, по душѣ... (Дѣвушки начинаютъ запѣвать.)

Любимъ Карпычъ.

Тсс... Слушай команду! (Запѣваетъ; дѣвушки подтягиваютъ.)

У насъ дѣло-то сдѣлано...
По рукамъ у насъ ударено,
Быть сговору — дѣвишнику,
Быть дѣвичьему вечеру.

Не такъ живи, какъ хочется.

Народная драма въ трехъ дѣйствіяхъ.

Лица:

Илья Ивановичъ, зажиточный купецъ.

Петръ, его сынъ.

Даша, жена Петра.

Афимья, ихъ тетка.

Агафонъ, мѣщанинъ изъ уѣзднаго города.

Степанида, его жена.

Вася, молодой купеческій сынъ.

Спиридоновна, содержательница постоялаго двора.

Груша, ея дочь.

Еремка, кузнецъ.

Яковъ, ямщикъ

Иванъ, молодецъ въ домѣ Петра.

Дѣвушки и парни.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ концѣ XVIII столѣтія, на масляницѣ. Содержаніе взято изъ народныхъ разсказовъ.

Дѣйствіе первое.

Сцена представляетъ русскую комнату; налѣво два окна; прямо дверь и направо дверь; по стѣнамъ лавки, на лѣвой сторонѣ деревянный столъ и скамья.

Явленіе первое.

Афимья и Даша.

Афимья.

Чуетъ мое сердце . . . не добро оно чуетъ! . . Да чему и быть хорошему? Ни миру, ни ладу въ семьѣ! Знать ужь Богъ вовсе отступился отъ насъ, глядючи на наше непутное житье. За грѣхъ за какой-нибудь наказанье экое Петру Ильичу, да за наше неумоленіе. И на чужого-то смотрѣть на безпутнаго сердце мретъ, а то, легкое ли дѣло, свое дѣтище! . . да еще женатый! . Хорошо, что мать-то Богъ прибралъ, а то каково бы ей на это глядѣть-то! . . отцу супротивникъ, жену замучилъ! . . Въ кого такой уродился? Теперь дни прощеные, и чужіе мирятся, а у нихъ и вставаючи, и ложаючись брань да перекоръ. Ну, гдѣ онъ теперь шляется? Ждали, ждали обѣдать, а его и слыхомъ не слыхать! . . Всю масляницу гуляетъ, скружился какъ угорѣлый. Отецъ-то пришелъ полюбоваться на ваше житье: есть на что радоваться! Чѣмъ бы погостить, а онъ домой собрался.

Даша.

Не говори, тетушка, ужь и такъ тошно.

Афимья.

Да что не говорить-то? Нѣшто не правда?

Даша.

Что же, тетушка, что же мнѣ дѣлать-то? Завезъ онъ меня на чужую сторону украдучи.

Афимья.

Плоха жена, отъ которой мужъ гуляетъ.

Даша.

Измучилась я! Все сердце онъ изъ меня вынулъ! Отца не слушаетъ, а я что?

Афимья.

А ты жена, не чужая.

Даша.

Хуже чужой я ему теперь.

Афимья.

Ты, видно, Даша, ужь такая горькая зародилась, да вотъ и къ намъ-то несчастье принесла! Точно какъ по то стало.

Даша.

Не я къ вамъ несчастіе принесла. Пока любилъ меня Петръ Ильичъ, такъ и жилъ хорошо, а разлюбилъ — Богъ его знаетъ, что съ нимъ сталось — и сталъ гулять.

Афимья.

Кабы ты жила съ нимъ, какъ женѣ слѣдуетъ жить, другое бы дѣло; а то гдѣ же это видано, ровно ты, прости Господи, какъ полюбовница какая, виснешь ему на шею. Нѣшто женѣ такъ подобаетъ?

Даша.

Чудно̀е это дѣло съ нимъ сдѣлалось! Думаю я, не придумаю. (Плачетъ. Илья Ивановичъ входитъ.)

Явленіе второе.

Тѣ же и Илья Ивановичъ.

Илья.

Дарья, не плачь, не гнѣви Бога! Снявши голову, по волосамъ не плачутъ.

Даша.

Батюшка, куда ты собрался?

Илья.

Пойду отъ васъ прочь. Я и смотрѣть-то на васъ не хочу, не стоите вы того. Придешь къ вамъ на недѣлю-то, ровно въ омутъ.

Даша.

Ты хоть сына-то подожди да поговори ему.

Илья.

Подожду, поговорю ему въ послѣдній разъ, крѣпко поговорю. Вѣдь, гибнетъ! Съ экой-то жизнью добра нѣчего ждать! Такіе-то люди близко бѣды ходятъ. Хочетъ — послушаетъ, хочетъ — нѣтъ, а я старый человѣкъ, мнѣ покой нуженъ, пора и свою душу вспомнить. Будетъ, пожилъ въ міру, всего насмотрѣлся, только дурнаго-то больше видѣлъ, чѣмъ хорошаго. Съ тѣхъ поръ и свѣтъ увидалъ, какъ у братца въ его кельѣ живу. Вотъ немножко прошелъ по Москвѣ, всего-то отъ монастыря до васъ, а сколько мерзости-то видѣлъ! Народъ-то словно въ аду кипитъ: шумъ, гамъ, пѣсни бѣсовскія! Вотъ вчера, говорятъ, двоихъ мертвыхъ на улицѣ подняли да одинъ въ прорубѣ утонулъ. Христіанская ли это смерть! Куда они угодили? Какое житье въ міру-то нынче? Только соблазнъ одинъ. Сынъ вотъ родной, и тотъ что дѣлаетъ. Нѣшто я его такъ воспитывалъ-то? (Входитъ Петръ.)

Явленіе третье.

Тѣ же и Петръ.

Илья.

Гдѣ погулялъ, добрый молодецъ?

Петръ.

Въ Москвѣ мѣста много, есть гдѣ погулять, была-бъ охота.

Илья.

До сыта-ль нагулялся?

Петръ.

Погулялъ-таки. Ты, батюшка, куда собрался.

Илья.

Бѣжать хочу, закрывши глаза.

Петръ.

Что-жь не погостишь съ нами?

Илья.

Надоѣло мнѣ глядѣть-то на тебя, живешь больно нехорошо.

Петръ.

За что, батюшка, гнѣваешься? Чѣмъ мы такъ провинились передъ тобой?

Афимья.

Чѣмъ? Не ты-бъ говорилъ, не мы бы слушали, безпутные твои глаза!

Петръ.

Не твоего разуму это дѣло.

Даша.

Батюшка серчаетъ, что ты все гуляешь да со мной дурно живешь.

Петръ.

Ты, что-ль, нажаловалась?

Илья.

Что жаловаться-то! Развѣ я самъ не вижу, что живешь не полюдски!

Петръ.

Эхъ, ужь, видно, мнѣ не жить по-людски ... на меня, должно быть, напущено.

Илья.

Это что за рѣчи?

Петръ.

Загубилъ я себя съ тобой! Связала ты меня по рукамъ и по ногамъ.

Даша.

Ты мучитель, ты кровопивецъ!

Илья.

Что вы? При мнѣ-то? (Грозно.) Молчать! Ты никакъ ума рехнулся! Тебя нѣшто кто неволилъ ее брать? Самъ взялъ, не спросясь ни у кого, украдучи взялъ, а теперь она виновата! Вотъ пословица-то сбывается: „Божье-то крѣпко, а вражье-то лѣпко".

Петръ.

Она меня приворожила чѣмъ-нибудь ... зельемъ какимъ ни-на-есть.

Илья.

Не говори, не грѣши! Что тебя привораживать, коли ты и такъ ровно чумовой. Своевольщина-то и все такъ живетъ. Надѣлаютъ дѣла, не спросясь у добрыхъ людей, а спросясь только у воли своей дурацкой, да потомъ и плачутся, ропщутъ на судьбу, грѣхъ къ грѣху прибавляютъ, такъ и путаются въ грѣхахъ то, какъ въ лѣсу.

Петръ.

Да что-жь, батюшка, дѣлать-то? Какъ еще жить-то?

Илья.

Живи по закону, какъ люди живутъ.

Петръ.

Ну, а я вотъ загулялъ . . . Что-жь такое? Нынче дѣло масляничное. Ужь и не погулять? Масляная-то одинъ разъ въ году бываетъ. Мнѣ что за дѣло, какъ люди живутъ; я живу, какъ мнѣ хочется.

Илья.

Извѣстно, по своей волѣ легче жить, ничѣмъ по закону; да своя-то воля въ пропасть ведетъ. Доброму одна дорога, а развращенному десять. Узкій и прискорбный путь вводитъ въ животъ, а широкій и пространный вводитъ въ пагубу.

Петръ.

Не все гулять, придетъ время, и поправимся, и сами будемъ другихъ учить; учить-то не хитро. Теперь и погулять-то, когда гуляется. Ты, батюшка, самъ былъ молодъ.

Илья.

Такъ что-жь? Нѣшто я такъ жилъ? Молодъ, такъ и распутничать! Не для веселья мы на свѣтѣ-то живемъ. Не подъ старость, а съ молоду добрыми-то дѣлами запасаются. Ты оглянись на себя: дома ты не живешь, знаешься съ людьми нехорошими, жену обижаешь. Что-жь у васъ дальше-то будетъ, скажи ты мнѣ?

Петръ.

А что будетъ, то будетъ. Проживемъ какъ-нибудь — своимъ умомъ, не чужимъ.

Илья.

Ну, такъ и живи! А я видѣть этого не хочу! И говорить-то мнѣ тяжело. Что̀ говорить? кому говорить? Кабы разумъ былъ, а безъ разума и ученье не въ прокъ.

Петръ.

А нѣтъ, такъ и нѣгдѣ взять. На нѣтъ и суда нѣтъ.

Илья.

А нѣтъ, такъ наберись у добрыхъ людей, да проси Бога, чтобъ далъ, а то, какъ червь, погибнешь! (Встаетъ). Прощайте! Коли будете жить хорошо, такъ приду о праздникѣ, а до тѣхъ поръ и не ходите ко мнѣ, мнѣ и такъ суета надоѣла. Помни, Петръ! передъ твоими ногами бездна разверстая. Кто впалъ въ гульбу да въ распутство, отъ того благодать отступаетъ, а враги человѣческіе возрадуются, что ихъ волю творятъ, и приступаютъ, поучая на зло, на гнѣвъ, на ненависть, на волхвованіе и на всякія козни. И таковымъ одна часть со врагомъ. Выбирай, что̀ лучше: либо жить честно, въ любви у отца, съ душой своей въ мирѣ, съ благодатію въ домѣ; либо жить весело, на смѣхъ и покоръ людямъ, на горе роднымъ, на радость врагу человѣковъ. Прощайте! Петръ, наступаютъ дни великіе, страшные, опомнись. Вотъ тебѣ мой приказъ, родительскій приказъ, грозный: опомнись, взгляни на себя. Прощайте.

Афимья.

Ужели такъ уйдешь? Нонче дни прощеные, всѣ люди прощаются.

Даша.

Батюшка, прости насъ. (Кланяется въ ноги.)

Илья.

Простите и вы меня.

Даша.

Благослови насъ.

Илья.

Васъ благословить? Стòите ли вы? Нѣтъ, вы подождите моего благословенія до той поры, пока будете жить хорошо. Порадуй меня, Петръ! Лучше совсѣмъ не жить, чѣмъ жить такъ, какъ ты живешь. Благословенье отца нужно: безъ благословенья пропадешь, какъ песъ. (Уходитъ. Всѣ провожаютъ его. Афимья уходитъ за нимъ.)

Явленіе четвертое.

Петръ и Даша (Петръ садится къ столу и задумывается).

Даша.

Слышалъ, что̀ батюшка-то сказалъ?

Петръ.

Отстань!

Даша (подсаживается).

Послушаешь батюшку, будешь любить меня попрежнему?

Петръ.

Дарья, отойди.

Даша.

Да скажи мнѣ, желанный мой, не утай ты отъ меня, чѣмъ тебѣ я надоѣла? Али я не ласкова, что̀ ли, къ тебѣ, Петръ Ильичъ? Али не услужила чѣмъ? (Петръ молчитъ). Чѣмъ прогнѣвала? Голубчикъ, Петръ Ильичъ, скажи!

Петръ.

Отойдешь ли ты отъ меня, или нѣтъ?

Даша.

Живемъ мы съ тобой всего годочекъ...

Петръ.

Дарья! (Замахивается.) Не вводи въ грѣхъ!

Даша.

Убей ты меня лучше! Не хочу я жить безъ твоей ласки! Самъ, вѣдь, ты меня пріучилъ. Зачѣмъ же ты меня прежде любилъ да нѣжилъ, я бы ужь не привыкала. Помнишь, мой сердечный, дома-то ты, бывало, на меня не наглядишься, а выйдемъ мы съ тобою въ праздникъ на улицу — и сидимъ цѣлый день обнявшись, за бѣлую руку ты меня держишь, въ глаза мнѣ смотришь. Народъ-то идетъ — на насъ радуется. Скоро-то, скоро все это миновалося! (Плачетъ.)

Петръ.

Что миновалось, того не воротишь.

Даша.

Да, не воротишь! Да нельзя-жь мнѣ и не тужить-то объ немъ, объ томъ золотомъ времячкѣ. Петя, можетъ, тебѣ скучно? Хочешь, я тебѣ пѣсенку спою, что ты пѣвалъ холостой? (Молчаніе.)

Петръ.

Отстань! Отойди ты, и безъ тебя тошно.

Даша.

Да скажи, что тошно-то? Скажи ты мнѣ, что тошно-то? Вѣдь, я тебѣ не чужая.

Петръ.

А то тошно, что ты своими слезами изъ меня

всю душу вытянула, да еще батюшкѣ нажаловалась. Онъ мнѣ вонъ какихъ страстей насулилъ, поневолѣ голову повѣсишь. Что-жь ты думаешь, послѣ его брани-то я къ тебѣ ласковѣй, что ли, буду? Какже, дожидайся.

Даша.

Ужь коли такъ, отпусти меня къ батюшкѣ.

Петръ.

Ступай, пожалуй, хоть на всѣ четыре стороны

Даша.

Ну, такъ прощай.

Петръ.

Прощай, не поминай лихомъ, добромъ нѣчѣмъ

Даша.

Охъ, горе мое, горюшко!

Петръ.

Горе? Вотъ гдѣ горе! Не зальешь его, не затушишь!.. Дайте мнѣ вина! Скорѣй вина! Шевелитесь!.. (Входитъ Афимья.)

Явленіе пятое.

Тѣ же и Афимья.

Афимья.

Что тебѣ?

Петръ.

Вина дайте.

Афимья.

Ты, видно, дитятко, забылъ, что отецъ-то говорилъ?

Петръ.

Кто здѣсь хозяинъ? Что я, дома у себя, или въ гости пришелъ? (Садится.) Вина! (Ударяетъ по столу.) Да ты подай хорошенькаго, нынче масляница.

Афимья.

Принесу пойду, что воюешь-то! (Отходитъ и останавливается.) Ты на нее-то посмотри! Видишь, плачетъ, убивается. Заѣлъ ты чужой вѣкъ, заѣлъ!

Петръ.

Эй, Иванъ! (Иванъ входитъ.) Запречь мнѣ жеребца воронаго, дугу писаную . . . Проворнѣй!

Даша.

Посиди дома-то хоть немножко.

Петръ.

Нѣчего мнѣ дома дѣлать, здѣсь угарно.

Афимья.

Какой угаръ? Что ты выдумалъ!

Петръ.

А я говорю, что угарно, такъ и будь по моему!

Афимья.

Ты скажи только, скажи, варваръ, желаю я знать отъ тебя, за что ты жену-то замучилъ!

Даша.

Тетушка, замолчи.

Афимья.

Возьму да уйду, не стану глядѣть на васъ, чтобы сердце не надрывалось.

Петръ.

Да уйди, тетка, кто тебя держитъ; авось, ладу больше будетъ.

Афимья.

Ладу, ладу? Врешь ты, разбойникъ! Отъ тебя ладу въ домѣ нѣтъ.

Петръ.

Тетушка, пойдешь ли ты за виномъ, али нѣтъ? А то я самъ схожу; смотри, какъ бы хуже не было.

Афимья.

Мнѣ чужого не жаль. Пей, пожалуй, коли ты еще не сытъ.

Даша.

Я пойду схожу.

Афимья.

Балуй, ухаживай за нимъ, а онъ на тебя и глядѣть не хочетъ. (Уходятъ.)

Явленіе шестое.

Петръ (одинъ).

Эхъ, шибко голова болитъ! Скружился я совсѣмъ! (Задумывается). Аль погулять еще? Дома-то тоска. Спуталъ я себя по рукамъ и по ногамъ! Кабы не баба у меня эта плакса, погулялъ бы я, показалъ бы себя. Что во мнѣ удали, такъ на десять человѣкъ хватитъ! А и то сказать, велика радость сидѣть съ бабами, пересыпать изъ пустого въ порожнее. Ужь догуляю масленую, была не была!

„Удалая голова,
Не ходи мимо сада,
Не прокладывай слѣда,
Дороженьки не тори,
Худой славы не клади."

А какъ голова-то болитъ! ровно треснуть хочетъ. Поѣду-ка я къ своей кралечкѣ, размычу тоску-горе. (Даша входитъ.)

Явленіе седьмое.

Даша и Петръ.

Даша.

Вотъ, Петръ Ильичъ, кушай на здоровье.

Петръ.

Не кажись ты мнѣ! Ишь ты глаза-то скосила!.. Точно яду подаешь! Пить-то изъ твоихъ рукъ нехочу!

Даша.

Пропадай ты совсѣмъ, измучилъ ты меня! (Ставитъ вино на столъ; Иванъ входитъ.)

Иванъ.

Лошадь готова.

Петръ (наливаетъ стаканъ и пьетъ).

Давай. (Уходитъ.)

Явленіе восьмое.

Даша (одна).

Что́ же это за мука-мученская! Батюшка-то съ матушкой, чай, думаютъ, дочка-то живетъ въ богатствѣ да въ радости, а не знаютъ они того, что я съ утра до ночи слезами обливаюся. Что́-жь дѣлать-то? Наша доля терпѣть — потерплю; можетъ, онъ погуляетъ, погуляетъ, да за умъ возьмется, опять ко мнѣ придетъ, голубчикъ мой. (Молчитъ нѣсколько времени). Одного только, кажется, не перенесетъ душа моя, коли онъ да промѣняетъ меня на кого-нибудь. А, вѣдь, отъ него, пожалуй, станется. Лучше возьми онъ мое сердце да разорви его на части, размечи по чисту полю, чѣмъ такое злодѣйство сдѣлать надо мною. (Вася входитъ.)

Явленіе девятое.

Даша и Вася.

Вася.

Съ широкой масляницей!

Даша.

Здравствуй, Вася. Что ты?

Вася.

Маленько загулялъ.

Даша.

Чтой-то, Вася! Съ тобой прежде этого не было.

Вася.

Съ горя, Дарья Агафоновна, съ горя, съ большой со кручины.

Даша.

Полно, что у тебя за горе?

Вася (садится).

Есть, Дарья Агафоновна, есть. Печаль тоска несносная!.. Погоди, постой, я съ горя пѣсенку запою. Можно?

Даша.

Пой.

Вася (поетъ).

„Востоскуйся ты, моя сударушка,
По мнѣ возгорюйся".

Даша.

Вася, а Вася, что у тебя за горе?..

Вася.

Не скажу, вотъ ни за что не скажу! Хоть сейчасъ расказните, не скажу.

Даша.

Ну, а не скажешь, такъ и не надо.

Вася.

И ни... ни... ни за что на свѣтѣ! (Поетъ.)

„...По мнѣ возгорюйся.
Ужь и самъ-то-ли, я самъ
По тебѣ, сударушка..."

Даша.

Ну, Богъ съ тобой, не говори, я и не спрашиваю.

Вася.

Нельзя, не велѣно... подъ страхомъ не велѣно... онъ меня убьетъ.

Даша.

Кто онъ-то?

Вася.

Нѣкоторый человѣкъ. (Поетъ.)

„...Самъ и встосковался".

Даша.

Вася, а Вася, скажи мнѣ, что я у тебя спрошу.

Вася.

Спрашивай.

Даша.

Куда Петръ Ильичъ ѣздитъ? Ты съ нимъ ѣзжалъ вмѣстѣ.

Вася.

Этого нельзя. (Поетъ.)

„Нападаютъ на меня,
Меня сиротинушку,
Охъ да лихи люди."

Даша.

Вася, ты винца не хочешь ли? Выпей вотъ вишневочки.

Вася.

Нѣтъ, боюсь!.. Тятенька — ухъ!.. и... и не живи на свѣтѣ!.. Я и то вотъ хмѣльненекъ немножко... такъ зашелъ къ вамъ, авось пройдетъ... а то боюсь... тятеньку до смерти... и... бѣда!..

Даша.

Да ты уснешь у насъ, вотъ и пройдетъ... Ничего, выпей.

Вася.

Нѣшто одинъ стаканчикъ.

Даша (наливаетъ).

Выпей, Вася, ничего. (Вася пьетъ). Такъ ты не скажешь, куда вы ѣздите-то?

Вася.

Никакъ невозможно этого сдѣлать: не велѣлъ.

Даша (съ испугомъ).

Какъ не велѣлъ? Да отчего же не велѣлъ?

Вася.

Такъ, не велѣлъ, да и все тутъ. Убью, говоритъ, на мѣстѣ! Да не спрашивай, Дарья Агафоновна, я ничего говорить не стану.

Даша.

Ну, хорошо... ну, хорошо, я не буду спрашивать. Выпей еще, Вася.

Вася.

Нѣтъ, покорно благодарствуйте, будетъ... и то мутитъ... а я тятеньки боюсь.

Даша.

Вотъ, тятенька! Что̀ такое? Нынче масляница. (Наливаетъ.)

Вася.

Вѣдь, этакъ, пожалуй, напьешься! (Пьетъ).

Даша.

Ничего. Какой ты, Вася, хорошій... тебя, чай, дѣвушки любятъ... Ишь ты какой кудрявый! (Гладитъ по головѣ.) А? любятъ дѣвушки? (Наливаетъ вина.)

Вася.

Меня дѣвушки оченно любятъ. Да только вотъ одна, что самая которая раскрасавица, надо мной надсмѣялася... Конечно, онъ старшо̀й... и по торговлѣ, да зачѣмъ обижать!..

Даша.

За что̀ тебя обижать?

Вася.

А онъ обидѣлъ, онъ шутку сшутилъ... Да еще какую шутку! а еще благо... бла... благопріятель называется.

Даша.

Скажи пожалуй!.. Ну, ну...

Вася.

Я все ходилъ къ ней украдкой, потихоньку, потому я боюсь, тятенька узнаетъ... Куда, говоритъ, ты ходишь?.. Да нѣтъ, онъ не велѣлъ сказывать... ты, говоритъ, и подумать не смѣй! А то, говоритъ, ты, пожалуй, съ дуру-то, женѣ...

Даша.

Васенька, миленькой, а какую я тебѣ невѣсту сосватаю. Выпей, Вася.

Вася.

Не пой ты меня, сдѣлай милость, не пой... а то и пьяный все скажу, а я не должонъ попріятельски... и онъ не велѣлъ... Тогда лучше и не живи на свѣтѣ!

Даша.

А какую невѣсту, Вася! Какая красавица-то, писаная!

Вася (пьетъ).

Ну, хорошо, ну, я все скажу... все, за то, что онъ меня обидѣлъ... кровно обидѣлъ... надсмѣшку надо мной сдѣлалъ!.. Только ты ему не сказывай.

Даша

Не скажу, не скажу.

Вася.

Вотъ, говоритъ, куда ты ходишь? Я говорю: есть дѣвушка, красавица, живетъ съ матерью, туда, говорю, и хожу... Грушенькой зовутъ. Возьми, говоритъ, меня съ собой. Взялъ я его. Вотъ мы и ходимъ къ ней много разъ... много разъ... сидимъ это, растобарываемъ, пряничковъ носимъ... все какъ слѣдуетъ. Вотъ и вижу, начинаетъ онъ къ ней поддѣлываться, холостымъ сказался...

Даша (отодвигается съ ужасомъ).

Ахъ, батюшки!

Вася.

Ты, говоритъ, не смѣй сказывать, что я женатый!.. А старуха-то его руку тянетъ, потому — богатый. Потомъ какъ-то говоритъ: ты, говоритъ, проваливай и не смѣй сюда ходить, а то, говоритъ, убью! И, говоритъ, отцу скажу. Что-жь, извѣстно, я тятеньки боюсь! Ты, говорю, пи... пи... піять меня хочешь... Что-же, піяй! Отольются тебѣ мои слезы... Цѣлую

недѣлю, Дарья Агафоновна, я плакалъ на-взрыдъ, а вотъ нынче съ горя выпилъ... не могъ я этого прео... переломить въ себѣ!

Даша.

Охъ, горюшко!

Вася (плачетъ).

Я человѣкъ, у меня сердце, душа есть... чай, она чувствуетъ... Я, вѣдь, не каменный!.. У него жена есть, а я сирота... у меня нѣтъ никого...

Даша (встаетъ).

Тетушка, матушка! (Афимья входитъ.)

Явленіе десятое.

Тѣ-же и Афимья.

Даша.

Тетушка, поскорѣй соберите меня... я ѣду къ своимъ... пѣшкомъ уйду, бѣгомъ убѣгу!..

Афимья.

Да что ты?

Даша.

Злодѣй-то мой, тетушка, совсѣмъ меня бросилъ!.. Тетушка, у него есть полюбовница!.. Вотъ отчего онъ дома-то не живетъ.

Афимья.

Ой! что ты? Ахъ, родная!

Даша.

Не онъ ли мнѣ клялся, всю душу-то проклялъ, божившись, что одну меня любить будетъ, а теперь

нашелъ себѣ здѣсь какую-то... (Подходитъ къ Васѣ и толкаетъ его.) Кто она такая, а? (Вася молчитъ.) Спитъ! Поскорѣй, тетушка, поскорѣй... Поѣду въ Рогожскую, найму лошадей. Легче мнѣ не видать его совсѣмъ, чѣмъ вѣкъ съ нимъ горе мыкать. Будетъ, пожили. Прощай, Петръ Ильичъ!

Дѣйствіе второе.

Изба на постояломъ дворѣ.

Явленіе первое.

Спиридоновна и Яковъ.

Спиридоновна.

Ну, ну закладывай ступай.

Яковъ.

Что-жь, Анна Спиридоновна, я тебѣ за овесъ деньги отдалъ сполна, значитъ, какъ есть.

Спиридоновна.

Ну, отдалъ — и конецъ.

Яковъ.

Да извѣстно... что-жь такое... дѣло масляничное, можно нашего брата и винцомъ похолить.

Спиридоновна.

Ужь вы, жиды, изъ души вытянете. (Подноситъ водку).

Яковъ (пьетъ и утирается.)

Покорнѣйше благодаримъ.

Спиридоновна.

А въ Буньковѣ Мишкѣ кривому сдай.

Яковъ.

Оно это точно что-жь говорить, Мишка кривой

супротивъ другихъ ловчѣй будетъ. Только теперь староста на буньковскихъ ямщиковъ приказъ написалъ: если будете, примѣрно, метать промежь себя и тащить, котора половина больше, такъ и тащите, а имъ чтобы не галдить, и чтобы супротивъ говорить не смѣли. (Входитъ Груша).

Явленіе второе.

Тѣ же и **Груша,**

Груша

(подпрыгивая и похлопывая руками).

Ухъ, какъ перезябла вся, бѣда!

Спиридоновна.

А неволя стоять на морозѣ-то? Точно тебя изъ избы-то гонятъ.

Груша.

Да ужь больно весело на улицѣ-то: парни гуляютъ, дѣвки гуляютъ, пѣсни играютъ, не ушелъ бы отъ нихъ, кажется. Я погрѣюсь да опять пойду. Что-то мнѣ сегодня ужь больно весело, дѣвкѣ.

Спиридоновна.

А то неужто скучать? Объ чемъ это? Живемъ хорошо, ожидаемъ лучше. (Ямщику.) Ты что здѣсь толчешься-то? Ступай закладывай.

Яковъ (почесываясь).

Да ужь больно мнѣ... тово... неохота отъ масляной уѣзжать-то.

Спиридоновна.

Вамъ бы все гулять! Ступай! Ступай! (Толкаетъ его; ямщикъ уходитъ.) Поди вонъ, поподчуй купцовъ винцомъ; сидятъ тамъ, лошадей дожидаются. Пошути

тамъ съ ними, побалагурь, наври имъ короба съ три, они, вѣдь, охотники.

Груша.

Да какъ же, нужно мнѣ къ нимъ идти!.. Пристаютъ да цаловаться лѣзутъ; смерть не люблю! Мнѣ и отъ своихъ-то парней проходу нѣтъ.

Спиридоновна.

А къ тебѣ нѣшто пристанетъ? А я такъ люблю купцовъ. Я вотъ десять лѣтъ постоялый дворъ держу, десять лѣтъ, какъ въ огнѣ горю, ни одному мужику противъ меня не потрафить, такъ ужь навидалась я ихъ. Я послѣ покойника-то твоего отца молоденькая осталась; тогда еще мы въ Буньковѣ держали. Бывало, наѣдутъ — пей, гуляй, веселись! Уважаю даже купцовъ за ихъ жизнь. Только держи себя въ струнѣ: языкомъ, молъ, что хошь болтай, рукамъ воли не давай — вотъ мой обычай! Этотъ... какъ его?.. Петръ Ильичъ, что ли? Что онъ больно часто повадился?

Груша.

Ничего, ходитъ такъ себѣ, для время провожденія. Не гонять же его.

Спиридоновна.

Зачѣмъ гонять, можетъ и пригодится. Ты его, Груша, блюди, приголубливай, только не больно поваживай. Женись, молъ, вотъ и все тутъ, и хлопотать не объ чемъ, а на бобахъ-то, молъ, насъ не проведешь. А до той поры пущай ходитъ да гостинцевъ носитъ. Что имъ въ зубы-то смотрѣть!

Груша.

Ишь ты, мать! Какъ же, охота мнѣ замужъ! по тѣхъ поръ и погулять, пока въ дѣвкахъ. Еще за мужемъ-то наживуся! Гуляй, дѣвка, гуляй я!

Спиридоновна.

Не вѣкъ же тебѣ въ дѣвкахъ-то сидѣть, а вышла за человѣка хорошаго да за богатаго, и ходи, какъ пава... Фу ты, ну ты!.. Толь не житье! Пей, ѣшь на поданномъ, ложись на постланномъ, только врозь ползи. (Уходитъ.)

Явленіе третье.

Груша (одна).

За мужемъ-то жить трудно! Угождай мужу, да еще какой навернется... Всѣ они холостые-то хороши!.. Еще станетъ помыкать тобой. А дѣвкамъ намъ житье веселое, каждый день праздникъ, гуляй себѣ — не хочу! Хочешь — работай, хочешь — пѣсни пой!.. А приглянулся-то кто, развѣ за нами усмотришь. Хитрѣй дѣвокъ народу нѣтъ. (Поетъ пѣсню; Спиридоновна и Петръ входятъ.)

Явленіе четвертое.

Груша, Спиридоновна и Петръ.

Спиридоновна.

Вотъ я къ тебѣ гостя привела. Садись, Петръ Ильичъ. Скидай шубу-то.

Петръ.

Ненадо. Я на минуту къ вамъ, проѣздомъ заѣхалъ.

Груша.

Отчего-жь на минуту? Посиди.

Петръ.

Нехорошо днемъ-то: у васъ мало ли народу толчется — увидятъ.

Груша.

А тебѣ кого бояться-то?

Петръ.

Нѣтъ, я ужо пріѣду, вечеромъ, въ тѣ поры погуляемъ.

Спиридоновна.

Сиди, сиди, небось, никто сюда не войдетъ. А. ужо пріѣзжай, милости просимъ. Выпей-ка винца.

Петръ.

Не хочу.

Спиридоновна.

Полно ломаться-то. Выпей.

Петръ.

Ну, давай. (Пьетъ.) Спасибо.

Спиридоновна.

Вотъ такъ-то... на здоровье! Смоталась совсѣмъ, и день, и ночь пьяна, дымъ коромысломъ; такая ужь эта недѣля, право. (Уходитъ; Груша затворяетъ за ней дверь.)

Явленіе пятое.

Груша и Петръ.

Груша.

Что ты такой сердитый? На меня, что-ль, сердитъ?

Петръ.

Я нынче не въ себѣ, скучно, дѣла такія есть.

Груша.

А ты не скучай! Что за скука!.. Такъ-то, голубчикъ мой бѣленькой. (Поетъ.)

„Какъ у молодца, у удалаго,
Печаль тоска не бывала;
Что сегодняшнюю-то темну ночь
Печаль тоска обуяла."

Петръ.

Ужь очень я тебя люблю! Надоть такъ думать, ты меня приворожила чѣмъ ни-на-есть!

Груша.

Что̀ ты! Господь съ тобой!

Петръ.

Возьми ты вострый ножъ, зарѣжь меня, легче мнѣ будетъ.

Груша.

Да что̀ съ тобой сдѣлалось?

Петръ.

Несчастный я человѣкъ! Ничего я не пойму, ничего не соображу. Голова моя вся кругомъ пошла! Ровно туману кто напустилъ на меня!

Груша.

Да отчего такъ? Скажи.

Петръ.

Говори ты мнѣ прямо, такъ, чтобъ ужь я зналъ: любишь ли ты меня?

Груша.

А то скажешь — нѣтъ? Извѣстно, люблю.

Петръ.

Ой ли? Вѣрно твое слово?

Груша (обнимая его крѣпко).

Вотъ какъ люблю! . . вотъ!

Петръ.

Груша, такъ ты меня такъ любишь? Ну, пропадай все на свѣтѣ! Скажи ты мнѣ теперь: загуби свою душу за меня! Загублю, глазомъ не сморгну.

Груша.

Что ты, что ты?! Нехорошо! Нѣшто такія слова говорятъ? Въ какой часъ скажется. Вотъ у насъ кузнецъ Еремка, все этакъ душой-то своей клялся, въ треисподнюю себя проклиналъ . . . Ну, что-жь, сударь ты мой . . такая-то страсть! . . . И завелъ его на сѣновалъ подъ крышу. Насилу стащили, всего скорчило. Ужь такой-то этотъ Еремка распостылый! Какихъ бѣдъ съ нимъ не было! Два раза изъ прорубя вытаскивали, а ему все какъ съ гуся вода.

Петръ.

Что мнѣ себя жалѣть-то? Ужь и такъ пропащая моя голова, за одно пропадать-то! Говори, мое солнышко, чего тебѣ нужно: золота, серебра, каменьевъ самоцвѣтныхъ — себя заложу, а тебѣ подарю.

Груша.

Ничего мнѣ, голубчикъ ты мой бѣленькой, ненадо, всего у меня довольно. А ты вотъ что, парень, люби ты меня, какъ я тебя люблю.

Петръ.

Эхъ, дѣвка! Что балясы-то точишь! Видишь, я въ какомъ разѣ! Проси, чего хочешь. Дорогого проси!

Груша.

Чего у тебя просить-то! А вотъ что: ходи почаще, носи пряничковъ послаще, да еще ленту поалѣе, да гляди на меня помилѣе, да цалуй покрѣпче . . . ха, ха, ха! . . . Да вотъ еще я у тебя давно хотѣла попросить: купи ты мнѣ перстенечекъ.

Петръ.

Ужо два привезу.

Груша (поетъ).

„Мнѣ не дорогъ твой подарокъ,
Дорога твоя любовь!
Золото твое колечко
Прижму ко сердечку."

У насъ, у всѣхъ дѣвушекъ есть ... ну, понимашь ... пріятели. Посмотри въ праздникъ, сколь хорошо: на улицѣ сидятъ всѣ вмѣстѣ; а ты вотъ со мной никогда не погуляешь. По крайности я перстенекъ покажу, что есть у меня такой парень, который меня вѣрно любитъ. Ты пріѣзжай ужо пораньше, заложимъ тройку, насажаемъ дѣвокъ, поѣдемъ кататься съ пѣснями.

Петръ.

Давай руку. (Беретъ руку.) Значитъ, кончено! (Ударяетъ ее по рукѣ. Груша киваетъ головой.) Такъ на кой намъ шутъ дѣвокъ! Мы двое поѣдемъ.

Груша.

Что̀-жь не поѣхать!

Петръ.

Поѣдешь?

Груша.

Извѣстно, поѣду.

Петръ (цалуетъ Грушу).

Вотъ это люблю! Это по-нашему. Поди, посмотри, нѣтъ ли кого въ избѣ, либо на дворѣ.

Груша.

Что̀ такъ скоро? Посиди.

Петръ.

Теперь нѣкогда. Еще вечеръ-то нашъ.

Груша.

Ну, нельзя, такъ, ненадо. (Уходитъ.)

Явленіе шестое.

Петръ (одинъ).

Ухъ! Загуляю! Эку паву поддѣлъ! Насъ ли дѣвушки не любятъ? (Груша входитъ.)

Явленіе седьмое.

Петръ и Груша.

Груша.

Ступай, никого тамъ нѣтъ, только какая-то старушка пріѣхала, не здѣшняя.

Петръ.

Ну, прощай!

Груша.

Прощай, соколикъ. (Петръ уходитъ.) Какія мы дѣвки баловницы! Вотъ приласкай парня, онъ и не отстанетъ, и будетъ подлѣ тебя убиваться. Только чтой-то онъ иной разъ такой хорошій, веселый, а иной разъ чудной такой? Что-нибудь у него на душѣ есть. Можетъ, онъ что недоброе затѣваетъ ... такъ мы съ матушкой и двери покажемъ, у насъ не долго! А все будетъ жаль. Вотъ шуткой, шуткой, а вѣдь, какъ полюбила, ажно сердце ноетъ, такъ вотъ и бьется, ровно голубь. (Входитъ Степанида.)

Явленіе восьмое.

Груша и Степанида.

Степанида.

А что̀, дѣвонька, погрѣться бы у васъ тутъ у печки, можно?

Груша.

Погрѣйся, тетенька.

Степанида.

Я вотъ одеженку-то тутъ положу, да мѣшечки-то вотъ ... Изломало всю ... да прозябла немножко; не близко, вѣдь, ѣхать-то, третьи сутки въ дорогѣ. А дорога-то, милая, извѣстно, масляница, не первый путь. Охъ, охъ, охъ. Въ Москву со старикомъ, дѣвушка, пріѣхали, дочку навѣстить, да не знаемъ, гдѣ найтить-то. Пообогрѣемся, ночку переночуемъ, а завтра пойдемъ поищемъ.

Груша.

Какъ же это ты, тетенька, не знаешь, гдѣ дочь найти? ..

Степанида.

Въ Москвѣ-то всего въ первой, толку-то не скоро найдешь; опять же время къ вечеру.

Груша.

Что̀-жь, она у васъ здѣсь замужемъ?

Степанида (усаживается у печки).

А вотъ, дѣвонька, видишь ты, какое дѣло-то вышло. Городъ-то нашъ на проѣзжей дорогѣ; мѣщане мы. Живемъ-то хоть бѣдненько, а домишко-то у насъ хоть куда. Вотъ и останавливаются у насъ купцы и баре, случается. Семья-то у насъ небольшая была: я съ мужемъ, да дочка Дашенька; хозя-

инъ-то у меня ужь старенекъ. Останавливался у насъ проѣздомъ купецъ молодой, началъ онъ Дашуто уговаривать да улещать. Намъ и не вдомекъ такое дѣло. А въ прошломъ году, около святокъ, и сманилъ ее у насъ.

Груша.

Ишь ты, а!

Степанида.

Сманилъ, сманилъ. Горя-то, горя-то что́ было! Ну да ужь, нѣчего дѣлать, не воротишь. Только получаемъ мы отъ нея письмо изъ Москвы. Вотъ оно и теперича со мною ... Все такъ съ собой и ношу. Пишетъ, проситъ прощенія и благословенія отъ насъ нерушимаго, и что какъ пріѣхали они въ Москву, онъ на ней женился, и у него семья и торговля, все какъ слѣдуетъ, и что живетъ она благополучно и съ мужемъ въ любви.

Груша.

Видишь ты, счастье какое! За купца за богатаго! .. Подитка ты! .. Знать изъ себя хороша?

Степанида.

Ужь куда хороша! Не знаю, теперь какъ; можетъ, горе-то ее повысушило, а допрежъ-то этого была такая красавица, полная да бѣлая ... Вотъ хоть съ себя примѣръ возьми.

Груша.

Ну, что́ я за красавица, помеломъ нарисованная.

Степанида.

Нѣтъ, что́-жь, ты хорошая дѣвушка, видная, и тебя, гляди, хорошій женихъ возьметъ.

Груша.

Да, вѣдь, это, тетенька, какое счастье выдетъ; не родись пригожъ, а родись счастливъ.

Степанида.

Не завидуй, дѣвушка, чужому счастью. Вотъ мы-было и порадовались, что такъ далъ ей Богъ. Должно быть, честный человѣкъ, хорошій, на ея долю вышелъ. Да какъ и не порадоваться? Своя кровь, своя болѣзнь. Только, послѣ этого письма, она намъ ничего и не писала, и слуху о ней не имѣли — жива она, или нѣтъ. Сбирались ѣхать, да не на кого дома оставить; а вотъ недавнушко слышали мы отъ проѣзжихъ людей, что мужъ-то съ ней сталъ дурно жить, загуливать, хмѣлемъ зашибаться. Нѣчего дѣлать, собрались со старикомъ да и поѣхали. Ну, тамъ, конечно, родня богатая, еще какъ примутъ: бываетъ, мать-то и выгонютъ. Скукато меня больно обуяла безъ дочушки-то! . . Всѣ глазыньки выплакала, отъ питья, отъ ѣды отбило . . . Сама, милая, посуди.

Груша.

Извѣстное дѣло. (Агафонъ входитъ.)

Явленіе девятое.

Тѣ же и Агафонъ.

Степанида.

Что̀ это ты, старина, замѣшкался?

Агафонъ (распоясываясь).

Я все съ лошадкой: отпрегъ, поставилъ на мѣсто, сѣнца далъ. Животинку-то жалѣть надо; вѣдь, она не скажетъ. Ну, вотъ, старуха, Богъ далъ, и пріѣхали, а ты все торопилась. Зачѣмъ торопиться-то? Тише ѣдешь, дальше будешь.

Степанида.

Да мнѣ больно доченьку-то увидать хотѣлось.

Агафонъ.

Вотъ, и увидишь, коли Богъ дастъ. Все своимъ чередомъ, торопиться-то никогда не надо.

Степанида.

Ужь я не чаяла и дожить-то. Ноги-то старыя, а то бы такъ и побѣжала.

Агафонъ.

Что̀ бѣжать-то? Ну, что̀ бѣжать-то? Зачѣмъ? Баба дура, зачѣмъ? А мы смирненько придемъ, скромненько ... всему свое время, свой предѣлъ. Достань-ка мнѣ лепешечку изъ мѣшка, пожуемъ пока.

Степанида (достаетъ).

На̀ тебѣ помягче, а то не угрызешь.

Агафонъ.

Ну, хорошо, ладно. Вотъ это мнѣ по зубамъ. (Ѣдятъ молча.)

Степанида.

Что́-то наша Даша дѣлаетъ теперь, поглядѣла-бъ хоть однимъ глазкомъ.

Агафонъ.

Что̀? Извѣстно что̀ — свое дѣло дѣлаетъ; хозяйство есть, чай хлопочетъ; люди богатые, не то, что мы.

Степанида.

А, вѣдь, какъ, чай, трудно ей, бѣдной, въ чужой-то семьѣ.

Агафонъ.

Не въ чужой, а въ своей.

Степанида.

Да говорятъ, что мужъ-то ее не любитъ.

Агафонъ.

Мало что̀ говорятъ: не всякому слуху вѣрь.

Степанида.

А ужь какъ она, бѣдная, намъ рада-то будетъ.

Агафонъ.

Извѣстно, рада будетъ. А все, старуха, чай, маленько зазорно будетъ на стариковъ-то своихъ смотрѣть. Какъ ты думаешь, а?

Степанида.

Что̀-жь зазорно? Богъ ей судья, мы сами не безгрѣшные.

Агафонъ.

Извѣстно, не безгрѣшные . . . А все какъ-то тово . . . дѣтищу-то противъ родителей . . . какъ будто негодится.

Степанида.

Что̀-жь, Агафонъ Потапычъ, ты, вѣдь, въ тѣ поры самъ первый ее простилъ.

Агафонъ.

Что-жь не простить! Я любовь къ ней имѣю, потому одна, а кого любишь, того и простишь . . . Я и врагу прощу, я никого не сужу. Да развѣ я одинъ судья-то? а Богъ-то? Богъ-то проститъ ли? Можетъ, отъ того и съ мужемъ-то дурно живетъ, что родителей огорчила. Вѣдь, какъ знать? (Спиридоновна и Даша входятъ).

Явленіе десятое.

Тѣ же, Спиридоновна и Даша.

Спиридоновна.

Сейчасъ, матушка, сейчасъ, подожди немного, красавица. Лошадокъ заложутъ тебѣ хорошихъ, мигомъ довезутъ. Посиди вотъ тутъ, подожди.

Даша (садится къ столу).

Хорошо, я подожду.

Спиридоновна.

Что̀ ты, никакъ плачешь? По родителямъ, что̀-ли? Аль горе какое есть?

Даша.

Нѣтъ, такъ, ничего.

Спиридоновна.

Что̀ тосковать-то, нынче масляница. Гляди-ка, народъ-то скружился совсѣмъ. Масляница, вѣдь, одинъ разъ въ году бываетъ, не уважать-то ее нельзя. А ужь, правду матку тебѣ сказать, бѣда, какъ голова болитъ.

Агафонъ.

Кому масляница, кому и великій постъ. Охъ, охъ, охъ ...

Спиридоновна.

Вѣстимо, что такъ. (Къ Грушѣ) Сунь-ка, Груша, въ печку давишніе блины-то, годятся къ ужоткому, къ ужину.

Груша.

Сейчасъ, матушка. (Беретъ ухватъ.)

Спиридоновна.

Подальше подвинь, подальше. Ну, да вотъ эти-то ... да вотъ горшечекъ-то. (Груша сажаетъ и опирается на ухватъ.)

Даша

(говоритъ на распѣвъ, сквозь слезы).

„Полечу я пташечкой кукушечкою,
Полечу на матушкину на сторонушку."

Степанида.

Что̀ это бабочка-то больно тоскуетъ?

Агафонъ.

Знать не легко, коли тоскуетъ.

Даша (продолжаетъ).

„Сяду я во садикѣ да на яблоньку,
Запою младешенька жалкимъ голосомъ".

Степанида.

Не наша ли горькая съ чужой стороны?

Агафонъ.

Что ты, что ты, старуха.

Степанида.

Семъ-ка я погляжу пойду. (Подходитъ къ Дашѣ.)

Даша (встаетъ).

Матушка, ты ли это?

Степанида.

Дочушка! .. Дашенька! (Даша кидается къ ней на шею). Дитятко ты мое родимое, солнышко мое красное, заря ты моя восхожая, сокровище ты мое ненаглядное! .. (Садится.) Потапычъ, поди-ка, свѣтъ, сюда.

Агафонъ (подходитъ).

Что тамъ у васъ?

Даша (встаетъ).

Батюшка! прости ты непокорную! (Кланяется).

Агафонъ.

Ну, что ты, что ты? .. Ну, Богъ съ тобой, Богъ съ тобой! .. (Садится.)

Степанида.

Ужь и гдѣ же я тебя встрѣтила! .. Не ждала-то я, не чаяла ...

Даша.

Ахъ, тятенька, въ глаза-то тебѣ глядѣть мнѣ совѣстно.

Агафонъ.

Ну, что̀ про старое толковать! . . Богъ съ тобой! Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Куда ты это, дочка, собралась-то — скажи ты мнѣ?

Даша.

Къ вамъ, тятенька, собралась.

Агафонъ.

— Ну, это хорошо, доброе дѣло, что вспомнила. Что̀-жь тебя мужъ-то отпустилъ?

Даша.

Нѣтъ, тятенька.

Агафонъ.

Какъ же это нѣтъ? Какъ же нѣтъ?

Даша.

Да что̀, тятенька, передъ вами мнѣ утаивать не слѣдъ: жили мы сперва съ Петромъ Ильичемъ очень хорошо, любилъ онъ меня. (Груша вслушивается.) Потомъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, сталъ загуливать, пить, дома не бываетъ, со мной только-что ссорится. . .

Агафонъ.

Ну, что̀-жь, ну, что̀-жь?

Даша.

Каждый день брань да ссора. Ну ужь, такъ и быть, перенесла бы я это горе: сама виновата, безъ воли родительской пошла за него. А то, матушка ты моя, родная ты моя, промѣнялъ онъ меня на какую-то . . . (Ложится на шею къ Степанидѣ.) Легко ли это моему сердцу!

Степанида.

Что ты? дитятко мое, что ты?

Даша.

Нынче, нынче мнѣ Вася сказывалъ, къ намъ ходитъ. (Махнувъ рукой.) Пріятель его! . . (Со слезами.) Мой-то холостымъ, видишь ты, прикинулся! . . (Опять ложится на плечо.)

Груша (бросая ухватъ).

Ахъ, матушка! ахъ, ахъ! . .

Даша.

Разлучили меня съ другомъ милымъ, съ сердечнымъ моимъ . . .

Груша.

Охъ! . . Сердце мое!

Даша.

Разлучила меня съ нимъ злая разлучница!

Груша.

Матушка! Да, вѣдь, это я, разлучница-то!

Спиридоновна.

Что ты плачешь-то? На нихъ, что ли, глядя?

Агафонъ.

Ну, такъ что-жь ты? Ну, что-жь ты?

Даша.

Къ вамъ, батюшка, собралась ѣхать, опять жить съ вами, съ моими родными.

Агафонъ.

Какъ къ намъ? Зачѣмъ къ намъ? Нѣтъ, поѣдемъ, я тебя къ мужу свезу.

Даша.

Нѣтъ, батюшка,не поѣду я къ нему.

Агафонъ.

Да ты пойми, глупая, пойми — какъ я тебя возьму къ себѣ? Вѣдь, онъ мужъ твой? (Встаетъ.) Поѣдемте. Что болтать-то пустяки, чего быть не можетъ! Собирай, старуха, одежонку, собирай ... Какъ ты отъ мужа бѣжишь, глупая! ... Ты думаешь, мнѣ тебя не жаль? Ну, вотъ всѣ вмѣстѣ и поплачемъ о твоемъ горѣ — вотъ и вся наша помощь! Что я могу сдѣлать? Поплакать съ тобой — я поплачу. Вѣдь, я отецъ твой, дитятко мое, милое мое! (Плачетъ и цалуетъ ее, потомъ беретъ свою одежду и подходитъ къ ней.) Ты одно пойми, дочка моя милая: Богъ соединилъ, человѣкъ не разлучаетъ. Отцы наши такъ жили, не жаловались — не роптали. Ужели мы умнѣе ихъ? Поѣдемъ къ мужу. (Беретъ ее за руку и уходитъ, Степанида за ними.)

Явленіе одиннадцатое.

Груша и Спиридоновна.

Груша (плача).

Матушка, да, вѣдь, онъ женатый!

Спиридоновна.

Кто онъ-то?

Груша

(садясь къ столу и закрывая лицо руками).

Петръ Ильичъ!

Дѣйствіе третье.

Сцена I.

Комната второго дѣйствія.

Явленіе первое.

Груша (сидитъ у стола), **Спиридоновна** (входитъ).

Спиридоновна.

Что ты сидишь-то тутъ, безстыдница! Тамъ сосѣдки пришли, а ты и глазъ не кажешь.

Груша.

Не пойду я къ нимъ.

Спиридоновна.

Вотъ еще что выдумала! На что это похоже? Сама звала, а теперь прячешься.

Груша.

Да, хорошо имъ!.. Имъ весело.

Спиридоновна.

А у тебя поди-ка какое горе!.. Плюнуть да и все тутъ. Вотъ погоди, приди онъ только, мы его такъ турнемъ, что онъ своихъ не узнаетъ... Чтобы онъ мелкимъ бѣсомъ не разсыпался, да дѣвокъ не сманивалъ.

Груша.

Что̀ онъ не идетъ-то? Ужь мнѣ бы поскорѣй сердце сорвать! Такъ бы изругала, такъ бы изругала! Ужь подвернись онъ только теперь мнѣ!.. Погодижь ты, постылый ты человѣкъ!

Спиридоновна.

Да, нужно очень связываться-то!.. Велика невидаль! Мой обычай: поворотъ отъ воротъ, да изъ головы вонъ! Неужели-жь еще думать!.. Поставь-ка орѣшковъ на столъ да позови дѣвокъ-то сюда. Полно дурачиться-то, что̀ за слезы!..

Груша

(встаетъ и ставитъ на столъ закуски).

Вотъ только съ сердцемъ-то не сообразишь, а то не стòитъ онъ того, чтобы объ немъ плакать-то. Пойду пѣсню запою, со зла, во все горло, что только духу есть! (Уходитъ, слышится заунывная пѣсня).

Явленіе второе.

Спиридоновна, потомъ Груша и дѣвушки.

Спиридоновна.

Молодецъ у меня Груша! Вся въ меня, вотъ какъ я была съ молоду... Еще погулять хочется, молода очень. Ну, что̀-жь, пущай погуляетъ, себя потѣшитъ. За этой дѣвкой матери нѣчего смотрѣть, мать спи спокойно; ее не скоро оплетешь. Золото, а не дѣвка! (Слышится хоровая пѣсня). Ну, загуляли мои дѣвушки!.. Эхъ, не прежніе мои года, подурачилась бы съ ними. (Входитъ Груша и дѣвушки). Ну, что̀-жь замолчали? Попойте, повеселитесь, а я пойду велю вамъ двои сани запречь, кататься поѣдете.

Нѣкоторыя дѣвушки.

Благодаримъ покорно, Анна Спиридоновна! Вотъ весело! (Спиридоновна уходитъ.)

Груша.

Дѣвушки! Я нынче гулять хочу! Всю ночь проѣздимъ, пѣсни прокричимъ.

Одна дѣвушка.

Что̀ такъ?

Груша.

Хочу себя потѣшить, своему сердцу волю дать. О! да что̀ тутъ разговаривать! Давайте винца выпьемъ, пока матушка не пришла. (Достаетъ изъ поставца вино.)

Нѣкоторыя дѣвушки.

Что̀ ты, что̀ ты!

Груша.

Я впередъ дорогу покажу. Ну-ка, впервòй съ роду . . . (Пьетъ.) Ой, какъ горько! Какъ это люди-то пьютъ! Дайте пряничка. Та̀къ ужь съ горя выпила, обидѣлъ меня одинъ человѣкъ. Пейте, дѣвушки, не ломайтесь, только поскорѣе! (Подноситъ вино; нѣкоторыя пьютъ; всѣ хохочутъ; входитъ Еремка съ балалайкой.)

Явленіе третье.

Тѣ же и Еремка.

Еремка.

Нашъ атласъ нейдетъ отъ насъ. Всѣ ли вы здѣсь?

Дѣвушки.

Ахъ, ахъ! Еремка пришелъ! Еремка пришелъ!

Груша.

Ты зачѣмъ сюда? Непрошенный гость хуже татарина.

Еремка.

Да ты что̀? Какіе нынче дни-то! Ты вспомни! А еще хозяйка! Ты меня сперва-на-перво винцомъ поподчуй, а потомъ я съ вами прощаться стану. (Утираетъ губы.)

Дѣвушки.

Ишь ты что̀ выдумалъ! Какже, дожидайся.

Груша (поднося вина).

На̀, выпей, да и убирайся, откуда пришелъ.

Еремка (пьетъ).

Нѣтъ ужь, онъ, видно, не уйдетъ; мнѣ и здѣсь хорошо.

Груша.

Ну, какъ хочешь, мы тебя къ себѣ не пустимъ.

Еремка.

Не пустите? Я, вѣдь, колдунъ: я съ вами шутку сшучу, всѣхъ назадъ затылкомъ оборочу. (Дѣвушки смѣются.)

Груша.

Садитесь, дѣвушки. (Дѣвушки садятся вокругъ стола.) Тебѣ и мѣста нѣтъ.

Еремка.

Я и на полъ сяду, коли мѣста нѣтъ, не великъ баринъ. (Садится и запѣваетъ.)

„Я на камушкѣ сижу,
Я топоръ въ рукахъ держу.
Ай люли, ай люли!
Я топоръ въ рукахъ держу...“

Груша.

Что его слушать-то, дѣвушки, запѣвайте пѣсню.

Дѣвушки (поютъ).

„Исходила младенька всѣ луга и болота,
Всѣ луга и болота, всѣ сѣнные покосы.
Пристигала младеньку меня темная ночка."

(Входитъ Петръ.)

Явленіе четвертое.

Тѣ же и Петръ.

Петръ (у двери.)

Вотъ я къ веселью-то какъ разъ. Миръ вамъ и я къ вамъ.

Груша.

Милости просимъ! А мы только хотѣли кошку въ лапти обувать да за вами посылать.

Петръ.

Здравствуй, Груша! Здравствуй, моя лапушка! Здравствуйте, дѣвушки.

Груша.

Здравствуйте и благодарствуйте!

Петръ.

Ну, дѣвушки, гуляйте, я вамъ гостинцу принесъ.

Груша.

Благодаримъ покорно, у насъ свой есть, намъ чужого ненадобно.

Еремка.

Давай мнѣ, коли имъ ненадобно. (Дѣвушки смѣются.)

Петръ.

Что ты, Грушенька! Аль на тебя нашло что?

Груша.

Я пьяна! (Хохочетъ.)

Петръ.

Что̀ ты, что̀ ты? Подойди-ка ко мнѣ, поцалуемся.

Груша.

Какже, дожидайся!

Еремка.

Купецъ! ты легонько, сироту не задави. (Всѣ смѣются.)

Груша.

Послушайте, дѣвушки красавицы, я вамъ притчу скажу. Была нѣкоторая дѣвка. Ну, вотъ, хорошо. Только дѣвка-то дура. Ходилъ парень къ этой дѣвкѣ, разныя рѣчи говорилъ, только все обманывалъ: я, говоритъ, холостой, богатый, такой сякой, немазаный. Я тебя люблю, за себя замужъ возьму... А выходитъ на дѣлѣ-то — онъ женатый.

Петръ (строго).

Что̀ ты, шутишь, или смѣешься?

Груша.

Эхъ, совѣсть, совѣсть!

Петръ.

Аль насказалъ тебѣ кто? Говори прямо.

Груша.

Кто бы ни сказалъ, да сказалъ.

Петръ.

Это тебя смущаютъ только, обманываютъ, а ты и рада вѣрить всякому.

Груша (смѣется).

Ну, хорошо! Обманули, такъ обманули. Будь ты честный человѣкъ, только отъ насъ подальше. Еремка, давай сироту споемъ.

Еремка.

Давай, запѣвай.

Груша (поетъ).

„Сирота-ль ты моя, сиротинушка,
Ты запой, сирота, съ горя, пѣсенку."

Еремка.

„Хорошо пѣсни пѣть пообѣдавши:
Ужь и я-ль, сирота, да не завтракалъ,
Я не завтракалъ, да вечоръ не ужиналъ."

Груша.

„Разскажи, сирота, хоть намъ сказочку."

Еремка.

„Хорошо говорить вина выпивши,
Вина выпивши, вдоволь выспавшись:
Ужь я-ль, сирота, я не выпивши,
У меня, сироты, нѣту хлѣбушка,
Нѣту хлѣбушка, соли, нѣту кислыхъ щей."

Купецъ, давай денегъ на капусту.

Петръ.

Пошелъ прочь! (Садится у печи.) Только-бъ мнѣ добраться, кто это тебѣ насказалъ, ужь не увернулся-бы у меня, задалъ-бы я ему память. Васька, что ли? Убью я его.

Груша.

Васю мы и въ глаза не видали. Что на людей-то сваливать, коли самъ виноватъ.

Петръ (встаетъ).

Нѣтъ, это, Груша, не то. Не вѣрь ты никому!.. Все вороги мои, разлучить насъ съ тобой хотятъ, погубить меня хотятъ! Развяжи ты меня, скажи: шутишь, что ли?

Груша.

Не кажись ты мнѣ на глаза! Была, глупа, теперь не обманешь! Только нашу бесѣду разстроилъ! Хоть бы Вася пришелъ, потѣшилъ бы насъ. (Къ дѣвушкамъ.) Вотъ, дѣвушки, люблю парня: не надсмѣшникъ, не обманщикъ, милый человѣкъ, можно ему чести приписать; не то, что какъ есть люди, которые могутъ завсегда лгать, говорятъ одно, а на умѣ другое. (Вася входитъ.)

Явленіе пятое.

Тѣ же и Вася.

Петръ.

Ты зачѣмъ?

Груша

(встаетъ и беретъ Васю за руку).

А ты изъ чужого дома не гони, не спросясь хозяина. Поди сюда, Вася, не бось.

Вася.

Зачѣмъ? Тебѣ что̀ за дѣло? Взялъ да и пришелъ. Что̀-жь такое? Нынче масляница, ужь и не погулять мнѣ. Ишь ты какой ловкой!

Груша.

Что̀-жь ты, Вася, не цалуешься со мной? Цалуйся со всѣми: нынче дни прощеные.

Вася.

Ой, что̀ вы! (Цалуется со всѣми.) Да, вѣдь, вотъ онъ тятенькѣ пожалуется. Что̀-жь хорошаго.

Петръ.

Что̀-жь вы со мной дѣлаете, окаянные! Али вамъ погибели моей хочется?

Груша.

Вѣдь, ты холостой?

Вася.

Извѣстно, холостой.

Петръ.

Прощай, Груша! Коли со мной что̀ недоброе сдѣлается, на твоей душѣ грѣхъ будетъ. Я голова отпѣтая, ты меня знаешь. (Подходитъ къ двери.)

Груша.

Ты, Вася, женишься на мнѣ?

Вася.

Я бы радъ радостью, да какъ тятенька позволитъ.

Груша.

А ты попроси.

Вася.

Ужь вотъ какъ буду просить! Въ ногахъ кланяться.

Петръ (у двери).

Ну, Васька, помни ты это! Ты лучше мнѣ и на глаза не попадайся! Я тебѣ напередъ говорю. Я теперь въ себѣ не властенъ.

Вася.

Да что̀ ты присталъ-то? Я, братъ, ничего, право слово ничего.

Петръ.

Ужь я знаю что̀.

Груша.

Не знаешь ты ничего!

Спиридоновна (въ дверяхъ).

Ступайте, дѣвушки, кататься, лошади готовы.

Груша.

Пойдемте, дѣвушки; пойдемъ, Вася.

Петръ (беретъ ее за руку).

Груша, поѣдемъ со мной.

Груша.

Какъ не ѣхать!

Петръ.

Поѣдемъ, говорю я тебѣ.

Груша.

Что ты, разбойничать, что ли?

Петръ.

Не пущу я тебя!

Груша.

И радъ бы не пустить, да пустишь. Воевать-то много не дадимъ. (Тихо.) Ты думаешь, мнѣ Вася сказалъ? Жена твоя была здѣсь. Понялъ ты теперь? Вотъ тебѣ и сказъ!

Петръ (хватаетъ себя за голову).

Жена!

Груша.

Запѣвайте, дѣвушки, пѣсню. (Обращаясь къ Петру.) Ходите почаще — безъ васъ веселѣй! (Обнимая Васю.) Запѣвайте, дѣвушки, пѣсню, величайте насъ, будто жениха съ невѣстой.

Еремка.

Возьмите меня съ собой.

Груша.

Пожалуй, и ненадо.

Еремка.

Ну, я не заплáчу. (Дѣвушки запѣваютъ пѣсню и уходятъ).

Явленіе шестое.

Петръ и Еремка.

Петръ

(подходитъ къ окну; за сценой слышится продолженіе пѣсни, смѣхъ и звонъ бубенчиковъ).

Уѣхали! (Садится и задумывается.)

Еремка.

Купецъ, а купецъ! видно, мы съ тобой здѣсь съ тараканами остались.

Петръ (тихо.)

Жена была здѣсь? Зачѣмъ же она была? Ее привелъ кто-нибудь . . . Кто-нибудь да привелъ. (Вскрикиваетъ.) Что̀-жь это со мной сдѣлали! (Закрываетъ лицо руками и опускается на столъ.)

Еремка.

Купецъ! Что̀-жь ты пріунылъ? Хочешь, потѣшу?

Петръ.

Искать меня! Слѣдить! Погоди-жь ты теперь. А ужь коли такъ, пропадай все на свѣтѣ! Покажу-жь я себя! . . Ужь я теперь надѣлаю дѣлъ! . .

Еремка.

Такъ ужь, видно, тебѣ судьба.

Петръ.

Что?

Еремка.

Я говорю: ужь, видно, такъ тому дѣлу и быть. А ты брось, не думай, а то хуже. Хочешь, я тебѣ пѣсню спою?

Петръ (взглянувъ на него).

Пѣсню? Какую пѣсню?

Еремка.

Вотъ какую . . . (Поетъ.)

„Куманечекъ, побывай у меня,
Животочекъ, побывай у меня,
Побывай, бывай, бывай у меня.
У тебя, кума, собачка лиха!..
Охъ лиха, лиха, лиха, лиха!..
Ха, ха, ха, ха, ха, ха...“

Петръ (приподнимаясь).

Пошелъ прочь, пока живъ!..

Еремка.

Куда мнѣ идти-то? Я здѣшній; а тебѣ пора, дѣлать здѣсь нѣчего... Было дѣло, да собака съѣла.

Петръ.

Убью я тебя!..

Еремка.

Убьешь, такъ отвѣтишь... Купецъ, не плюй въ колодецъ, годится водицы напиться.

Петръ.

Да отвяжись ты, дьяволъ! Что̀ тебѣ отъ меня нужно, а? Что̀ ты за человѣкъ?

Еремка.

Изъ старыхъ ницихъ молодой обмо̀рокъ. (Петръ смотритъ на него.) Купецъ, я слово знаю.

Петръ.

Какое слово?

Еремка.

А такое слово, что все будетъ по-нашему, какъ намъ хочется.

Петръ.

Да ты вправду, аль шутя?

Еремка.

Ужь за то берусь.

Петръ.

Слушай! Если ты меня не обманываешь, я тебя озолочу.

Еремка.

Зачѣмъ обманывать! Мы скоморохи, люди вѣжливые — обмануть не обманемъ, а своего не упустимъ, мимо рта не пронесемъ.

Петръ.

Бери ты съ меня послѣднюю рубашку, только дѣло сдѣлай. Вотъ мнѣ до которыхъ поръ приходитъ. Видишь? (Показываетъ на шею.)

Еремка.

Зачѣмъ рубашку! Сдѣлаемъ дѣло — деньги возьмемъ; а не сдѣлаемъ — ненадо. Вотъ сперва-наперво, значитъ, выпить надоть, другой разговоръ пойдетъ. Ты-то, купецъ, нонче, можетъ быть, пообѣдалъ всласть, да и выпилъ что̀ слѣдуетъ, такъ тебѣ можно разговаривать; а у меня натощакъ въ горлѣ пересохло, да и языкъ-то, признаться тебѣ сказать, не шевелится.

Петръ (даетъ деньги).

На́, выпей поди.

Еремка.

Ты только деньги-то дай, а еще выпить-то успѣю, наше отъ насъ не уйдетъ. (Беретъ.) Вотъ спасибо! Теперь говорить будемъ. Я вижу, ты, купецъ, человѣкъ хорошій, съ тобой знакомство водить можно. (Садится подлѣ него.)

Петръ.

Ну, говори, не томи.

Еремка.

Погоди. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Есть у тебя тоска-кручина, напущена эта кручина на тебя по вѣтру: тутъ безъ ворожбы дѣло не обойдется. Есть у меня такой человѣкъ, изъ простыхъ, да ловкій, половчѣй меня будетъ.

Петръ.

Страшно!

Еремка

Страшно, такъ не ходи.

Петръ.

И можетъ онъ приворожить дѣвку, чтобъ любила, чтобъ не она надо мной, а я надъ ней куражился, какъ душѣ угодно?

Еремка.

Можетъ; его приворотъ на тысячу верстъ дѣйствуетъ. Такъ приворожитъ, что она изъ дому убѣжитъ, да къ тебѣ придетъ. Только къ нему съ пустыми руками не ходи, а надо штофъ вина да денегъ рубль. Да не со всякимъ онъ еще и разговаривать-то станетъ, а съ кѣмъ я прикажу.

Петръ.

Ну, такъ поѣдемъ.

Еремка.

Ты не больно торопись, не во всякій часъ это дѣлается, надобно знать время. Теперь еще не тотъ часъ, а мы прежде пойдемъ погуляемъ. У тебя есть деньги?

Петръ.

Эхъ, голова, ты въ жизнь такой гульбы не видывалъ, что отъ меня увидишь!

Еремка.

А я тебѣ такія мѣста покажу, только ухъ! Дымъ коромысломъ. Только деньги припасай.

Петръ.

Деньги съ нами.

Еремка.

Ну и ладно. Пойдемъ. Вотъ и я съ праздникомъ. (Поетъ).

„Ужь и я ли твому горю помогу.
Помогу — могу — могу — могу — могу."

(Уходятъ.)

Сцена II.

Комната перваго дѣйствія.

Явленіе первое.

Входятъ **Даша** и **Афимья** со свѣчкою въ рукахъ.

Даша.

Тетенька, словно кто-то стучитъ, не онъ ли? Посмотри-ка.

Афимья.

Какъ же, онъ, дожидайся! Ужь теперь закатился, такъ всю ночь прогуляетъ. (Заглядывая въ двери.) Я говорю,

что никого нѣтъ. Пойдетъ онъ домой, коли ему въ людяхъ весело. Не такое чадочко, чтобъ ему дома сидѣть. (Ставитъ свѣчу на столъ.)

Даша (садясь къ столу).

Пьетъ онъ мою кровь! Легко ли дѣло, ночь на дворѣ, а онъ шатается.

Афимья.

А ты что̀ сидишь-то? Поди спать, я его одна подожду. А то еще, на грѣхъ, придетъ хмѣльной, брань заведете, что̀ хорошаго!

Даша.

Нѣтъ, ужь я подожду, у меня что̀-то сердце не на мѣстѣ: не случилось бы съ нимъ чего-нибудь!

Афимья

Извѣстно, гульба до добра не доведетъ . . . Ужь не сносить ему своей головы.

Даша.

Ахъ, тетушка, не говори, и такъ страшно. (Молчаніе). Поужинать-то приготовить, неравно спроситъ.

Афимья.

У меня ужь готово, только подать. Еще съ какимъ народомъ-то водится, кто его знаетъ. Вѣдь, народъ всякой есть: навяжется какой оборотень, тому научитъ, что и подумать-то грѣхъ, не къ ночи будь сказано. (Зѣваетъ). Ишь ты, какъ спать хочется, ровно какъ передъ бѣдой; говорятъ, передъ бѣдой-то сонъ одолѣваетъ . . . Или такъ ужь, старость-то, что̀ ли? Ты бы почитала поученьице какое на сонъ-то грядущій, я-бы послушала.

Даша (беретъ книгу).

Что̀ бы почитать-то? (Прислушиваеся.) Тетушка, стучатъ.

Афимья.

И то стучатъ. (Беретъ свѣчу и идетъ къ двери).

Даша (у двери.)

Что̀, онъ?

Афимья.

Охъ, нехорошъ! Поди-ка лучше спрячься отъ грѣха, нехорошъ пришелъ, и на меня-то ровно медвѣдь зарычалъ. (Даша уходитъ; Петръ входитъ.)

Явленіе второе.

Афимья и Петръ.

Петръ (садясь).

Ужинать!

Афимья.

Сейчасъ, батюшка, сейчасъ. (Ставитъ на столъ ужинъ.)

Петръ.

Зажигай огня!

Афимья.

Да гдѣ-жь теперь? Ужь спятъ всѣ.

Петръ.

Дѣлай, что̀ я приказываю! Разобью все въ прахъ!.. Щепки цѣлой не оставлю!

Афимья.

Ну ужь, не сердись, погоди, принесу.

Петръ (пьетъ).

Смѣяться надо мной! Нѣтъ, шалишь!.. Не позволю! Будетъ съ меня, посмѣялись, выгнали, а я здѣсь дома ... Нѣтъ погоди! Я имъ не дуракъ достался!.. Весь домъ на ноги подниму! Ты мнѣ тетка,

а ты меня не трожь, а то ... ухъ!.. Не дыши передо мной, не огорчай меня! (Пьетъ.) Говори правду: ходила жена со двора? (Молчаніе.) Говори! Я тебя спрашиваю — говори!

Афимья.

Да вотъ что, Петръ Ильичъ, по правдѣ тебѣ сказать, не то, что она со двора ходила, а вовсе было къ своимъ собралась да уѣхала.

Петръ.

Ну, и пропадай она пропадомъ! Провались она!.. И на духъ мнѣ ея нужно...

Афимья.

Да со стариками на дорогѣ встрѣтилась и воротилась.

Петръ

И не кажись она мнѣ на глаза! Убью! Своими руками задушу! Она мнѣ врагъ, а не жена! Мнѣ нынче человѣкъ сказывалъ про нее, все сказывалъ, онъ все знаетъ, онъ колдунъ...

Афимья.

Что ты?.. Богъ съ тобой! Съ кѣмъ ты водишься!.. Что съ тобой?

Петръ.

Молчать! Онъ говоритъ, не жена она тебѣ, а змѣя лютая! Вотъ и кореньевъ мнѣ далъ ... Горючь камень алатырь ... Привороты всѣ знаетъ, пущаетъ по вѣтру ... Тетенька!..

Афимья.

Что ты? Голубчикъ!

Петръ.

Страшно мнѣ! Страшно!.. Поди, сядь со мной.

(Плачетъ). Обижаютъ меня! Никто меня не любитъ, извести меня хотятъ! . . Всѣ на меня, и жена, и всѣ.

Афимья.

Самъ всему причиной, не на кого пенять.

Петръ.

Я пьяница, я безпутный, ну, убейте меня! . . Ну, убейте, мнѣ легче будетъ. Кто меня пожалѣетъ, а вѣдь, я человѣкъ тоже! (Плачетъ.)

Афимья.

Ну, полно, полно.

Петръ.

Не то мнѣ обидно, что меня, молодца, Груша не любитъ, а то мнѣ обидно — не доставайся она никому!

Афимья.

Про какую тамъ Грушу ты говоришь, безпутный?.. Какая тамъ еще Груша?

Петръ.

Какая Груша? Вотъ какая Груша: нѣтъ такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ! Я душу свою погубилъ за нее! Ну, какъ мнѣ съ ней разстаться? Насъ разлучить хотятъ . . . вотъ онъ!

Афимья.

Кто онъ? Никого тутъ нѣтъ.

Петръ.

Васька!

Афимья.

Поди усни. Ишь, тебѣ ужь мерещится.

Петръ.

Я его убью! . . А жена . . . она не смѣй противъ

мужа! Гдѣ жена? Подай сюда жену! она моя жена, она моя раба!

Афимья.

Ея нѣтъ; она ушла съ своими, съ отцомъ да съ матерью.

Петръ

(встаетъ и беретъ въ руки ножъ).

Куда она ушла? Я ее найду! Изъ земли вытащу, со дна моря достану!

Афимья.

Куда ты пойдешь ночью? Что̀ за срамъ! Ступай спать.

Петръ.

Не говори ты мнѣ! Жену подай! Жену подай, говорю я тебѣ!

Афимья.

Ну, да нѣтъ ея, такъ и нѣгдѣ взять!

Петръ.

Я ее найду, я ее найду.

Афимья.

Что ты ножемъ-то махаешь, ну тебя! Съ тобой страсть одна, да и только.

Петръ.

Я ее по слѣду найду! . . Я ее по слѣду найду! Теперь зима, снѣгъ, по слѣду все видно, мѣсяцъ свѣтитъ, все равно, что днемъ. (Садится.) Страшно мнѣ, страшно! Вонъ мятель поднялась . . . Ухъ! такъ и гудетъ! Вонъ завыли . . . вонъ, вонъ собаки завыли. Это онѣ на мою голову воютъ, моей погибели ждутъ . . . Ну, что̀-жъ, войте! Я проклятый человѣкъ! . . Я окаянный человѣкъ. (Встаетъ.)

Афимья.

Ишь ты, ишь ты! Ахъ, батюшки, какъ страшно!

Петръ.

Нѣтъ, не то, тетушка, все не то! Все я не то говорю. Вотъ что: кабы я не былъ женатъ, развѣ-бъ меня Груша не любила? Я бы женился на ней. Стало быть, жена мнѣ помѣха, и во всемъ мнѣ она поперекъ ... Вотъ за это я ее и убью ... за это за самое...

Афимья.

Что мнѣ дѣлать-то съ нимъ, ума не приложу. (Въ комнатѣ вдругъ появляется Еремка, котораго видитъ только одинъ Петръ.)

Петръ.

А, благопріятель! Что-жь ты смотришь-то на меня? Что-жь ты такъ смотришь? Вѣдь, самъ научилъ, какъ жену извести!

Афимья.

Съ кѣмъ онъ это говоритъ-то — никого нѣту. Наше мѣсто свято! Чуръ меня! Чуръ меня! Пойти разбудить всѣхъ! (Уходитъ.)

Петръ (Еремкѣ).

Что ты говоришь, а? Ну, да! И я тоже говорю, чудакъ человѣкъ! Вмѣстѣ пойдемъ! Поскорѣй! (Останавливается). Ха, ха, ха! Смѣшной ты человѣкъ! Вотъ онъ ножикъ-то! (Уходитъ).

Явленіе третье.

Агафонъ, Степанида, Даша и Афимья (входятъ.)

Афимья (взглянувъ въ дверь).

Ушелъ, ушелъ, и двери всѣ настежъ растворилъ. Послать людей за нимъ. (Уходитъ).

Даша.

Вотъ, матушка, сама ты погляди, какъ сладко мнѣ жить-то!

Степанида.

Ахъ ты, дитятко мое родимое, головка побѣдная!

Агафонъ.

Погоди, дочка, не ропщи. Живешь за мужемъ-то безъ году недѣля, а ужь на жизнь жалуешься.

Даша.

Да чего мнѣ ждать и впередъ-то, коли отецъ отъ него отступился совсѣмъ.

Агафонъ.

Отецъ отступился, да, можетъ, Богъ не отступился. Потерпи.

Даша.

Рада-бы я терпѣть, да мука-то моя нестерпимая. Я его не виню, Богъ съ нимъ, а жить съ нимъ не хочу.

Агафонъ.

Все это не дѣло, все это не дѣло! Охъ, охъ, охъ! Нехорошо! Ты сама права, что̀-ль? Дѣло сдѣлала, что насъ со старухой бросила? Говори, дѣло сдѣлала? Такъ это и надо? Такъ это по закону и слѣдуетъ? Врагъ васъ обуялъ! Вы точно какъ не люди! Вотъ ты и терпи, и терпи! Да наказанье-то съ кротостью принимай да съ благодарностію. А то что̀ это? что̀ это? Бѣжать хочетъ! Какой это порядокъ? Гдѣ это ты видала, чтобъ мужья съ женами порознь жили? Ну, ты его оставишь, бросишь его, а онъ въ отчаяніе придетъ — кто тогда виноватъ будетъ, кто? Ну, а захвораетъ онъ, кто за нимъ уходитъ? Это, вѣдь, первый твой долгъ. А застиг-

нетъ его смертный часъ, захочетъ онъ съ тобой проститься, а ты по гордости ушла отъ него. . .

Даша (бросаясь на шею).

Батюшка!

Агафонъ.

Ты подумай, дочка милая, помекай хорошенько. (Плача). Глупы, вѣдь, мы люди, охъ, какъ глупы! . . Горды мы! (Вася и Афимья входятъ.)

Явленіе четвертое.

Тѣ же, **Вася и Афимья.**

Вася.

Боже мой! Что̀ это такое? Что̀ у васъ случилось?

Афимья.

А что̀?

Вася.

Да Петръ Ильичъ попался мнѣ на Москвѣ рѣкѣ, такой страшный, безъ шапки, бѣгаетъ съ ножемъ; вѣдь, того и гляди, въ прорубь попадетъ.

Даша.

Что̀ же это? батюшки мои!

Вася.

Вы бы хоть людей послали за нимъ.

Афимья.

По всѣмъ концамъ разосланы, посылать больше нѣкого.

Агафонъ.

Пойдемте сами, други мои, пойдемте!

Даша.

Пойдемте! (Петръ входитъ.)

Явленіе пятое.

Тѣ же и **Петръ.**

Петръ (озирается)

Кто тутъ? Что̀ вы за люди? Жена! . . Живые вы люди, или нѣтъ? Скажите мнѣ, ради Бога.

Даша.

Что̀ съ тобой?

Петръ.

Не стою я, окаянный, того, чтобы глядѣть-то на васъ! Да и не глядѣлъ бы, кабы не чужія молитвы. Простите меня, добрые люди, ради Господа! (Становится на колѣни).

Агафонъ (подымая его).

Что̀ ты, что̀ ты? Петръ Ильичъ! Встань, встань!

Петръ.

Я, вѣдь, грѣшникъ, злой грѣшникъ! . . Ужь я покаюсь передъ вами, легче мнѣ будетъ на душѣ моей. Вотъ до чего гульба-то доводитъ; я, вѣдь, хотѣлъ жену убить . . . безвинно убить хотѣлъ. Взялъ я тутъ, пьяный-то, ножикъ, да и иду будто за ней. Мерещатся мнѣ разныя диковины да люди какіе-то незнакомые, я за ними . . . я за ними . . . Спрашиваю: гдѣ жена? Они смѣются да куда-то показываютъ. Я все шелъ, шелъ . . . вдругъ гдѣ-то въ колоколъ . . . Я только-что поднялъ руку, гляжу — я на самомъ-то юру Москвы рѣки стою надъ прорубемъ. Вспомнить-то страшно! И теперь морозъ по кожѣ подираетъ! Жизнь-то моя, прошлая, распутная-то, вся вотъ, какъ на ладо̀нкѣ, передо мной! Натерпѣлся я страху, да и подѣломъ! Вспомнилъ я тутъ и батюшкины слова, что хожу я, злодѣй, надъ пропастью. Вотъ они, правдивыя-то слова. Такъ

оно и вышло! Ужь не забыть мнѣ этой ночи, кажется, до самаго гроба! Батюшка, матушка, поживите у насъ!.. Помогите мнѣ, добрые люди, замолить этотъ грѣхъ!.. Да и къ батюшкѣ-то сходите, скажите ему ... самъ-то я не смѣю идти.

Всѣ.

Помоги тебѣ Богъ!

Агафонъ.

Что, дочка, говорилъ я тебѣ!

Даша (бросаясь къ Петру).

Голубчикъ, Петръ Ильичъ!

Въ чужомъ пиру похмѣлье.

Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ.

Лица:

Иванъ Ксенофонтычъ Ивановъ, отставной учитель, 60 лѣтъ.

Лизавета Ивановна, его дочь, 20 лѣтъ.

Аграфена Платоновна, вдова, губернская секретарша, хозяйка квартиры, занимаемой Ивановымъ.

Титъ Титычъ Брусковъ, богатый купецъ.

Настасья Панкратьевна, жена его.

Андрей Титычъ
Капитонъ Титычъ } сыновья ихъ.

Ненила Сидоровна, знакомая Брусковой.

Захаръ Захарычъ, стряпчій.

Луша, горничная дѣвушка.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.

Дѣйствіе первое.

Сцена представляетъ бѣдную комнату въ квартирѣ Ивановыхъ. Налѣво на первомъ планѣ окно, дальше дверь въ комнату хозяйки, прямо дверь выходная, направо дверь въ комнату Лизаветы Ивановны.

Явленіе первое.

Иванъ Ксенофонтычъ (входитъ, размахивая руками, за нимъ) **Аграфена Платоновна.**

Иванъ Ксенофонтычъ.

Невѣжество! Невѣжество! И слышать не хочу невѣжество! (Садится за столъ и раскрываетъ книгу.)

Аграфена Платоновна.

У васъ все невѣжество. А сами-то что? Только слава, что ученый человѣкъ! А что въ немъ проку, въ ученьи-то въ вашемъ? Только одно мнѣніе, что я ученый человѣкъ, а хуже насъ неученыхъ. Живете, какъ бобыль — ни кола, ни двора.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Невѣжество! Невѣжество!

Аграфена Платоновна.

Наладилъ одно! Невѣжество да невѣжество! Я къ вашей пользѣ говорю. Мнѣ что! Я женщина посторонняя.

Иванъ Ксенофонтычъ.

А коли вы, сударыня, посторонняя женщина, такъ

и не мѣшайтесь въ чужія дѣла. Оставьте меня; видите, я дѣломъ занимаюсь.

Аграфена Платоновна (помолчавъ).

Мнѣ какъ хотите. Я, жалѣючи васъ, говорю. Куда вы дѣнетесь съ дочерью-то? Дѣвушкѣ двадцать лѣтъ; нынче безъ приданаго-то никто не возьметъ; а у васъ ни кругомъ, ни около, все нѣтъ ничего, бѣдность непокрытая.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Какъ ничего? У меня есть пенсія, есть уроки.

Аграфена Платоновна.

Что ваша пенсія! Что ваши уроки! Развѣ это приданое? Пока живы, ну, конечно, на пропитаніе хватитъ; а вы то разсудите: вы пожилой человѣкъ, ну, сохрани Богъ, помрете: куда будетъ Лизаветѣ Ивановнѣ голову приклонить?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Она куда пойдетъ? Она будетъ дѣтей учить. Будетъ заниматься, сударыня, тѣмъ благороднымъ дѣломъ, которымъ отецъ занимался всю свою жизнь.

Аграфена Платоновна.

Ужъ куда какая невидаль! Хорошее житье, по чужимъ людямъ шляться изъ-за куска хлѣба! Чужой-то хлѣбъ горекъ! А вы послушайте-ка меня, глупую, давайте-ка я примусь сватать вамъ жениха; благо, здѣсь сторона купеческая.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Какое же это благо? Въ чемъ тутъ благо? Кромѣ невѣжества, я ничего не вижу.

Аграфена Платоновна.

А я вижу. Вотъ, напримѣръ, Андрей Титычъ,

что̀ къ намъ ходитъ, чѣмъ не женихъ? И молодъ, и богатъ, и изъ себя красавецъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

И дуракъ набитый, читать по-русски не умѣетъ. Это вашъ женихъ, а не Лизинъ. Васъ будетъ пара.

Аграфена Платоновна.

Ужь какой онъ мнѣ женихъ! Очень нужно ему старуху-то брать! Онъ съ своими деньгами-то получше вашей Лизы найдетъ. Ему ужь давно отъ невѣстъ проходу нѣтъ, отъ богатыхъ; да не хочетъ, потому влюбленъ до чрезвычайности въ Лизавету Ивановну. Вотъ что̀.

Иванъ Ксенофонтычъ (вскочивъ).

Что̀? Да какъ же онъ смѣлъ, скажите вы мнѣ? Кто ему позволилъ? Это житья нѣтъ! Лиза моя . . . вѣдь, это сокровище, это совершенство! А онъ, безграмотный, смѣлъ влюбиться! Мужикъ! Невѣжа!

Аграфена Платоновна.

Ахъ, батюшка, да развѣ кому закажешь! Вѣдь, она не королевна какая! А почемъ знать, дѣло женское мудреное, можетъ, она и сама его любитъ. Чужая душа-то темна. Дѣвушки объ этомъ не сказываютъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Вздоръ, вздоръ! Этого быть не можетъ. Я и слушать не хочу. (Переходитъ къ другому столу.) Не мѣшайте мнѣ заниматься, Аграфена Платоновна; вы видите, у меня дѣло есть.

Аграфена Платоновна

(переходитъ за нимъ).

А можетъ, и вздоръ; я такъ говорю, по своему понятію. А жаль малаго-то, ужь очень сокрушается.

Дома-то радости нѣтъ, отецъ-то у него такой дикій, властный чѣловѣкъ, крутой сердцемъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Что такое: крутой сердцемъ?

Аграфена Платоновна.

Самодуръ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Самодуръ! Это чортъ знаетъ, что такое! Это слово неупотребительное, я его не знаю. Это lingua barbara, варварскій языкъ.

Аграфена Платоновна.

Ужь и вы, Иванъ Ксенофонтычъ, какъ погляжу я на васъ, заучились до того, что русскаго языка не понимаете. Самодуръ — это называется, коли вотъ человѣкъ никого не слушаетъ, ты ему хоть колъ на головѣ теши, а онъ все свое. Топнетъ ногой, скажетъ: кто я? Тутъ ужь всѣ домашніе ему въ ноги должны, такъ и лежать, а то бѣда...

Иванъ Ксенофонтычъ.

O tempora, o mores!

Аграфена Платоновна.

Такъ вотъ Андрюша-то и боится, что отецъ ему жениться не позволитъ ... Ну да это ничего, я баба огневая, я обломаю дѣло, только было бы ваше согласіе. Я за двумя мужьями была, Иванъ Ксенофонтычъ, всѣми дѣлами правила. Я теперь хоть въ судѣ, какое хочешь, дѣло обдѣлаю. Стряпчаго не нанимай. По всѣмъ кляузнымъ дѣламъ ходокъ. Во всѣхъ судахъ надоѣла. Прямо до енарала хожу...

Иванъ Ксенофонтычъ.

Объ чемъ вы говорите, и не понимаю.

Аграфена Платоновна.

Все объ томъ же объ Брусковѣ, объ купцѣ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Послушайте: Плутархъ въ одной книгѣ...

Аграфена Платоновна.

А насчетъ плутовства — это точно, онъ старикъ хитрый.

Иванъ Ксенофонтычъ

(обращая глаза къ потолку).

О, невѣжество!

Аграфена Платоновна.

И это есть. Хоть онъ и плутоватъ, а человѣкъ темный. Онъ только въ своемъ домѣ свирѣпъ, а то съ нимъ что̀ хочешь дѣлай, дуракъ дуракомъ; на пустомъ спугнуть можно. Теперь, какъ хотите, Иванъ Ксенофонтычъ, такъ и сдѣлаемъ. Честно, такъ честно, а то и на штуку поймаемъ. Такъ запутаемъ, что, хоть плачь, а жени сына на Лизаветѣ Ивановнѣ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Что̀ я слышу! Громы небесные! И вы не поразите эту женщину!

Аграфена Платоновна.

За что̀-жь вы бранитесь? Я васъ люблю, вамъ добра желаю (утираетъ слезы), а вы меня всяческими словами ругаете.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Какъ хотите, Аграфена Платоновна, любите или не любите, только оставьте насъ съ дочерью въ покоѣ.

Аграфена Платоновна

(покачавъ головой).

Эхъ, Иванъ Ксенофонтычъ, Иванъ Ксенофонтычъ! Жаль мнѣ тебя! Человѣкъ-то ты добрый, да больно

ты простъ. Бѣденъ ты ужь больно. Вотъ и одежонка-то . . .

Иванъ Ксенофонтычъ.

Я бѣденъ, да честенъ, бѣднымъ и останусь. Не хочу я знаться съ твоими съ богатыми.

Аграфена Платоновна.

А нынче такъ жить-то нельзя. (Отходитъ отъ стола). Какъ хочешь ты, Иванъ Ксенофонтычъ, обижай меня, а я, все-таки, всякое добро для васъ готова сдѣлать, да и завсегда буду дѣлать, за вашу кротость и сиротство. Мнѣ за это Богъ пошлетъ. (Уходитъ въ свою комнату. Въ среднюю дверь входитъ Лизавета Ивановна, скидаетъ шляпку и кладетъ на столъ. Иванъ Ксенофонтычъ, не замѣчая ея, читаетъ съ жаромъ и размахиваетъ руками.)

Явленіе второе.

Иванъ Ксенофонтычъ и Лизавета Ивановна.

Лизавета Ивановна.

Здравствуй, папа!

Иванъ Ксенофонтычъ.

А, здравствуй! Подай мнѣ шляпу.

Лизавета Ивановна.

Куда ты, папа? Отдохни немного! Ты и такъ много трудишься.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Нельзя, Лиза, нельзя! Отдыхать нѣкогда. Молодымъ людямъ учиться надобно, и такъ, Лиза, у насъ мало учатся, мало. Достань-ка мнѣ Горація, да подсыпь табачку, весь вышелъ. (Лиза достаетъ ему книгу и насыпаетъ табаку.) Ну, прощай! Чай пить не дожидайтесь, можетъ быть, затолкуюсь съ ребятами.

Лизавета Ивановна.

Бѣдный папаша!

Иванъ Ксенофонтычъ

(надѣваетъ шляпу, идетъ къ дверямъ и возвращается).

Лиза, ты меня извини, я тебѣ задамъ вопросъ . . .

Лизавета Ивановна.

Что̀ такое, папа?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Давеча вотъ эта глупая женщина (показывая на комнату хозяйки) говорила, только не утвердительно, а такъ одно предположеніе, что, можетъ быть, ты . . . Только ты, Лиза, не сердись!

Лизавета Ивановна.

Что̀ же она говорила?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Она говорила, что, можетъ быть, ты влюблена въ этого молодого купца, который ходитъ къ намъ за книгами. Ну, разумѣется, я не повѣрилъ.

Лизавета Ивановна.

Охота тебѣ, папа, слушать ее!

Иванъ Ксенофонтычъ.

Я ее и не слушаю, она вздорная болтунья, необразованная женщина. Только вотъ что̀, Лиза: ты теперь въ такомъ возрастѣ . . . Молодая дѣвушка, тебѣ скучно со мной, со старикомъ . . . ты, сдѣлай милость, прыгай . . . веселись . . . влюбись въ кого-нибудь, я тебя прошу объ этомъ. Только ты не скрывай отъ меня, скажи мнѣ — я самъ съ тобой помолодѣю; я все за книгами, Лиза, у меня душа зачерствѣла.

Лизавета Ивановна.

Ахъ, папаша! Еслибъ я полюбила кого, я-бъ тебѣ

сказала . . . А то нѣтъ еще . . . Этотъ молодой человѣкъ . . . такъ-себѣ; только ужь очень необразованъ, ни стать, ни сѣсть не умѣетъ. И ты, папаша, могъ подумать?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Ну, ну, ну, виноватъ! (Цалуетъ ее.) Въ послѣдній разъ, больше не буду. (Смотритъ на часы.) Пора, пора . . . (Бѣжитъ бѣгомъ изъ комнаты, Лизавета Ивановна смотритъ вслѣдъ ему.)

Явленіе третье.

Лизавета Ивановна (одна).

(Подходитъ къ столу, садится и беретъ работу. Молчаніе.) Нѣтъ, ужь мы очень много трудимся! Что ни говори, какъ себя ни утѣшай, а тяжело, право, тяжело! Ужь я не говорю о деньгахъ, не говорю о томъ, что за наши труды намъ платятъ мало; хоть бы уваженіе-то намъ за нашъ честный трудъ оказывали; такъ и этого нѣтъ. На что ужь наша хозяйка, и та смотритъ на насъ съ какимъ-то сожалѣніемъ! А всего мнѣ обиднѣе, что смѣются надъ папашей. Онъ, точно, немного страненъ, да, вѣдь, онъ всю жизнь провелъ за книгами, его можно извинить. И что въ этомъ смѣшного, что человѣкъ ходитъ въ старой шинели, въ старой шляпѣ? А у насъ такая сторона, чуть не въ глаза хохочутъ. Конечно, это невѣжество, съ образованіемъ это пройдетъ; а все-таки, тяжело. Вотъ вчера, какъ я шла изъ церкви, какіе-то молодые купцы вслухъ смѣялись надъ моимъ салопомъ. Гдѣ же я лучше возьму? Ты же приносишь людямъ пользу почти безкорыстно, тебя же презираютъ. (Подноситъ платокъ къ глазамъ. Андрей Титычъ входитъ.)

Явленіе четвертое.

Лизавета Ивановна и Андрей Титычъ.

Андрей Титычъ.

Съ нашимъ почтеніемъ-съ, Лизавета Ивановна!

Лизавета Ивановна.

Здравствуйте, Андрей Титычъ! Садитесь.

Андрей Титычъ (утираясь).

Покорнѣйше благодаримъ-съ. Летѣлъ къ вамъ скоропалительно, инда взопрѣлъ-съ. Тятеньки нѣтъ-съ?

Лизавета Ивановна.

Нѣтъ; ушелъ на урокъ.

Андрей Титычъ.

По-латыни два алтына, а по-русски шесть копѣекъ-съ.

Лизавета Ивановна.

Что вы такое говорите?

Андрей Титычъ.

У насъ въ ряду одинъ учитель ходитъ, горькой, такъ надъ нимъ смѣются, дразнятъ, значитъ. Ты, говорятъ, окромя свинячьяго, на семь языковъ знаешь.

Лизавета Ивановна.

Какъ же вамъ не стыдно смѣяться надъ людьми почтенными? Какъ это дурно!

Андрей Титычъ.

Что-жь такое! Шутка не вредитъ-съ, хорошій человѣкъ на свой счетъ не приметъ.

Лизавета Ивановна.

Бросьте эту привычку, не хорошо. Зачѣмъ обижать!

Андрей Титычъ.

Нельзя нашему брату не смѣяться-съ; потому эти стрюцкіе такія дѣла-съ съ нами дѣлаютъ, что смѣху подобно.

Лизавета Ивановна.

Что̀ у васъ за слова такія! Какіе-то стрюцкіе!

Андрей Титычъ.

Ужь это слово имъ не даромъ дано-съ. Другой весь-то грошъ стоитъ, а такого изъ себя барина доказываетъ, и не подступайся — засудитъ; а далъ ему цѣлковый, или тамъ больше, глядя по дѣлу, да подпоилъ, такъ онъ хоть спирю плясать пойдетъ. (Помолчавъ). Я теперь отъ тятеньки скрываюсь-съ.

Лизавета Ивановна.

Какъ скрываетесь? Зачѣмъ же?

Андрей Титычъ.

Женить хотятъ . . . насильственнымъ образомъ.

Лизавета Ивановна.

Что̀-жь, развѣ вамъ невѣста не нравится?

Андрей Титычъ.

Такую нашли, съ ума сойдешь! Тысячъ триста серебра денегъ, рожа, какъ тарелка — на огородъ поставить воронъ пугать. Я у нихъ былъ какъ-то разъ съ тятенькой, еще не знамши ничего этого; вышла дѣвка пудовъ въ пятнадцать вѣсу, вся въ веснушкахъ; я сейчасъ съ политичнымъ разговоромъ къ ней: „чѣмъ, говорю, вы занимаетесь?“ Я, говоритъ, люблю жестокіе романсы пѣть. Да какъ запѣла, глаза это раскосила, такъ-то убѣдила народъ, хоть взвой, на нее глядя. Унеси ты мое горе на гороховое поле!

Лизавета Ивановна.

Да развѣ вы своей воли не имѣете? Не нравится вамъ дѣвушка, ну, и не женитесь, такъ и скажите отцу.

Андрей Титычъ.

Какая тутъ воля! Ахъ, Лизавета Ивановна! Нѣшто у насъ такъ, какъ у людей! (Махнувъ рукой). Крылья у меня ошибены, то-есть, обрублены, какъ есть. Уродомъ сдѣлали, а не человѣкомъ. Словно угорѣлый хожу по землѣ. У насъ такъ не водится, чтобъ сынъ смѣлъ выбрать себѣ невѣсту по душѣ, значитъ, какъ слѣдуетъ; а привезутъ тебя, покажутъ, ну и женись. А коли скажешь, что, молъ, тятенька, эта невѣста не нравится: а, говоритъ, въ солдаты отдамъ! Ну и шабашъ! Ужъ не то, что въ этакомъ дѣлѣ, и въ другомъ-то въ чемъ воли не даютъ. Я вотъ помоложе былъ, учиться захотѣлъ, такъ и то не велѣли.

Лизавета Ивановна.

Неужели это правда? Право, мнѣ не вѣрится. Что-нибудь да не такъ.

Андрей Титычъ.

Ужь это такъ точно-съ, будьте покойны. Диви бы, нѣгдѣ было учиться, али бы денегъ не было; а то денегъ уголъ непочатый лежитъ, дѣвать куда, не сообразимъ; Коммерческая Академія существуетъ на Покровскомъ бульварѣ. На что-жь она построена? Смотрѣть на нее? Кабы у насъ, значитъ, вообще по купечеству такое заведеніе было, чтобы дѣтей не учить, такъ бы и не обидно. А то этого нѣтъ. Передъ другимъ-то передъ своимъ братомъ и совѣстно. Вотъ у тятеньки пріятель былъ, тоже русскій купецъ, съ бородой ходилъ, а сына-то въ Англію посылалъ. Теперь свое дѣло, по машинной части, лучше ихъ знаетъ. Стало быть, ихъ выписывать ненадо и де-

негъ имъ не платить. Что̀ ихъ баловать-то! Я, можетъ, не глупѣй его, а теперь смотри да казнись. Кажется, еслибы меня учить, я бы до всего на свѣтѣ дошелъ: потому страсть имѣю. Вотъ тятенька меня поѣдомъ ѣсть, а за что̀? Самъ не знаетъ. По фабрикѣ кто первый? Все я. Я впередъ знаю, что требуется. (Молчаніе.) Лизавета Ивановна, вы, вѣдь, не повѣрите, что я вамъ скажу: я къ скрипкѣ оченно пристрастіе имѣю.

Лизавета Ивановна.

Ну, такъ что̀-жъ?

Андрей Титычъ.

Вотъ теперь пятый годъ учусь . . . знаете, гдѣ? На чердакѣ, въ чуланѣ. Бѣда, какъ узнаетъ . . . „Да что̀ это! Да къ чему это! Да съ твоимъ ли рыломъ, скажетъ, такія нѣжности разводить!“ Въ театръ никогда не допросишься. А и допросишься, да опоздаешь немножко, такъ бѣда. У насъ все равно, что загулялъ, что въ театрѣ просидѣлъ, это на одномъ счету. Ту причину пригоняютъ, что у насъ одинъ братъ помѣшанный отъ театру; а онъ совсѣмъ не отъ театру, та̀къ, съ малолѣтства заколотили очень.

Лизавета Ивановна.

Знаете ли, Андрей Титычъ, я васъ научу. Когда вы замѣтите, что вашъ отецъ въ хорошемъ расположеніи духа, вы ему откровенно и выскажите все: что вы чувствуете, что у васъ есть способности, что вы учиться хотите.

Андрей Титычъ.

Онъ такую откровенность задастъ, что мѣста не найдешь. Вы думаете, онъ не знаетъ, что ученый лучше неученаго, только хочетъ на своемъ поставить. Одинъ капризъ, одна только амбиція, что вотъ я неученъ, а ты умнѣе меня хочешь быть.

Лизавета Ивановна.

Мнѣ, право, васъ жалко, Андрей Титычъ! Ходите къ намъ почаще. Вы моего отца знаете, онъ образованный человѣкъ, онъ вамъ можетъ много пользы принести, да и я, съ своей стороны, постараюсь, что̀ могу.

Андрей Титычъ.

Эхъ, Лизавета Ивановна, жаль только, что мнѣ развязки никакой не дано.

Лизавета Ивановна.

Какой развязки?

Андрей Титычъ.

Не умѣю я по-французски говорить, и походки настоящей не имѣю. Вонъ теперь въ магазинахъ приказчики разговариваютъ по-французски, ногами шаркаютъ, барышни имъ глазки дѣлаютъ.

Лизавета Ивановна.

Полноте вздоръ говорить!

Андрей Титычъ.

Да какъ-же-съ! Ужь коли знаешь французскій языкъ да есть походка, такъ тутъ можно смѣло... значитъ, что̀ только завидѣлъ, орелъ ли въ небѣ, щука ли въ морѣ — все наше.

Лизавета Ивановна.

Вы мнѣ, пожалуйста, глупостей не говорите, я васъ прошу.

Андрей Титычъ.

Вѣдь, женщины, онѣ души въ человѣкѣ понять не могутъ-съ: только ловкость нужна, ну и насчетъ одежи, чтобы первый сортъ-съ.

Лизавета Ивановна.

Я вамъ откровенно скажу, Андрей Титычъ, съ вами очень мудрено разговаривать. Вы не поду-

мавши говорите такія вещи, которыя могутъ показаться обидными. Неужели вы думаете, что мы принимаемъ и ласкаемъ васъ за ваше платье?

Андрей Титычъ.

Да что со мной, дуракомъ, толковать-съ; я просто пропащій человѣкъ, отъ своего собственнаго необразованія. Болтаю, что въ голову придетъ, всякія наши рядскія глупости. Вы думаете, что я не чувствую вашей ласки, да только я выразить не умѣю. Мнѣ какъ-то разъ показалось, Лизавета Ивановна, что вы на меня повеселѣй взглянули, такъ я загулялъ на три дня, такихъ вертуновъ надѣлалъ, бѣда! Одному извощику что денегъ заплатилъ.

Лизавета Ивановна.

Ну, зачѣмъ же это? Развѣ вы не знаете, что это дурно?

Андрей Титычъ.

А что-жь мнѣ дѣлать-то? Куда мнѣ дѣваться-то? Я какъ сумасшедшій сдѣлался. Я въ жизнь ни отъ кого хорошаго слова не слыхивалъ. (Подходитъ къ Лизаветѣ Ивановнѣ.) Лизавета Ивановна!

Лизавета Ивановна.

Что вамъ угодно?

Андрей Титычъ.

Дайте мнѣ ручку поцаловать.

Лизавета Ивановна.

Что вы за вздоръ говорите! Ну, для чего это?

Андрей Титычъ.

Да что-жь за важность! Можетъ, въ послѣдній разъ. Вѣдь, васъ не убудетъ.

Лизавета Ивановна.

Да нехорошо, и совсѣмъ ненужно... ну, а впрочемъ... (Оглядываясь, протягиваетъ ему руку.)

Андрей Титычъ (цалуетъ).

Умеръ бы у васъ, и домой не пошелъ. Ужь очень тяжко мнѣ! Эхъ доля, доля! (Плачетъ. Входитъ Аграфена Платоновна.)

Явленіе пятое.

Лизавета Ивановна, Андрей Титычъ и Аграфена Платоновна.

Аграфена Платоновна.

Здравствуй, Андрюша! Что̀ съ тобой?

Андрей Титычъ.

Такъ, ничего-съ.

Аграфена Платоновна.

Какъ ничего? Ты словно, какъ мокрая курица.

Андрей Титычъ.

Подвѣсить себя хочу-съ.

Аграфена Платоновна.

Какъ такъ?

Андрей Титычъ.

Извѣстно, какъ: за петельку на гвоздикъ.

Аграфена Платоновна.

Что̀ за напасть такая?

Андрей Титычъ.

Да что̀, разговаривать-то не хочется. Женить хотятъ, вотъ и все-съ.

Аграфена Платоновна.

Плохо твое дѣло.

Андрей Титычъ.

Обидно-съ! (Раскланивается.) А впрочемъ, прощайте-съ. (Подходитъ къ Аграфенѣ Платоновнѣ.) Что-жь, отдайте энту штуку-то; еще, пожалуй, исторія выдетъ.

Аграфена Платоновна.

Ну вотъ, на что она тебѣ?

Андрей Титычъ.

А то, пожалуй, и ненадо; дѣлайте, что хотите. Ужь семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ. До пріятнѣйшаго свиданія. (Кланяется и уходитъ.)

Явленіе шестое.

Лизавета Ивановна и Аграфена Платоновна.

Аграфена Платоновна.

Видали вы, что мужики-то значатъ? Такъ вотъ посмотрите. Насильно хотятъ малаго женить. Самое низкое обыкновеніе! Нѣшто человѣкъ можетъ любить противъ желанія? Какія на это права? Какіе законы? Живутъ неопрятно, ну ничего и не понимаютъ. Ломятъ по-своему, что на умъ взбрело съ просонковъ... А я-было его, барышня, признаться, для васъ прочила.

Лизавета Ивановна.

Я думаю, Аграфена Платоновна, прежде нужно было меня спроситься.

Аграфена Платоновна.

Да что спрашивать-то? Дѣло видимое. Человѣкъ хорошій, богатый, васъ любитъ. Куражу не имѣетъ сказать вамъ, потому что умныхъ словъ не знаетъ отъ своего отъ дурацкаго воспитанія. А случится, когда ко мнѣ въ комнату зайдетъ, такъ и заливается — плачетъ: все бы я, говоритъ, сидѣлъ у васъ, все бы глядѣлъ на Лизавету Ивановну, жизни готовъ

рѣшиться, только бы жениться на ней. Сколько мнѣ подарковъ переносилъ, чтобы я вамъ за него словечко замолвила.

Лизавета Ивановна.

Какой еще онъ женихъ, ему учиться надобно въ школѣ гдѣ-нибудь.

Аграфена Платоновна.

Любовь-то не спрашиваетъ, всѣ ли науки знаешь. Влюбляются и вовсе безграмотные. А что-жь ему дѣлать? Онъ бы и радъ учиться, да батюшка-то у него ишь какой сахаръ!

Лизавета Ивановна.

Мнѣ смѣшно васъ слушать, Аграфена Платоновна. Ну, разсудите вы сами, какая же мнѣ неволя идти въ такую семью: сынъ необразованный, а отецъ дуракъ.

Аграфена Платоновна.

Не тысячу же лѣтъ этотъ старый хрычъ жить будетъ. Потерпите маленько, а потомъ сами барыней будете. Оно точно, вамъ будетъ не сладко; да денегъ-то у нихъ, у лѣшихъ, больно много. За то, что захотите, мужъ все для васъ будетъ дѣлать, развѣ только птичьяго молока не достанетъ.

Лизавета Ивановна.

Неужели вы, Аграфена Платоновна, до сихъ поръ меня не знаете? Я ни за какія сокровища не захочу терпѣть униженія. Вѣдь, они за каждую копѣйку выместятъ оскорбленіемъ; а я не хочу ихъ переносить ни отъ кого. То ли дѣло, какъ мы живемъ съ папашей! Хоть бѣдно, да независимо. Мы никого не трогаемъ и насъ никто не смѣетъ тронуть.

(Работаетъ).

Аграфена Платоновна (взглянувъ въ окно).

Къ намъ дрожки подъѣхали. Ахъ, батюшки! Да, вѣдь, это онъ!

Лизавета Ивановна.

Кто онъ?

Аграфена Платоновна.

Андрюшинъ отецъ, Титъ Титычъ.

Лизавета Ивановна.

Это, должно быть, къ вамъ; а къ намъ ему нѣзачѣмъ. (Титъ Титычъ входитъ.)

Явленіе седьмое.

Лизавета Ивановна, Аграфена Платоновна и Титъ Титычъ.

Титъ Титычъ.

Гдѣ Андрюшка? Сказывайте скорѣй, а то искать примусь.

Аграфена Платоновна.

Почемъ мы знаемъ, гдѣ твой Андрюшка. Ступай, откуда пришелъ; нѣчего тебѣ здѣсь дѣлать!

Титъ Титычъ.

Не съ тобой говорятъ. Барышня, выдавай Андрюшку! Да не вертись; видишь, я самъ за нимъ пришелъ! Я шутить не люблю. У меня слово — законъ.

Лизавета Ивановна (встаетъ).

Я васъ не знаю и знать не хочу. Поди вонъ отсюда!

Титъ Титычъ (садится).

Полно вилять-то! Всѣ сусѣди говорятъ, что онъ у тебя скрывается. Ты, надо полагать, за него замужъ норовишь; такъ нѣтъ, шалишь, не пообѣдаешь!

Лизавета Ивановна

(закрываетъ лицо платкомъ).

Господи! Что̀ же это такое!

Аграфена Платоновна.

Ступайте, барышня, къ себѣ въ комнату. Что̀ вамъ съ мужикомъ разговаривать! Я одна съ нимъ управлюсь. (Лизавета Ивановна уходитъ.)

Явленіе восьмое.

Аграфена Плтоновна и Титъ Титычъ.

Аграфена Платоновна.

Ты что̀ буянишь-то! Ты куда, въ кабакъ, что̀ ли, зашелъ? Кричи поди у себя дома, а здѣсь языкъ-то прикусишь. Я, братъ, такъ раскассирую...

Титъ Титычъ.

А вотъ я обыскъ исдѣлаю, квартальнаго позову.

Аграфена Платоновна.

Такъ тебѣ и позволятъ въ благородномъ домѣ безобразничать!... Да ну, коли на то пошло, дѣлай обыскъ. А не найдешь, чѣмъ отвѣтишь?

Титъ Титычъ.

Не ваша печаль, это наше дѣло. За безобразіе заплатимъ.

Аграфена Платоновна.

Ты думаешь деньгами отъѣхать? Нѣтъ, вѣдь, старикъ-то не алтынникъ, онъ съ тебя ничего не возьметъ. Чѣмъ ты смотришь — и того не возьметъ. Онъ заслуженный человѣкъ, за тридцать лѣтъ пряжку имѣетъ. Онъ тебя въ смирительный упрячетъ.

Титъ Титычъ.

Видали мы виды-то! Чортъ Ваньку не обманетъ, Ванька самъ слово знаетъ. Вы мнѣ Андрюшку подайте, видишь, я самъ за нимъ пришелъ.

Аграфена Платоновна.

Самъ съ усамъ! Жалко вотъ, что тебя не боится здѣсь никто; а то такъ бы тебѣ Андрюшку и представили, невидимой силой. Да коли нѣтъ его, чудакъ человѣкъ, значитъ, нѣгдѣ взять. Онъ дома давно.

Титъ Титычъ.

Да ты врешь, можетъ быть?

Аграфена Платоновна.

А ты сходи посмотри, либо пошли кого-нибудь.

Титъ Титычъ.

Нѣтъ ужь, я лучше самъ пойду, только если не найду его, я ужь за тебя примусь. Слышишь! (Беретъ шапку).

Аграфена Платоновна.

Погоди, куда ты? Еще мнѣ съ тобой поговорить надо. Ты думаешь, ты скоро раздѣлаешься. (Вынимаетъ изъ стола бумагу). Ты это видишь?

Титъ Титычъ.

Что̀ это такое? Кажи!

Аграфена Платоновна.

Читай! Только изъ рукъ не выпущу; мы вашего брата знаемъ.

Титъ Титычъ (надѣвъ очки).

„Я нижеподписавшійся, купеческій сынъ, Андрей Титовъ, сынъ Брусковъ, обязуюсь жениться на дочери титулярнаго совѣтника, дѣвицѣ, Елизаветѣ Ивановнѣ Ивановой, въ семъ и даю сію росписку". (Перестаетъ читать и снимаетъ очки.)

Аграфена Платоновна.

Понялъ?

Титъ Титычъ.

Какъ не понять! Это, то-есть, насчетъ грабежу. Ну, народецъ! Что̀-жь вы съ эвтой бумагой дѣлать будете?

Аграфена Платоновна

(запираетъ въ столъ бумагу).

Ужь старикъ знаетъ, что̀ дѣлать. Порядокъ извѣстный: дѣло по дѣлу, а судъ по формѣ.

Титъ Титычъ (почесавъ затылокъ).

По формѣ? Нѣтъ ужь, лучше мы такъ, между себя сдѣлаемся.

Аграфена Платоновна.

Извѣстно, лучше; только, вѣдь, съ тобой честью-то мудрено.

Титъ Титычъ.

Ужь и вашъ-то братъ намъ солонъ приходится. А вы пожалѣйте душу человѣческую.

Аграфена Платоновна.

Что̀ тебя жалѣть-то! Давай три тысячи цѣлковыхъ, вотъ и квитъ.

Титъ Титычъ.

Ишь ты, ишь ты заломила! Вѣдь, я не самъ деньги-то дѣлаю; трудами доставалъ, по̀томъ.

Аграфена Платоновна.

Да, потѣете вы въ трактирѣ за чаемъ. Ты лучше и не торгуйся; а то самъ придетъ, пожалуй, и трехъ не возьметъ. Ужь это я такъ беру смѣлость, хочу безъ него дѣло сдѣлать.

Титъ Титычъ.

Полтораста рубликовъ.

Аграфена Платоновна.

Что̀? За такое дѣло полтораста рублей! Да какъ у тебя языкъ-то поворотился!

Титъ Титычъ.

За что̀ деньги-то давать, ты сама разсуди. Вѣдь, за даромъ-то жалко.

Аграфена Платоновна.

За что̀? За твое нравство! Не ходи по лавкѣ... Говорю, не торгуйся, а то прогоню; такъ ни съ чѣмъ уйдешь.

Титъ Титычъ.

Ты меня выведешь изъ терпимости, въ тѣ поры я въ себѣ не властенъ: я тебя прибью.

Аграфена Платоновна.

Любопытно это будетъ посмотрѣть! Я караулъ-то на всю Зацѣпу закричу. Свяжемъ тебѣ лапки назадъ да еще три тысячи заплатишь.

Титъ Титычъ.

Надоѣла ужь ты мнѣ. Говори послѣднюю цѣну.

Аграфена Платоновна.

Послѣднюю?

Титъ Титычъ.

Да, послѣднюю.

Аграфена Платоновна.

Безъ разговору — двѣ тысячи.

Титъ Титычъ.

Возьми пятьсотъ.

Аграфена Платоновна.

И говорить не хочу, что̀ за торговля! (Молчаніе.) Ну, давай полторы.

Титъ Титычъ.

Семьсотъ-пятьдесятъ.

Аграфена Платоновна.

Ну, вотъ тебѣ послѣднее слово: тысячу рублей — и ни копѣйки меньше.

Титъ Титычъ.

Ни копѣйки?

Аграфена Платоновна.

Ни копѣйки.

Титъ Титычъ.

Ну, по рукамъ.

Аграфена Платоновна.

Давай деньги.

Титъ Титычъ.

Давай бумагу.

Аграфена Платоновна.

Клади деньги на столъ, и я положу. (Титъ Титычъ отсчитываетъ деньги и кладетъ на столъ, Аграфена Платоновна вынимаетъ изъ стола бумагу. Размѣниваются. Аграфена Платоновна кладетъ деньги въ столъ и запираетъ, Титъ Титычъ кладетъ бумагу въ карманъ.)

Титъ Титычъ (садится).

Разбойники, грабители!

Аграфена Платоновна.

Ну, теперь ступай съ Богомъ. Дѣла всѣ покончили, больше не объ чемъ съ тобой толковать.

Титъ Титычъ.

Нѣтъ, погоди, дай хоть поругаться-то за свои деньги. Разбойники, грабители! За что только вы съ насъ денегъ не берете? Обмануть, ограбить, обольстить человѣка!

Аграфена Платоновна.

Какъ съ тебя не взять-то! Вѣдь, ужь ты жила извѣстный, самъ норовишь на грошъ пятаковъ купить. (Лизавета Ивановна проходитъ изъ боковой двери въ переднюю.) Должно быть, старикъ пришелъ. Ступай, ступай!

Титъ Титычъ.

Обманули мальчишку, дурака, опутали, а съ отца деньги взяли. Честно это, благородно? А еще благородствомъ похваляетесь! (Иванъ Ксенофонтычъ и Лизавета Ивановна входятъ).

Явленіе девятое.

Титъ Титычъ, Аграфена Платоновна, Лизавета Ивановна и Иванъ Ксенофонтычъ.

Лизавета Ивановна.

Папаша, посмотри, что у насъ дѣлается. (Иванъ Ксенофонтычъ молча смотритъ на Брускова.)

Титъ Титычъ.

Ты что на меня смотришь? На мнѣ, братъ, ничего не написано. Деньги-то взять умѣли! Вы меня хоть поподчуйте чѣмъ за мои деньги-то.

Иванъ Ксенофонтычъ

(смотритъ на всѣхъ вопросительно).

Онъ сумасшедшій? Сдѣлайте одолженіе, милостивый государь, оставьте насъ.

Титъ Титычъ.

Обобрали, а теперь гоните. (Показываа на Лизавету Ивановну.) Ишь какая красавица! Какъ не прельститься на нее. Ловушку для нашего брата подстроили. У васъ тутъ такая шайка подобрана, что вы и старика какого изъ ума выведете, а не то что мальчишку глупаго.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Поди вонъ!

Титъ Титычъ.

Что ты кричишь-то! Я, вѣдь, ничего, я такъ шучу съ тобой.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Поди вонъ, говорю я тебѣ!

Титъ Титычъ (встаетъ).

Пойду. (Подходитъ къ Ивану Ксенофонтычу и ударяетъ его по плечу.) Поѣдемъ ко мнѣ! Выпьемъ вмѣстѣ, пріятели будемъ. Что ссориться-то!

Иванъ Ксенофонтычъ.

Уйди ты отъ насъ.

Титъ Титычъ.

Ну прощай. (Подходитъ къ двери.) Ишь ты какой сердитый! Да ужь теперь не испугаете. Вотъ она, бумага-то, здѣсь въ карманѣ. Разбойники, грабители! (Уходитъ.)

Явленіе десятое.

Иванъ Ксенофонтычъ, Лизавета Ивановна и Аграфена Платоновна.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Что это за человѣкъ?

Аграфена Платоновна.

Титъ Титычъ Брусковъ, Андрюшинъ отецъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Что̀ онъ говорилъ? Какія деньги? Какіе грабители? Кто его ограбилъ?

Аграфена Платоновна.

Ну да за дѣло, чтобъ не шумѣлъ въ чужомъ домѣ. За дѣло ему! Такъ ихъ и надо. Я-таки признаться, сорвала съ него малую толику. Жаль, что мало! Намъ годится, а съ паршивой собаки хоть шерсти клокъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Да за что̀?

Аграфена Платоновна.

Все жалѣючи васъ, Иванъ Ксенофонтычъ, да вашу дочку; глядя на вашу бѣдность, рѣшилась на такое дѣло. Что̀-жь, вѣдь, тутъ дурного ничего нѣтъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Да какимъ образомъ? Не мучьте вы меня, говорите.

Аграфена Платоновна.

А вотъ какимъ образомъ: какъ Андрюша-то ужь очень влюбленный былъ, вотъ какъ-то разъ и зашелъ ко мнѣ и расплакался, а я ему нарочно и говорю: тебѣ, молъ, нельзя къ намъ ходить, будутъ сосѣди говорить и то, и се. Что̀ хорошаго! Наше, молъ, дѣло женское, мы никакого такого разговору про себя не хотимъ. Ты, говорю, оставь, не ходи. Онъ это, сударь мой, сталъ меня просить, плакать, руки цаловать. Я взяла подпоила его да и говорю: все можетъ, Андрюша, случиться, отецъ твой не нынче, завтра умретъ, ты будешь на волѣ, тогда, пожалуй, насъ съ Лизаветой Ивановной и забудешь, другихъ найдешь. А онъ-то божится, онъ-то разныя клятвы

произноситъ. А у меня на ту пору случись листъ гербовой бумаги.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Ну!

Аграфена Платоновна.

Ну, я своей рукой написала росписку, что онъ обѣщается жениться на Лизаветѣ Ивановнѣ, все какъ слѣдуетъ, по формѣ, а онъ и подписалъ.

Лизавета Ивановна.

Какой стыдъ! Какой срамъ! Папаша, что̀ мнѣ дѣлать! (Рыдая, падаетъ на грудь отцу.)

Иванъ Ксенофонтычъ.

Ну, ну...

Аграфена Платоновна.

Ну, вотъ за это и взяла съ Тита Титыча тысячу цѣлковыхъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

А росписка гдѣ?

Аграфена Платоновна.

Я ему отдала.

Иванъ Ксенофонтычъ (обнимая дочь).

Бѣдное дитя мое! (Плачетъ.)

Аграфена Платоновна.

Да объ чемъ вы плачете?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Куда намъ съ тобой дѣться отъ грубости, отъ оскорбленій, отъ невѣжества!

Лизавета Ивановна.

Папаша, уѣдемъ отсюда поскорѣй.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Уѣдемъ, уѣдемъ.

Лизавета Ивановна.

Ты поди, брось ему деньги. (Садится у стола.)

Иванъ Ксенофонтычъ.

Да, и росписку возьму. Онъ мнѣ ее отдастъ, я ему деньги возвращу. Какъ ты думаешь, вѣдь, онъ отдастъ? Отдастъ? Онъ не смѣетъ не отдать — мы не виноваты. Я разорву ее, вотъ и конецъ, и не объ чемъ намъ плакать съ тобой! (Къ Аграфенѣ Платоновнѣ.) Подай деньги!

Аграфена Платоновна.

Иванъ Ксенофонтычъ, пригодятся.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Подай деньги! Подай!

Аграфена Платоновна (вынимая изъ стола).

А чѣмъ завтра топить будете? (Отдаетъ.)

Иванъ Ксенофонтычъ.

Прощай, Лиза!

Лизавета Ивановна.

Прощай, папаша. (Обнимаетъ его. Идутъ къ двери.) Поди, выкупай наше безчестье.

Аграфена Платоновна (вслѣдъ имъ).

Вотъ хлопочи для людей, старайся, сама-жь виновата останешься. Кто же васъ зналъ, что вы такіе сумасшедшіе!

Дѣйствіе второе.

Богатая гостиная въ домѣ купца Брускова.

Явленіе первое.

Луша (стираетъ пыль) и **Капитонъ Титычъ** (крадется изъ двери).

Капитонъ Титычъ.

Луша, здѣсь никого нѣтъ?

Луша.

Никого.

Капитонъ Титычъ.

Какъ тутъ хорошо, просторно, а въ кухнѣ сегодня угарно. Что̀ въ кухнѣ-то сидѣть за охота. Я такой же сынъ, какъ и Андрюша, а меня все въ кухнѣ въ заперти держатъ.

Луша.

Захотѣлъ ты сравняться съ Андреемъ Титычемъ! Андрей Титычъ у насъ молодецъ, а ты что̀! Такъ, дурачекъ.

Капитонъ Титычъ.

Да, дурачекъ, какъ же! У васъ будешь дурачекъ. На цѣпь еще посадите! (Ходитъ по комнатѣ и дѣлаетъ трагическіе жесты.)

Луша.

Купидонъ Титычъ, представь что̀-нибудь изъ театральнаго.

Капитонъ Титычъ (становится въ позу).

„Прочь съ дороги! Посторонитесь! Левъ ушелъ изъ клѣтки! Быкъ съ бойни сорвался! Посторонитесь!“ (Разгорячившись.) Давай теперь сюда, кто меня дуракомъ сдѣлалъ, убью съ разу. (Луша хохочетъ. Капитонъ Титычъ, услышавъ, что идутъ, крадется къ двери и скрывается. Настасья Панкратьевна и Ненила Сидоровна входятъ.)

Явленіе второе.

Настасья Панкратьевна, Ненила Сидоровна и Луша.

Настасья Панкратьевна.

Милости просимъ, Немила Сидоровна, садиться покорнѣйше прошу. Луша, принеси-ка намъ вареньица.

Луша.

Сейчасъ-съ. (Уходитъ.)

Настасья Панкратьевна.

Какъ дѣла ваши?

Ненила Сидоровна.

Дѣла ничего, слава Богу. Одна печаль у меня: дочерей больно много.

Настасья Панкратьевна.

Видно, матушка, Немила Сидоровна, всякому своя ноша тяжела. Вотъ вы объ дочеряхъ, а я о сыновьяхъ. Что̀ у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. А по-моему, дочери, все-таки, легче.

Ненила Сидоровна.

Глазъ да и глазъ нужно, Настасья Панкратьевна. Вѣдь, нынче время-то какое! Люди-то какіе! Вѣрите ли, боишься въ садъ выпустить.

Настасья Панкратьевна.

Что̀ дочери! Дочерей и запереть можно, да и хлопотъ съ ними меньше, ни учить, ни что̀. Ну, конечно, замужъ выдавать хлопотно, возни много. А вамъ и то съ пола-горя, Немила Сидоровна, вѣдь, вы денегъ много даете за дочерьми-то, такъ вамъ нѣчего бояться, что въ дѣвкахъ засидятся.

Ненила Сидоровна.

Про это что̀ толковать. Дочь не домашній товаръ; какъ ни какъ, а надо съ рукъ сбывать. Ну, тамъ ужь не наша бѣда; живи, какъ хочешь. А покедова-то вотъ! Вѣдь, у насъ приказчики, ну и другого посторонняго народу много.

Настасья Панкратьевна.

Присмотръ нуженъ, я про это вамъ и докладываю, за то ужь больше-то никакихъ хлопотъ. Мальчики, вѣдь, на волѣ, Немила Сидоровна, какъ за ними усмотришь; вездѣ ходятъ. У меня всего-то два сына: Андрюша да Купидоша, да и то голова кругомъ идетъ. Андрюша мальчикъ шустрый, проворный, до всего понятливый, такъ, сударыня моя, отъ дому совсѣмъ отбивается; то не хорошо, другое не по немъ, учиться, говоритъ, хочу. Что̀-жь, мы развѣ его не учили! И рихметикѣ и граматикѣ гимназистъ училъ. На что̀ ему много-то знать. И такъ боекъ, а какъ обучатъ-то всему, тогда съ нимъ и не сговоришь; онъ мать-то и уважать не станетъ; хоть изъ дому бѣги.

Ненила Сидоровна.

Да, вотъ на счетъ ученья-то. У насъ сосѣдка отдала сына учиться, а онъ глазъ и выкололъ.

Настасья Панкратьевна.

Это долго ли. А вотъ теперь влюбился. Да въ кого! Немила Сидоровна, въ кого! Во что̀ влюбиться-то! Такъ одна непокорность къ родителямъ.

Ненила Сидоровна.

Въ кого же, Настасья Панкратьевна? Скажите по секрету.

Настасья Панкратьевна.

Что̀ за секретъ; весь околотокъ въ трубы трубитъ. Знаете учителя Иванова, такъ въ его дочь; ну, и погибаетъ совсѣмъ.

Ненила Сидоровна.

Знаю, знаю, видала. Скажите! Гдѣ же глаза-то у него были! Такъ твореніе какое-то... ни живности, ничего.

Настасья Панкратьевна.

Ну, вотъ сами разсудите.

Ненила Сидоровна.

Что̀ говорить!

Настасья Панкратьевна.

Каково матери-то?

Ненила Сидоровна.

Подсыпали чего-нибудь. Это бываетъ.

Настасья Панкратьевна.

Ужь я и сама такъ думаю.

Ненила Сидоровна.

А вы вотъ что̀... не хорошо только говорить-то...

Настасья Панкратьевна.

Ничего.

Ненила Сидоровна.

А съ разу снимаетъ. (Шепчетъ ей на ухо.)

Настасья Панкратьевна.

Помогаетъ?

Ненила Сидоровна.

Помогаетъ. То-то вотъ, хитры они, анъ хитрѣй ихъ есть. На всякій приворотъ средство есть; только знать нужно. Я много знаю: и отъ глазу, и отъ запою, и противъ бородавокъ у меня симпатія есть.

Настасья Панкратьевна.

Такъ надать попробовать, а то что̀ хорошаго! Мы теперь его женить хотимъ; намъ надо невѣсту съ большими деньгами, потому сами богаты. Что̀ за неволя намъ бѣдную-то брать.

Ненила Сидоровна.

Разумѣется.

Настасья Панкратьевна.

Ну, вотъ, матушка моя, теперь есть такая на примѣтѣ, отецъ нашелъ; а онъ скрывается отъ отца-то. Всякая мать баловница; другой разъ расплачется, глядишь, и жалко, и сама его прикрываю по малости. А все-таки, нехорошо.

Ненила Сидоровна.

Нельзя похвалить.

Настасья Панкратьевна.

А другой, Купидоша, такъ совсѣмъ какой-то ума рехнувшій по театру. Да табакъ куритъ, Немила Сидоровна, такой крѣпкій, просто дышать нельзя. Въ комнатахъ такого курить нельзя ни подъ какимъ видомъ, кого хочешь стошнитъ. Такъ все больше въ кухнѣ пребываетъ. Вотъ иногда скучно, позовешь его, а онъ-то и давай кричать по-тіатральному, ну и утѣшаешься на него. Съ пѣвчими поетъ басомъ, голосъ такой громкій, такъ какъ словно изъ ружья выпалитъ.

Ненила Сидоровна.

Говорятъ, маленькихъ нехорошо по головѣ бить, глупѣютъ отъ этого.

Настасья Панкратьевна.

Кто ихъ знаетъ, можетъ, и правда. (Капитонъ Титычъ выглядываетъ изъ-за двери.) Да вотъ онъ.

Ненила Сидоровна.

Кто? Дурачекъ-то? Позовите, Настасья Панкратьевна.

Настасья Панкратьевна.

Купидоша, Купидоша! (Капитонъ Титычъ робко входитъ.)

Явленіе третье.

Настасья Панкратьевна, Ненила Сидоровна и Капитонъ Титычъ.

Настасья Панкратьевна.

Что ты, Купидоша?

Капитонъ Титычъ.

Я такъ, ничего... Пятачекъ мнѣ надо.

Настасья Панкратьевна.

На что?

Капитонъ Титычъ.

Табачку купить... Безъ табаку-то скучно.

Настасья Панкратьевна.

Ну, хорошо, дамъ. Представь что-нибудь намъ съ Немилой Сидоровной.

Капитонъ Титычъ (трагически).

„Изумлю міръ злодѣйства, и упокойники въ гробахъ спасибо скажутъ, что умерли!“

Ненила Сидоровна.

Что это, матушка! Что это такое! Страсть какая! Онъ у васъ, должно быть, порченый! (Андрей Титычъ входитъ.)

Явленіе четвертое.

Настасья Панкратьевна, Ненила Сидоровна, Капитонъ Титычъ и Андрей Титычъ.

Настасья Панкратьевна.

А вотъ мой другой сынъ, Немила Сидоровна.

Ненила Сидоровна.

Этотъ умный?

Настасья Панкратьевна.

Умный. (Сыну.) Отецъ тебя нынче цѣлый день ищетъ, никакъ хочетъ вечеромъ къ невѣстѣ ѣхать.

Андрей Титычъ.

Я опять убѣгу-съ.

Настасья Панкратьевна.

Что ты, что ты! Ужь отъ своей судьбы не уйдешь! Что кому суждено, тому и быть.

Андрей Титычъ.

Да почемъ же вы, маменька, знаете, что мнѣ суждено жениться на дурѣ неотесанной?

Настасья Панкратьевна.

Ну, вотъ, изволите видѣть, Немила Сидоровна, можно съ нимъ разговаривать?

Ненила Сидоровна.

Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!

Настасья Панкратьевна.

Что ты, умнѣй отца съ матерью хочешь быть! Выше лба глаза не ростутъ, яицы курицу не учатъ.

Андрей Титычъ.

Маменька, да, вѣдь, мнѣ съ ней жить-то будетъ!

Настасья Панкратьевна.

Какъ ты можешь грубить! Кто съ тобой говоритъ-то? Мать, али нѣтъ? Долженъ ты это понимать.

Андрей Титычъ.

Да что̀ понимать-то? Понимать-то нѣчего.

Настасья Панкратьевна.

Вотъ видите, какую заразу на него напустили.

Ненила Сидоровна.

Послушайте, молодой человѣкъ, я постарше васъ, всѣ эти штуки, всѣ эти подходы и всѣ эти дѣла видала.

Настасья Панкратьевна.

Такъ, такъ, Ненила Сидоровна. А ты слушай, что̀ старшіе-то говорятъ. И ты тоже, Купидоша. Все это вамъ на пользу.

Андрей Титычъ.

Да что̀ слушать-то? Слыхалъ я эти разговоры-то.

Настасья Панкратьевна.

Не груби, говорю тебѣ, не груби!

Ненила Сидоровна.

Молодой человѣкъ, вы мало жили, мало видѣли свѣтъ; вы еще не знаете, какъ люди хитры.

Настасья Панкратьевна.

Да, да. У насъ у кучера поддевку украли въ одну минуточку. И кто же укралъ-то? Пріятель его.

Ненила Сидоровна.

Вотъ вы теперь влюблены, мнѣ ваша маменька говорила: вы думаете, это съ-проста̀?

Андрей Титычъ.

Этотъ разговоръ надоть кончить-съ.

Ненила Сидоровна.

Нѣтъ, позвольте-съ. Мы тоже бывали молоды, у меня у самой семь дочерей.

Настасья Панкратьевна.

Да, да, вотъ слушай, что̀ умные-то люди говорятъ, и ты тоже, Купидоша, слушай.

Ненила Сидоровна.

Будемъ прямо говорить. Кругомъ васъ, по сосѣдству, есть какіе грузди! Изъ всякаго сословія. Ужь можно сказать, что наша сторона этимъ отличается! Чего-бъ, кажется, лучше! Такъ нѣтъ, вамъ не по сердцу. А эта что̀? Диви-бы собой . . . (дѣлаетъ жестъ руками) или что̀ другое! Вотъ только стыдно говорить-то, а то бы сказала. Во что̀ влюбиться-то молодому человѣку?

Настасья Панкратьевна.

Да, да.

Ненила Сидоровна.

Значитъ, механика и выходитъ . . . съ ихъ стороны.

Андрей Титычъ.

Говорите, что̀ угодно, мнѣ все равно-съ. Ей моею женой не быть. Такія дѣвушки не про насъ-съ. Гдѣ намъ, дуракамъ! Мы ихъ и понимать-то не умѣемъ. Говорить-то всякій умѣетъ, кто почаще, кто порѣже, да толку-то въ этомъ немного; слушать-то нѣчего. Вотъ кабы я умѣлъ вамъ объяснить, какая въ этомъ разница — образованная дѣвушка, или необразованная, такъ бы другой разговоръ былъ. А то не умѣю. Да хоть-бы и умѣлъ, такъ вы не поймете ничего. Значитъ, лучше молчать.

Ненила Сидоровна

(Настасьѣ Панкратьевнѣ).

Попробуйте, что̀ я говорила.

Настасья Панкратьевна.

Непремѣнно попробую.

Андрей Титычъ.

Вы хотите меня теперича женить, такъ найдите невѣсту, чтобъ хоть мало-мальски была на человѣка похожа. Я, пожалуй, женюсь, вѣдь, ужь не отбѣгаешься. А эта ваша мнѣ ужь очень противна. Маменька, спрячьте меня куда-нибудь отъ тятеньки! А то ужь жените, что̀ ли поскорѣй, чтобъ я не мучился.

Настасья Панкратьевна.

Какая же въ этомъ му̀ка, глупый! Ничего, окромя хорошаго. Ты, я вижу, такой же дуракъ, какъ и Купидошка.

Капитонъ Титычъ.

„Умолкни, чернь непросвѣщенна!“

Настасья Панкратьевна.

Полно орать-то! Ишь затрубилъ.

Капитонъ Титычъ.

Братъ, дай три гривенника, пойду нынче въ театръ, душу отвести.

Андрей Титычъ.

На̀, Капитоша. (Достаетъ деньги изъ кармана и отдаетъ Капитону Титычу.)

Луша (вбѣгая).

Самъ пріѣхалъ! (Уходитъ, Капитонъ Титычъ за ней прокрадывается въ дверь.)

Настасья Панкратьевна (Андрею Титычу).

Поди, спрячься въ спальню, тамъ и сиди. Я скажу, когда выйти. (Андрей Титычъ уходитъ.)

Ненила Сидоровна.

Прощайте, Настасья Панкратьевна. Къ намъ какъ-нибудь.

Настасья Панкратьевна.

Прощайте, Немила Сидоровна. Вы такая, право, умная и обходительная женщина, что мнѣ завсегда оченно пріятно васъ видѣть. Я, признаться вамъ сказать, сама-то не изъ дальнихъ, вѣдь, ужь не скроешь; такъ мнѣ лестно позаняться отъ умныхъ-то. Какъ нибудь на-дняхъ безпремѣнно заѣду. (Провожаетъ ее до двери. Ненила Сидоровна уходитъ. Титъ Титычъ входитъ.)

Явленіе пятое.

Настасья Панкратьевна и Титъ Титычъ.

Титъ Титычъ

(садится молча на стулъ).

Фу ты, чортъ возьми! Въ-первòй отъ роду со мной такая бѣда! Меня не уважать! Меня ругать! Меня! Брускова! Нѣтъ, погоди!

Настасья Панкратьевна.

Кто тебя не уважилъ, Китъ Китычъ? Кто смѣлъ?

Титъ Титычъ.

Молчи, не твое дѣло! За мои же деньги да меня обругали! Меня выгнали! (Топаетъ ногой.) Живъ быть не хочу! Настасья!

Настасья Панкратьевна.

Что̀ прикажете, Китъ Китычъ?

Титъ Титычъ.

Отыскать Захарыча сію минуту.

Настасья Панкратьевна.

Да онъ тутъ гдѣ-то путается; я его въ окно сейчасъ видѣла. (Подходитъ къ окну.) Эй, Луша! (За сценой смѣхъ.) Что̀ ты тамъ съ молодцами все играешь!

Нѣтъ на васъ времени! (Луша за сценой: „Я ничего-съ. Чего изволите?") Сыщи сейчасъ Захарыча да приведи сюда.

Титъ Титычъ.

Чтобъ я перенесъ такую обиду надъ собой! Отъ дряни, отъ учителишки! Да что-жъ это за времена пришли! Нѣтъ, стой! Я съ роду ни отъ кого обиды не видывалъ. Настасья! Смѣетъ меня кто обидѣть?

Настасья Панкратьевна.

Никто, батюшка, Китъ Китычъ, не смѣетъ васъ обидѣть. Вы сами всякаго обидите.

Титъ Титычъ.

Я обижу, я и помилую, а то деньгами заплачу. Я за это много денегъ заплатилъ на своемъ вѣку.

Настасья Панкратьевна.

Много, Китъ Китычъ, много.

Титъ Титычъ.

Молчи! Они только тѣмъ и взяли, что я въ чужой квартирѣ былъ. А ты, поди-ка, здѣсь со мной потолкуй, такъ я тебя уконтентую по-своему. (Захаръ Захарычъ входитъ.)

Явленіе шестое.

Титъ Титычъ, Настасья Панкратьевна и Захаръ Захарычъ.

Титъ Титычъ.

Эй ты, Сахаръ Сахарычъ, благодѣтель я тебѣ, али нѣтъ?

Захаръ Захарычъ.

Благодѣтель, батюшка, Титъ Титычъ.

Титъ Титычъ.

Ты человѣкъ вниманія нестоющій, потерянный

человѣкъ, а я тебя призрѣлъ. Не гнушаюсь тобой, къ себѣ въ домъ пущаю. (Захаръ Захарычъ кланяется.) Дочь твою пристроилъ . . . за межевого, за вольно-практикующаго. Ужь не моя это вина, что онъ пьяница.

Захаръ Захарычъ.

Былъ вольно-практикующій, а теперь праздно-шатающійся.

Титъ Титычъ.

Все-таки, я тебѣ благодѣтель. А ты отчего у меня давно не былъ?

Захаръ Захарычъ.

Нѣтъ никакихъ возможностей, Титъ Титычъ, терпѣнья никакого не хватаетъ. Мальчишки очень одолѣваютъ. Какъ только къ рынку подходишь, и откуда ихъ нанесетъ, туча тучей, бѣгутъ, укаютъ: у-у-у-у. Прикащики изъ лавокъ подсвищутъ: такой гамъ подымутъ, хоть сквозь землю провались.

Титъ Титычъ.

А ты вечеромъ ходи. Да не въ томъ дѣло. Можешь ты такое прошеніе написать, чтобы въ Сибирь сослать по этому прошенію?

Захаръ Захарычъ.

Кого, Титъ Титычъ?

Титъ Титычъ.

Троихъ человѣкъ. Тебѣ все равно, что одного, что троихъ?

Захаръ Захарычъ.

Все равно, Титъ Титычъ.

Титъ Титычъ.

Надоть сослать учителя Иванова, дочь его и хозяйку ихъ. Я такъ хочу.

Захарь Захарычъ.

Что же писать прикажете?

Титъ Титычъ.

А ты вотъ что пиши: что обидѣлъ такого-то купца, а съ сына онаго купца, учитель, противъ всякихъ правъ, взялъ росписку, чтобы жениться на его дочери. Вотъ тебѣ и росписка. Я никакихъ денегъ не пожалѣю, коли сдѣлаешь. Можешь ты это сдѣлать?

Захаръ Захарычъ.

Могу-съ.

Титъ Титычъ.

Ну, такъ садись и пиши при мнѣ. Вотъ тебѣ чернила и бумага на столѣ. (Захаръ Захарычъ садится за столъ.) Да дай ему графинъ водки! . . . Нѣтъ, не надо.

Захаръ Захарычъ.

Для воображенія, Титъ Титычъ!

Титъ Титычъ.

Нѣтъ, послѣ, а то я тебя знаю. (Женѣ.) Ну, теперь ты мнѣ сына подай. (Захару Захарычу). А ты строчи!

Настасья Панкратьевна.

Да его нѣту дома, Китъ Китычъ.

Титъ Титычъ.

Настасья! Кто я?

Настасья Панкратьевна.

Китъ Китычъ Брусковъ.

Титъ Титычъ.

Что я приказываю? Ты знаешь, у меня слово — законъ!

Настасья Панкратьевна.

Слушаю, Китъ Китычъ. (Подходитъ къ двери). Андрюша, Андрюша, поди, отецъ кличетъ. (Андрей Титычъ входитъ.)

Явленіе седьмое.

Титъ Титычъ, Настасья Панкратьевна, Захаръ Захарычъ и Андрей Титычъ.

Титъ Титычъ.

Ну, Андрей, что̀ мнѣ теперича съ тобой дѣлать?

Андрей Титычъ.

Что вамъ угодно-съ, вся ваша воля.

Титъ Титычъ.

Ты благодари Бога, что сердце у меня прошло. Попадись ты мнѣ давеча, я бы тебя изуродовалъ. Ты для чего скрываешься?

Андрей Титычъ.

Тятенька, можно съ вами говорить откровенно?

Титъ Титычъ.

Ты, что̀ хочешь, говори, только дѣло, а то смотри.

Андрей Титычъ.

Я вамъ, тятенька, во всю жизнь свою ни въ одномъ словѣ не перечилъ.

Титъ Титычъ.

Еще бы ты смѣлъ!

Андрей Титычъ.

Конечно, я долженъ повиноваться своимъ родителямъ. А коли которую вы мнѣ теперь невѣсту сватаете, да ежели она мнѣ не нравится, что̀-же дол-

женъ я дѣлать? . . . На всю жизнь страждить? Ежели мнѣ нравится другая?

Титъ Титычъ.

Знаю, знаю.

Андрей Титычъ.

Почемъ же вы ихъ знаете?

Титъ Титычъ.

Сейчасъ самъ былъ у нихъ.

Андрей Титычъ.

А сами видѣли, такъ лучше всего-съ. Истинно достойная дѣвушка, можно чести приписать. Не то что. . .

Титъ Титычъ.

Вотъ я тебѣ такое достоинство задамъ! Ты ужь лучше меня не серди. Молчи, я тебѣ говорю. Вонъ, видишь, строчило пишетъ. Это вотъ прошеніе на нихъ. (Захару Захарычу.) Пиши хорошенько! (Сыну.) Они съ тебя, дурака, росписку взяли, а съ меня за нее тысячу цѣлковыхъ вытребовали.

Андрей Титычъ.

Кто же это-съ?

Титъ Титычъ.

Все они же. И красавица твоя тутъ же. Такъ васъ, дураковъ, и обманываютъ. А ты ротъ-то разинулъ, ты думаешь, тебя такъ, даромъ станутъ любить, на красоту свою надѣешься. Какже не такъ. Еще хорошо, что на тысячѣ помирились, а то заломили было три.

Андрей Титычъ.

Кому-жь теперь на свѣтѣ вѣрить послѣ этого! Истинная правда, тятенька, что насъ кругомъ обманываютъ.

Титъ Титычъ.

Вотъ для этого-то для самаго я и хочу тебя женить, чтобы ты не баловался. Ну, теперь, что̀ ты еще будешь разговаривать, я послушаю.

Андрей Титычъ.

Ничего не могу говорить противъ васъ, потому самъ кругомъ виноватъ-съ.

Титъ Титычъ.

Такъ-то вотъ лучше. Собирайся къ невѣстѣ.

(Иванъ Ксенофонтычъ входитъ.)

Явленіе восьмое.

Титъ Титычъ, Настасья Панкратьевна, Захаръ Захарычъ, Андрей Титычъ и Иванъ Ксенофонтычъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Милостивый государь, извините, я ничего не зналъ. . .

Титъ Титычъ.

А, теперь извините, за разумъ взялся! Нѣтъ, ужь поздно. Видишь, вонъ пишетъ! Это прошеніе на васъ съ дочерью.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Милостивый государь, ни я, ни дочь тутъ ни въ чемъ невиноваты. Это, безъ нашего вѣдома, сдѣлала глупая женщина. . . Мы живемъ смирно, мы никого не трогаемъ, мы занимаемся своимъ дѣломъ.

Титъ Титычъ.

Знать ничего не хочу!

Андрей Титычъ.

Тятенька, что̀-жъ вы мнѣ говорили? Вотъ она правда-то, наружу выходитъ.

Титъ Титычъ (топнувъ).

Молчи, не дыши!

Иванъ Ксенофонтычъ.

Вотъ ваши деньги, возьмите ихъ.

Титъ Титычъ.

Деньги! Ты деньги принесъ? Что за диковина такая! Деньги назадъ принесъ! Тутъ нѣтъ ли подвоху какого? Сахарычъ, какъ ты думаешь, взять деньги, али нѣтъ? Обману нѣтъ ли?

Захаръ Захарычъ.

Деньги возьмите, ничего.

Титъ Титычъ.

Ну, давай деньги. (Иванъ Ксенофонтычъ отдаетъ.) Всѣ ли? На, Андрей, сочти.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Всѣ, всѣ. Не мучьте вы меня, не считайте.

Титъ Титычъ.

Такъ тебѣ и повѣрить! Какже!

Андрей Титычъ.

Всѣ-съ.

Титъ Титычъ (беретъ деньги).

Ну, теперь ступай! А за обиду я съ тобой разочтусь. Видишь, пишетъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Отдайте мнѣ росписку.

Титъ Титычъ.

Какую это росписку? Что Андрей-то далъ?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Эту самую.

Титъ Титычъ.

Что̀ ты, очумѣлъ, что̀ ли? Слышишь, Сахаръ Сахарычъ, росписку проситъ.

Захаръ Захарычъ.

Какъ можно-съ! Онъ ее представитъ, тогда хлопотъ-то не оберешься.

Титъ Титычъ.

Ишь ты, что̀ выдумалъ! Какую штуку гнетъ! Нѣтъ, братъ, насъ не надуешь! Мы тоже волки-то травленые! (Смотритъ на него.) Ха-ха-ха-ха-ха!

Захаръ Захарычъ

(тоже глядя на Ивана Ксенофонтыча).

Ха-ха-ха-ха-ха!

Титъ Титычъ.

Онъ, должно быть, для того и деньги-то принесъ, чтобы росписку выручить, а потомъ за нее вдвое заломить. Ему мало показалось. Надувательная система.

Иванъ Ксенофонтычъ (потерявшись).

Нѣтъ, я потому деньги принесъ, что намъ чужихъ не надобно... мы живемъ бѣдно... мы живемъ своими трудами... мы смирно живемъ. Я вамъ еще денегъ принесу, сколько у меня есть... я достану, заработаю.

Титъ Титычъ.

Ишь ты, какъ распѣваетъ. Ха-ха-ха!

Захаръ Захарычъ.

Ха-ха-ха!

Иванъ Ксенофонтычъ

(бросается къ Титу Титычу).

Подай росписку, подай! Я у васъ отниму ее, я вырву... мое дѣло правое... мы не виноваты...

Титъ Титычъ (отстраняя его рукой).

Тише, тише! Сахарычъ! Ловкій народъ, а? Ха-ха-ха! . . .

Захаръ Захарычъ.

Ха-ха-ха!

Иванъ Ксенофонтычъ (падая на колѣни).

Отдайте, Христа ради, отдайте! Я ее изорву, при васъ же изорву.

Андрей Титычъ.

Маменька, попросите. У меня сердце все изорвалось, да говорить-то я не смѣю.

Настасья Панкратьевна.

Отдайте, Китъ Китычъ. Вѣдь, онъ старичекъ, жалко старичка-то.

Титъ Титычъ.

Ты молчи! Не твое дѣло. . . Аль отдать? Сахарычъ, отдать?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Отдайте, отдайте! Я не выду безъ этого! Какъ мнѣ показать глаза дочери! Это сдѣлала глупая хозяйка. Развѣ моя Лиза можетъ? Она плачетъ теперь. . . Да что я говорю! Гдѣ я говорю объ ней! Я съ ума сойду! . .

Захаръ Захарычъ.

Ни, ни, ни! . . .

Титъ Титычъ.

А я говорю, что отдать. Ты молчи, не смѣй разговаривать. А то еще дѣло заводить, путаться. Какже, нужно очень!

Захаръ Захарычъ.

Что̀ вамъ дѣла бояться! Наше дѣло правое. Я за него возьмусь.

Титъ Титычъ.

Да, тебѣ еще деньги платить! Нѣтъ, не надо. Подай росписку. (Захаръ Захарычъ подаетъ.) Ступай домой, прощай! Когда надо будетъ, пришлю. Улепетывай! (Захаръ Захарычъ беретъ картузъ и становится у двери. Учителю.) Такъ ты говоришь, что вы не знали этого дѣла?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Не знали, не знали.

Титъ Титычъ.

Значитъ, это хозяйка обработала. Ну, бой-баба! На̀ твою росписку. Я не въ тебя. (Подаетъ росписку.)

Иванъ Ксенофонтычъ

(разрываетъ ее и съ хохотомъ топчетъ ногами).

Будьте вы прокляты! Какъ это васъ земля-то терпитъ! Какъ эти стѣны не обвалятся на васъ! Дочь моя! Сокровище мое! (Убѣгаетъ).

Титъ Титычъ.

Что̀ онъ говоритъ? Ка̀къ онъ смѣетъ? Держи его! Вотъ видишь ты, съ какой сволочью связываешься. Подите всѣ вонъ! А ты, Андрей, собирайся къ невѣстѣ ѣхать. (Всѣ уходятъ.)

Явленіе девятое.

Титъ Титычъ (одинъ).

(Сидитъ довольно долго молча, потомъ ударяетъ кулакомъ по столу.) Деньгивсе это тлѣнъ, и металлъ звенящій!

Помремъ — все останется. Такъ тому и быть. Мое слово — законъ. Жена, Андрей, подите сюда!
(Настасья Панкратьевна и Андрей Титычъ входятъ.)

Явленіе десятое.

Титъ Титычъ, Настасья Панкратьевна и Андрей Титычъ.

Титъ Титычъ.

Андрей, я тебя отдѣляю; полтораста тысячъ тебѣ серебра и живи, какъ знаешь.

Андрей Титычъ.

Тятенька ...

Титъ Титычъ.

Молчи! Не смѣй со мной разговаривать!

Настасья Панкратьевна.

Какъ это можно, Китъ Китычъ, онъ у насъ еще ребенокъ совсѣмъ.

Титъ Титычъ.

Не твое дѣло. Я мальчишкой изъ деревни привезенъ, на всѣ четыре стороны безъ копѣйки пущенъ; а вотъ нажилъ себѣ капиталъ и другихъ устроилъ. Хорошій человѣкъ нигдѣ не пропадетъ, а дурного и не жаль. Слушай ты, Андрей, вели заложить пару вороныхъ въ коляску, одѣнься хорошенько, возьми мать съ собой, да поѣзжай къ учителю, проси, чтобъ дочь отдалъ за тебя. Онъ человѣкъ хорошій.

Андрей Титычъ.

Помилуйте, тятенька, онъ и прежде-то бы не отдалъ, а теперь мнѣ и глаза показать нельзя.

Титъ Титычъ.

Я тебѣ приказываю, слышишь! Проси, кланяйся

въ ноги. Онъ и постарше тебя, да кланялся. Какъ онъ смѣетъ не отдать, когда я этого желаю! Я на приданое ей денегъ дамъ. Ступай! Небось, не откажется.

Андрей Титычъ.

Да они никакихъ денегъ не возьмутъ.

Титъ Титычъ.

Молчи!

Настасья Панкратьевна.

А какъ же, Китъ Китычъ, та-то невѣста?

Титъ Титычъ.

Вы со мной не смѣйте разговаривать! (Идетъ къ двери). Если онъ не отдастъ за тебя, ты лучше мнѣ и на глаза не показывайся. (Уходитъ.)

Андрей Титычъ.

Что̀ только за жизнь моя! (Махнувъ р кой.) Ахъ, маменька, поѣдемте! Ужь знаю, что толку ничего не будетъ, одна му̀ка. (Уходятъ.)

Доходное мѣсто.

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.

Лица:

Аристархъ Владимірычъ Вышневскій, одряхлѣвшій старикъ, съ признаками подагры.

Анна Павловна, жена его, молодая женщина.

Василій Николаичъ Жадовъ, молодой человѣкъ, племянникъ его.

Мыкинъ, его пріятель, учитель.

Акимъ Акимычъ Юсовъ, старый чиновникъ, служащій подъ начальствомъ Вышневскаго.

Онисимъ Панфилычъ Бѣлогубовъ, молодой чиновникъ, подчиненный Юсову.

Фелисата Герасимовна Кукушкина, вдова коллежскаго ассесора.

Юлинька, **Полина** } ея дочери.

Досужевъ.

1-й, **2-й** } чиновники.

Стеша, горничная дѣвушка.

Антонъ, человѣкъ въ домѣ Вышневскаго.

Мальчикъ.

Григорій, **Василій** } половые.

Гости и половые въ трактирѣ.

Дѣйствіе первое.

Большая зала въ домѣ Вышневскаго, богато-меблированная. Налѣво дверь въ кабинетъ Вышневскаго, направо въ комнаты Анны Павловны; по обѣ стороны на стѣнахъ по зеркалу и подъ ними столики; прямо входная дверь.

Явленіе первое.

Вышневскій въ байковомъ сюртукѣ и безъ парика и **Вышневская** въ утреннемъ нарядѣ. Выходятъ изъ половины Вишневской.

Вышневскій.

Какая неблагодарность! Какая злоба! (Садится.) Пять лѣтъ вы за мной замужемъ, и въ пять лѣтъ я не могу ничѣмъ заслужить вашего расположенія. Странно! Можетъ быть, вы недовольны чѣмъ-нибудь?

Вышневская.

Нисколько.

Вишневскій.

Я думаю. Не для васъ ли я купилъ и отдѣлалъ великолѣпно этотъ домъ? Не для васъ ли я выстроилъ въ прошломъ году дачу? Чего у васъ мало? Я думаю, ни у одной купчихи нѣтъ столько брилліантовъ, сколько у васъ.

Вышневская.

Благодарю васъ. Впрочемъ, я ничего отъ васъ не требовала.

Вышневскій.

Вы не требовали; но я долженъ былъ чѣмъ-нибудь вознаградить васъ за разность въ лѣтахъ. Я ду-

малъ найти въ васъ женщину, способную оцѣнить жертвы, которыя я вамъ принесъ. Я, вѣдь, не волшебникъ, я не могу строить мраморныхъ палатъ однимъ жестомъ. На шелкъ, на золото, на соболь, на бархатъ, въ который вы окутаны съ головы до ногъ, нужны деньги; ихъ нужно доставать. А онѣ не всегда легко достаются.

Вышневская.

Мнѣ ничего не нужно. Я ужь говорила вамъ не одинъ разъ объ этомъ.

Вышневскій.

Но мнѣ нужно же, наконецъ, покорить ваше сердце. Ваша холодность меня сводитъ съ ума. Я страстный человѣкъ: изъ любви къ женщинѣ, я способенъ на все! Я купилъ вамъ въ нынѣшнемъ году подмосковную. Знаете ли, что деньги, на которыя я ее купилъ ... какъ бы это вамъ сказать? ... ну, однимъ словомъ, я рискнулъ болѣе, нежели позволяло благоразуміе. Я могу подлежать отвѣтственности.

Вышневская.

Ради Бога, не дѣлайте меня участницею вашихъ поступковъ, если они не совсѣмъ честны. Не оправдывайте ихъ любовью ко мнѣ. Я васъ прошу. Для меня это невыносимо. Впрочемъ, я не вѣрю вамъ. Пока вы меня не знали, вы жили и поступали точно также. Я даже передъ своею совѣстью не хочу отвѣчать за ваше поведеніе.

Вышневскій.

Поведеніе! Поведеніе! Изъ любви къ вамъ, я готовъ даже на преступленіе. Чтобы только купить вашу любовь, я готовъ заплатить своимъ безчестіемъ. (Встаетъ и подходитъ къ Вышневской.)

Вышневская.

Аристархъ Владимірычъ, я притворяться не могу.

Вышневскій (беретъ ее за руку).

Притворитесь! притворитесь!

Вышневская (отвернувшись).

Никогда.

Вышневскій.

Но, вѣдь, я васъ люблю! (Дрожа, опускается на колѣни). Я васъ люблю!

Вышневская.

Аристархъ Владимірычъ, не унижайтесь! Вамъ одѣваться пора. (Звонитъ. Вышневскій поднимается. Входитъ Антонъ изъ кабинета.) Одѣваться Аристарху Владимірычу.

Антонъ.

Пожалуйте, готово-съ. (Уходитъ въ кабинетъ, Вышневскій идетъ за нимъ.)

Вышневскій (въ дверяхъ).

Змѣя! змѣя! (Уходитъ.)

Явленіе второе.

Вышневская

(одна, сидитъ нѣсколько времени задумавшись. Входитъ мальчикъ, подаетъ письмо и уходитъ).

Отъ кого это? (Распечатываетъ и читаетъ.) Вотъ еще мило! Любовное посланіе. И отъ кого же! Пожилой человѣкъ, жена красавица. Мерзко! Оскорбительно! Что дѣлать женщинѣ въ такомъ случаѣ? И какія пошлости написаны! Какія глупыя нѣжности! Послать его назадъ? Нѣтъ, лучше показать его кое-кому изъ знакомыхъ да посмѣяться вмѣстѣ, все-таки, развлеченіе ... фу, какъ гадко! (Уходитъ. Антонъ выходитъ изъ кабинета и становится у двери; входитъ Юсовъ, потомъ Бѣлогубовъ.)

Явленіе третье.

Антонъ, Юсовъ и Бѣлогубовъ.

Юсовъ (съ портфелемъ).

Доложи-ка, Антоша. (Антонъ уходитъ. Юсовъ поправляется передъ зеркаломъ.)

Антонъ (въ дверяхъ).

Пожалуйте. (Юсовъ уходитъ.)

Бѣлогубовъ

(входитъ, вынимаетъ изъ кармана гребенку и причесывается).

Что, Акимъ Акимычъ здѣсь-съ?

Антонъ.

Сейчасъ прошли въ кабинетъ.

Бѣлогубовъ.

А сами-то какъ сегодня? Ласковы-съ?

Антонъ.

Не знаю. (Уходитъ. Бѣлогубовъ стоитъ у стола подлѣ зеркала.)

Юсовъ (выходя, замѣтно важничаетъ).

А, ты здѣсь.

Бѣлогубовъ.

Здѣсь-съ.

Юсовъ (просматривая бумагу).

Бѣлогубовъ!

Бѣлогубовъ.

Чего изволите-съ?

Юсовъ.

Вотъ, братецъ ты мой, возьми домой, перепиши это почище. Приказали.

Бѣлогубовъ.

Мнѣ приказали переписать-съ?

Юсовъ (садясь).

Тебѣ. У него, сказали, почеркъ хорошъ.

Бѣлогубовъ.

Мнѣ очень пріятно слышать-съ.

Юсовъ.

Такъ ты слушай, братецъ: ты не торопись. Главное, чтобы было почище. Видишь, куда посылать ...

Бѣлогубовъ.

Я, вѣдь, Акимъ Акимычъ, понимаю-съ. Каллиграфически напишу-съ, всю ночь просижу.

Юсовъ (вздыхаетъ).

Охо-хо-хо! охо-хо-хо!

Бѣлогубовъ.

Мнѣ, Акимъ Акимычъ, только бы обратили вниманіе.

Юсовъ (строго).

Что̀ ты, шутишь этимъ, что̀ ли?

Бѣлогубовъ.

Какъ можно-съ! ...

Юсовъ.

Обратили вниманіе ... Легко сказать! Чего еще нужно чиновнику? Чего онъ еще желать можетъ?

Бѣлогубовъ.

Да-съ.

Юсовъ.

Обратили на тебя вниманіе, ну, ты и человѣкъ, дышешь; а не обратили — что̀ ты?

Бѣлогубовъ.

Ну, что̀ ужь-съ.

Юсовъ.

Червь!

Бѣлогубовъ.

Я, кажется, Акимъ Акимычъ, стараюсь-съ.

Юсовъ.

Ты? (Смотритъ на него.) Ты у меня на хорошемъ замѣчаніи.

Бѣлогубовъ.

Я, Акимъ Акимычъ, даже въ пищѣ себѣ отказываю, чтобъ быть чисто одѣтымъ. Чисто одѣтый чиновникъ, вѣдь, всегда на виду у начальства-съ. Вотъ извольте посмотрѣть, какая талія ... (Поворачивается.)

Юсовъ.

Постой. (Оглядываетъ его и нюхаетъ табакъ.) Талія хороша ... Да еще, Бѣлогубовъ, смотри, пограмотнѣй.

Бѣлогубовъ.

Вотъ правописаніе-то я, Акимъ Акимычъ, плохо-съ .... Такъ что, повѣрите-ли, самому обидно.

Юсовъ.

Эка важность, правописаніе! Не все вдругъ, привыкнешь. Напиши сначала черновую, да и попроси поправить, а потомъ ужь съ этого и пиши. Слышишь, что я говорю?

Бѣлогубовъ.

Ужь попрошу кого-нибудь-съ поправить, а то все Жадовъ смѣется-съ.

Юсовъ.

Кто?

Бѣлогубовъ.

Жадовъ-съ.

Юсовъ (строго).

Да самъ-то онъ что̀ такое? Что̀ за птица? Еще смѣется!

Бѣлогубовъ.

Какъ же-съ, вѣдь, надо показать, что ученый-съ.

Юсовъ.

Тьфу! Вотъ что̀ онъ.

Бѣлогубовъ.

Я даже никакъ не могу опредѣлить его, Акимъ Акимычъ, что̀ онъ за человѣкъ-съ.

Юсовъ.

Ничтожество! ... (Молчаніе.) Сейчасъ я тамъ былъ (показывая на кабинетъ), такъ говорили (тихо): не знаю, что̀ съ племянникомъ дѣлать! Пойми изъ этого.

Бѣлогубовъ.

А, вѣдь, какъ о себѣ-то много мечтаетъ-съ.

Юсовъ.

Высоко летаетъ, да гдѣ-то сядетъ! Ужь чего лучше: жилъ здѣсь на всемъ на готовомъ. Что̀-жь ты думаешь, благодарность онъ чувствовалъ какую-нибудь? Уваженіе отъ него видѣли? Какъ же не такъ! Грубость, вольнодумство ... Вѣдь, хоть и родственникъ ему, а все таки, особа ... кто же станетъ переносить? Ну, вотъ ему и сказали, другу милому: поди-ка поживи своимъ разумомъ, на десять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, авось, поумнѣе будешь.

Бѣлогубовъ.

Вотъ глупость-то до чего доводитъ-съ, Акимъ Акимычъ! Кажется, то-есть ... Господи ... этакое счастіе! Поминутно долженъ Бога благодарить. Вѣдь, такъ я говорю, Акимъ Акимычъ, долженъ онъ Бога благодарить-съ?

Юсовъ.

Еще-бы!

Бѣлогубовъ.

Самъ отъ своего счастія бѣгаетъ. Чего ему еще нужно-съ! Чинъ имѣетъ, въ родствѣ съ такимъ человѣкомъ, содержаніе имѣлъ готовое; кабы захотѣлъ, могъ бы мѣсто имѣть хорошее, съ большимъ доходомъ-съ. Вѣдь, Аристархъ Владимірычъ ему не отказали бы!

Юсовъ.

Ну, вотъ поди же!

Бѣлогубовъ.

Мое мнѣніе такое, Акимъ Акимычъ, что другой человѣкъ, съ чувствомъ, на его мѣстѣ, сталъ бы сапоги чистить Аристарху Владимірычу, а онъ еще огорчаетъ такого человѣка.

Юсовъ.

Все гордость да разсужденіе.

Бѣлогубовъ.

Какое же разсужденіе! Объ чемъ мы можемъ разсуждать? Я, Акимъ Акимычъ, никогда ...

Юсовъ.

Еще бы ты-то!

Бѣлогубовъ.

Я никогда-съ ... потому это ни къ чему не ведетъ къ хорошему, окромя непріятности.

Юсовъ.

Какъ же ему не разговаривать! Надобно же ему показать-то, что въ университетѣ былъ.

Бѣлогубовъ.

Какая же польза отъ ученья, когда въ человѣкѣ

нѣтъ страху ... никакого трепету передъ начальствомъ?

Юсовъ.

Чего?

Бѣлогубовъ.

Трепету-съ.

Юсовъ.

Ну, да.

Бѣлогубовъ.

Меня бы, Акимъ Акимычъ, столоначальникомъ-съ.

Юсовъ.

У тебя губа-то не дура.

Бѣлогубовъ.

Я, вѣдь, больше потому-съ, что у меня теперь невѣста есть-съ. Барышня и отлично образованная-съ. Только безъ мѣста нельзя-съ, кто-жь отдастъ.

Юсовъ.

Что̀-жь не покажешь?

Бѣлогубовъ.

Первымъ долгомъ-съ ... хоть нынче-же ... какъ вмѣсто родственника-съ.

Юсовъ.

А объ мѣстѣ я доложу. Мы подумаемъ.

Бѣлогубовъ.

Мнѣ-бы ужь это мѣсто на всю жизнь-съ. Я хоть подписку дамъ, потому выше я не могу-съ. Мнѣ не по способностямъ. (Входитъ Жадовъ).

Явленіе четвертое.

Тѣ же и Жадовъ.

Жадовъ.

Что̀, дядюшка занятъ?

Юсовъ.

Занятъ.

Жадовъ.

Ахъ, жалко! А мнѣ очень нужно его видѣть.

Юсовъ.

Можно и подождать, у нихъ дѣла-то поважнѣй вашихъ.

Жадовъ.

Почемъ вы знаете мои дѣла?

Юсовъ (смотритъ на него и смѣется).

Какія у васъ дѣла! Такъ, вздоръ какой-нибудь.

Жадовъ.

Съ вами лучше не говорить, Акимъ Акимычъ; вы всегда на грубость напрашиваетесь. (Отходитъ и садится на авансценѣ.)

Юсовъ (Бѣлогубову)

Каковъ?

Бѣлогубовъ (громко).

Не стоитъ вниманія разговаривать-то! Только вамъ, на старости лѣтъ, себя безпокоить. Прощайте-съ. (Уходитъ.)

Явленіе пятое.

Жадовъ и Юсовъ.

Юсовъ (про себя).

Ха, ха, ха! Жили, жили, да, слава Богу, дожили. Мальчишки стали носъ поднимать.

Жадовъ (оглядывается).

Что вы тамъ ворчите?

Юсовъ (продолжаетъ).

Дѣлать, что приказано, мы не любимъ, а разсуждать вотъ наше дѣло. Какъ можно намъ въ канцеляріи сидѣть! Насъ бы всѣхъ министрами сдѣлать! Ну, что-жь дѣлать, ошиблись, извините, пожалуйста, не знали вашихъ талантовъ. Сдѣлаемъ министрами, непремѣнно сдѣлаемъ ... погодите немножко ... завтра же.

Жадовъ (про себя).

Надоѣлъ!

Юсовъ.

Боже мой! Боже мой! Ни стыда, ни совѣсти. У другого еще и губы не обсохли, а ужь амбицію показываетъ. Кто я! Не тронь меня! (Входитъ Антонъ.)

Антонъ (Юсову).

Пожалуйте къ барину. (Юсовъ уходитъ въ кабинетъ.)

Жадовъ.

Скажи Аннѣ Павловнѣ, что я хочу ихъ видѣть.

Антонъ.

Слушаю-съ. (Уходитъ.)

Явленіе шестое.

Жадовъ (одинъ).

Что этотъ старый хрычъ разворчался! Что я ему сдѣлалъ? Университетскихъ, говоритъ, терпѣть не могу. Да развѣ я виноватъ? Вотъ и служи подъ этакимъ начальствомъ. А впрочемъ, что же онъ мнѣ сдѣлаетъ, коли я буду себя вести хорошо? А вотъ какъ вакансія откроется, такъ, пожалуй, мѣстомъ и обойдутъ. Отъ нихъ станется. (Вышневская входитъ.)

Явленіе седьмое.

Жадовъ и Вышневская.

Вышневская.

Здравствуйте, Василій Николаичъ!

Жадовъ.

Ахъ, тетенька, здравствуйте! (Цалуетъ у нея руку.) Я вамъ новость скажу.

Вышневская.

Садитесь. (Садятся.) Что̀ за новость?

Жадовъ.

Я жениться хочу.

Вышневская.

Не рано ли?

Жадовъ.

Влюбленъ, тетушка, влюбленъ. И какая дѣвушка-то! Совершенство!

Вышневская.

А богата она?

Жадовъ.

Нѣтъ, тетушка, у ней ничего нѣтъ.

Вышневская.

Чѣмъ же вы жить-то будете?

Жадовъ.

А голова-то, а руки-то на что̀? Неужели мнѣ весь вѣкъ жить на чужой счетъ? Конечно, другой былъ бы радъ, благо случай есть, а я не могу. Ужь не говоря про то, что для этого я долженъ, изъ угожденія дядѣ, противорѣчить собственнымъ убѣжденіямъ. А кто-жь будетъ работать-то? Зачѣмъ же

насъ учили-то? Дядя совѣтуетъ прежде нажить денегъ, какимъ бы то ни было образомъ, купить домъ завесть лошадей, а потомъ ужь завести и жену. Могу ли я согласиться съ нимъ? Я полюбилъ дѣвушку, какъ любятъ только въ мои лѣта. Неужели я долженъ отказаться отъ счастія оттого только, что она не имѣетъ состоянія?

Вышневская.

Страдаютъ не отъ одной бѣдности, страдаютъ и отъ богатства.

Жадовъ.

Помните наши разговоры съ дядей? Что ни скажешь, бывало, противъ взятокъ или вообще противъ всякой неправды, у него одинъ отвѣтъ: поди-ка, поживи, не то заговоришь. Ну, вотъ я и хочу пожить, да еще не одинъ, а съ молодой женой.

Вышневская (вздыхая).

Да, позавидуешь женщинамъ, которыхъ любятъ такіе люди, какъ вы.

Жадовъ (цалуя руку).

Ужь какъ я буду трудиться, тетушка! Большаго вѣроятно, жена отъ меня не потребуетъ. А если и случится даже нѣкоторое время перенести нужду, такъ, вѣроятно, Полина, изъ любви ко мнѣ, не покажетъ и виду неудовольствія. Но, во всякомъ случаѣ, какъ бы жизнь ни была горька, я не уступлю даже милліонной доли тѣхъ убѣжденій, которыми я обязанъ воспитанію.

Вышневская.

За васъ-то можно поручиться; но ваша жена ... молодая женщина! Ей трудно будетъ перенести какой бы то ни было недостатокъ. У насъ очень дурно воспитываютъ дѣвушекъ. Вы, молодые люди,

представляете насъ ангелами, а повѣрьте, Василій Николаичъ, что мы хуже мужчинъ. Мы корыстнѣе, пристрастнѣе. Что̀ дѣлать! нужно признаться: въ насъ чувства чести и строгой справедливости гораздо меньше. Что̀ еще въ насъ нехорошо, такъ это — недостатокъ деликатности. Женщина способна упрекнуть, что̀ рѣдкій развитой мужчина позволитъ себѣ. Самыя обидныя колкости нерѣдки между короткими пріятельницами. Иногда глупый попрекъ женщины тяжелѣе всякой обиды.

Жадовъ.

Это правда. Но я самъ буду ее воспитывать. Она еще совсѣмъ ребенокъ, изъ нея еще можно сдѣлать все. Только надобно ее поскорѣй вырвать изъ семейства, пока не успѣли ее испортить пошлымъ воспитаніемъ. А какъ сдѣлаютъ ее барышней, въ полномъ смыслѣ этого слова, тогда ужь поздно.

Вышневская.

Не смѣю сомнѣваться и не хочу васъ разочаровывать. Было бы неблагородно съ моей стороны охлаждать васъ на первыхъ порахъ. Давайте больше воли вашему сердцу, пока оно еще не зачерствѣло. Не бойтесь бѣдности. Богъ васъ благословитъ. Повѣрьте, что никто такъ не пожелаетъ вамъ счастья, какъ я.

Жадовъ.

Я всегда былъ въ этомъ увѣренъ, тетушка.

Вышневская.

Одно меня безпокоитъ: ваша нетерпимость. Вы постоянно наживаете себѣ враговъ.

Жадовъ.

Да, мнѣ всѣ говорятъ, что я нетерпимъ, что отъ этого я много теряю. Да развѣ нетерпимость недостатокъ? Развѣ лучше равнодушно смотрѣть на Юсо-

выхъ, Бѣлогубовыхъ и на всѣ мерзости, которыя постоянно кругомъ тебя дѣлаются? Отъ равнодушія не далеко до порока. Кому порокъ не гадокъ, тотъ самъ понемногу втянется.

Вышневская.

Я не называю нетерпимость недостаткомъ, только знаю по опыту, какъ она неудобна въ жизни. Я видала примѣры ... когда-нибудь вы узнаете.

Жадовъ.

Какъ вы думаете, откажетъ мнѣ дядюшка, или нѣтъ? Я хочу попросить прибавки жалованья. Мнѣ-бы теперь очень кстати.

Вышневская.

Не знаю. Попросите. (Входятъ Вышневскій во фракѣ и парикѣ, за нимъ Юсовъ.)

Явленіе восьмое.

Тѣ же, Вышневскій и Юсовъ.

Вышневскій (Жадову).

А, здравствуй! (Садится.) Садись! Садись, Акимъ Акимычъ! Ты все лѣнишься, на службу рѣдко ходишь.

Жадовъ.

Дѣлать нѣчего. Не даютъ дѣла.

Юсовъ.

Мало ли дѣла у насъ!

Жадовъ.

Переписывать-то? Нѣтъ ужь, я слуга покорный! На это у васъ есть чиновники способнѣе меня.

Вышневскій.

Ты все еще не уходился, мой милый! Все проповѣди читаешь. (Къ женѣ.) Представьте: читаетъ въ

канцеляріи писарямъ мораль, а тѣ, натурально, ничего не понимаютъ, сидятъ, розиня ротъ, выпуча глаза. Смѣшно, любезный!

Жадовъ.

Какъ я буду молчать, когда на каждомъ шагу вижу мерзости? Я еще не потерялъ вѣру въ человѣка, я думаю, что мои слова произведутъ на нихъ дѣйствіе.

Вышневскій.

Они ужь и произвели: ты сталъ посмѣшищемъ всей канцеляріи. Ты ужь достигъ своей цѣли, успѣлъ сдѣлать такъ, что всѣ съ улыбкой переглядываются и перешёптываются, когда ты входишь, и распространяется общій хохотъ, когда ты уйдешь.

Юсовъ.

Да-съ.

Жадовъ.

Однако, что̀ же смѣшного въ моихъ словахъ?

Вышневскій.

Все, мой другъ. Начиная отъ излишняго, нарушающаго приличія увлеченія, до ребяческихъ, непрактическихъ выводовъ. Повѣрь, что каждый писецъ лучше тебя знаетъ жизнь; знаетъ по собственному опыту, что лучше быть сытымъ, чѣмъ голоднымъ философомъ, и твои слова, естественно, кажутся имъ глупыми.

Жадовъ.

А мнѣ кажется, что они знаютъ только то, что взяточникомъ быть выгоднѣе, нежели честнымъ человѣкомъ.

Юсовъ.

Гмъ, гмъ . . .

Вышневскій.

Глупо, мой милый! И дерзко, и глупо.

Жадовъ.

Позвольте, дядюшка! Для чего же насъ учили, для чего же въ насъ развивали такія понятія, которыхъ нельзя выговорить вслухъ безъ того, чтобы вы не обвинили въ глупости или дерзости?

Вышневскій.

Не знаю, кто васъ тамъ и чему училъ. Мнѣ кажется, что лучше учить дѣлать дѣло и уважать старшихъ, чѣмъ болтать вздоръ.

Юсовъ.

Да-съ гораздо бы лучше.

Жадовъ.

Извольте, я буду молчать; но разстаться съ моими убѣжденіями я не могу: они для меня единственное утѣшеніе въ жизни.

Вышневскій.

Да, на чердакѣ, за кускомъ чернаго хлѣба. Славное утѣшеніе! Съ голоду восхвалять свою добродѣтель и ругать товарищей и начальниковъ за то, что они умѣли устроить свою жизнь и живутъ въ довольствѣ, семейно и счастливо. Прекрасно! тутъ и зависть пособитъ.

Жадовъ.

Боже мой!

Вышневская.

Это жестоко.

Вышневскій.

Пожалуйста, не думай, чтобы ты говорилъ что-нибудь новое. Всегда это было и всегда будетъ.

Человѣкъ, который не умѣлъ или не успѣлъ нажить себѣ состояніе, всегда будетъ завидовать человѣку съ состояніемъ — это въ натурѣ человѣка. Оправдать зависть тоже легко. Завидующіе люди обыкновенно говорятъ: я не хочу богатства; я бѣденъ, но благороденъ.

Юсовъ.

Медоточивыя уста!

Вышневскій.

Благородная бѣдность хороша только на театрѣ. А попробуй перенести ее въ жизни. Это, мой другъ, не такъ легко и пріятно, какъ намъ кажется. Ты же привыкъ слушаться только самого себя, пожалуй, еще женишься. Что тогда будетъ? Вотъ любопытно!

Жадовъ.

Да, дядюшка, я женюсь, и хотѣлъ объ этомъ говорить съ вами.

Вышневскій.

И, вѣроятно, по любви, на бѣдной дѣвушкѣ, а еще, пожалуй, и на дурѣ, которая объ жизни имѣетъ столько же понятія, сколько и ты; но ужь, навѣрно, она образована и поетъ подъ разстроенныя фортепьяно: „съ милымъ рай и въ шалашѣ“.

Жадовъ.

Да, она бѣдная дѣвушка.

Вышневскій.

И прекрасно.

Юсовъ.

Для размноженія нищихъ-съ . . .

Жадовъ.

Акимъ Акимычъ, не оскорбляйте меня. Я вамъ не давалъ на это никакого права. Дядюшка, бракъ

дѣло великое, и я думаю, что каждый въ этомъ дѣлѣ долженъ слѣдовать собственному внушенію.

Вышневскій.

Сдѣлай милость, тебѣ никто и не мѣшаетъ. Только подумалъ ли ты вотъ объ чемъ? Ты, конечно, любишь свою невѣсту?

Жадовъ.

Разумѣется, люблю.

Вышневскій.

Что же ты готовишь для нея, какія радости въ жизни? Нищету, всевозможныя лишенія. По моему мнѣнію, кто любитъ женщину, тотъ старается усыпать путь ея, такъ сказать, всѣми наслажденіями.

Юсовъ.

Да-съ.

Вышневскій.

Вмѣсто шляпокъ тамъ и разныхъ модъ, которыя женщины считаютъ необходимыми, ты будешь ей читать лекціи о добродѣтели. Она, конечно, изъ любви, тебя выслушаетъ, а шляпокъ и салоповъ у нея, все-таки, не будетъ.

Вышневская.

Въ его лѣта еще любовь не покупаютъ.

Жадовъ.

Тетушка говоритъ правду.

Вышневскій.

Я согласенъ, покупать любовь тебѣ нѣтъ надобности; но вознаградить ее, отплатить за любовь обязанъ всякій, иначе самая безкорыстная любовь остынетъ. Пойдутъ попреки, сѣтованія на судьбу. Не знаю, каково будетъ тебѣ переносить, когда

жена поминутно будетъ раскаяваться вслухъ, что, по неопытности, связала свою судьбу съ нищимъ. Однимъ словомъ, ты *обязанъ* составить счастіе женщины, которую ты любишь. А безъ богатства или, по крайней мѣрѣ, довольства нѣтъ счастія для женщины. Ты, можетъ быть, по своему обыкновенію, станешь мнѣ противорѣчить; такъ я тебѣ докажу, что это правда. Оглянись вокругъ себя: какая умная дѣвушка задумается выйти замужъ за богатаго старика или урода? Какая мать усомнится выдать дочь такимъ образомъ, даже противъ ея воли, считая слезы своей дочери за глупость, за ребячество, и благодаря Бога, что онъ послалъ ея Машенькѣ или Аннушкѣ такое счастіе. Каждая мать напередъ увѣрена, что дочь послѣ будетъ благодарить ее. Да и для собственнаго спокойствія, которое тоже что-нибудь стоитъ, мужъ долженъ обезпечить жену совершенно въ матеріальномъ отношеніи; тогда даже . . . даже если жена и не совсѣмъ счастлива, такъ не имѣетъ права . . . не смѣетъ жаловаться. (Съ жаромъ.) Женщинѣ, взятой изъ бѣдности и окруженной попеченіями и роскошью, кто же повѣритъ, что она несчастлива? Спроси у жены, правду ли я говорю.

Вышневская.

Ваши слова такъ умны и убѣдительны, что могутъ обойтись и безъ моего согласія. (Уходитъ.)

Явленіе девятое.

Тѣ же безъ **Вышневской.**

Жадовъ.

Не всѣ же женщины таковы, какъ вы говорите.

Вышневскій.

Почти всѣ. Есть, конечно, исключенія; но мудрено, чтобъ на твою долю выпало это исключеніе.

Для этого надобно пожить, поискать, а не влюбляться, какъ ты, въ первую встрѣчную. Послушай, я съ тобой буду говорить, какъ родственникъ, потому что мнѣ жаль тебя. Что ты въ самомъ дѣлѣ о себѣ думаешь? Какъ ты будешь жить съ женой безъ средствъ?

Жадовъ.

Я буду жить трудомъ. Я надѣюсь, что спокойствіе совѣсти можетъ замѣнить для меня земныя блага.

Вышневскій.

Труда твоего мало будетъ для поддержки семейства. Мѣста хорошаго ты не получишь, потому что ты съ своимъ глупымъ характеромъ не съумѣешь ни одного начальника расположить въ свою пользу, а скорѣе вооружишь. Спокойствіе совѣсти тоже не спасетъ тебя отъ голоду. Вотъ видишь, мой другъ, въ обществѣ замѣтно распространяется роскошь, а ваши спартанскія добродѣтели не живутъ вмѣстѣ съ роскошью. Мнѣ твоя мать поручила заботиться о тебѣ, и я обязанъ для тебя сдѣлать все, что могу. Вотъ что я тебѣ совѣтую въ послѣдній разъ: укроти немного свой характеръ, брось завиральныя идеи, брось, глупо, вѣдь; служи, какъ служатъ всѣ порядочные люди, то-есть, гляди на жизнь и на службу практически. Тогда я могу тебѣ помочь и совѣтомъ, и деньгами, и протекціей. Ты ужь не маленькій — жениться сбираешься.

Жадовъ.

Никогда!

Вышневскій.

Какъ это громко — „никогда!“ и какъ это глупо вмѣстѣ съ тѣмъ! Я такъ думаю, что ты возьмешься за умъ; я довольно видѣлъ такихъ примѣровъ, только, смотри, не опоздай. Теперь у тебя

есть случай и покровительство, а тогда можетъ не быть: ты испортишь карьеру, товарищи твои уйдутъ впередъ, трудно будетъ тебѣ начинать опять сначала. Я говорю тебѣ, какъ чиновникъ.

Жадовъ.

Никогда, никогда.

Вышневскій.

Ну, такъ живи, какъ знаешь, безъ поддержки. На меня ужь не надѣйся. Мнѣ надоѣло и говорить-то съ тобой.

Жадовъ.

Боже мой! Поддержка будетъ для меня въ общественномъ мнѣніи.

Вышневскій.

Да, дожидайся! У насъ общественнаго мнѣнія нѣтъ, мой другъ, и быть не можетъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ ты понимаешь. Вотъ тебѣ общественное мнѣніе: не поймалъ — не воръ. Какое дѣло обществу, на какіе доходы ты живешь, лишь бы ты жилъ прилично и велъ себя, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку. Ну, а если ты будешь ходить безъ сапогъ и читать всѣмъ мораль, такъ ужь извини, если тебя не примутъ въ порядочныхъ домахъ и будутъ говорить о тебѣ, какъ о пустомъ человѣкѣ. Я служилъ въ губернскихъ городахъ: тамъ короче знаютъ другъ друга, чѣмъ въ столицахъ; знаютъ, что каждый имѣетъ, чѣмъ живетъ, слѣдовательно, легче можетъ составиться общественное мнѣніе. Нѣтъ, люди — вездѣ люди. И тамъ смѣялись при мнѣ надъ однимъ чиновникомъ, который жилъ только на жалованье съ большою семьей, и говорили по городу, что онъ самъ себѣ шьетъ сюртуки; и тамъ весь городъ уважалъ первѣйшаго взяточника за то, что онъ жилъ открыто и у него по два раза въ недѣлю бывали вечера.

Жадовъ.

Неужели это правда?

Вышневскій.

Поживи, такъ узнаешь. Пойдемъ, Акимъ Акимычъ. (Встаетъ.)

Жадовъ.

Дядюшка!

Вышневскій.

Что такое?

Жадовъ.

Я получаю очень мало жалованья, мнѣ нѣчѣмъ жить. Теперь есть вакансія; позвольте мнѣ занять ее, я женюсь . . .

Вышневскій.

Гмъ . . . Для этого мѣста нужно мнѣ не женатаго, а способнаго человѣка. Я не могу, по совѣсти, дать тебѣ больше жалованья: во-первыхъ, ты его не стоишь, а во-вторыхъ — ты мой родственникъ, сочтутъ лицепріятіемъ.

Жадовъ.

Какъ вамъ угодно. Буду жить на тѣ средства, какія имѣю.

Вышневскій.

Да вотъ еще, мой милый! скажу тебѣ одинъ разъ навсегда: мнѣ твой разговоръ не нравится, выраженья твои рѣзки и непочтительны, и я не вижу никакой надобности для тебя разстроиваться. Не думай, чтобы я считалъ твои мнѣнія оскорбительными — это слишкомъ много чести для тебя, я просто считаю ихъ глупыми. И потому всѣ мои отношенія къ тебѣ, кромѣ начальническихъ, ты можешь считать совершенно конченными.

Жадовъ.

Такъ я перейду лучше въ другое мѣсто.

Вышневскій.

Сдѣлай милость. (Уходитъ.)

Явленіе десятое.

Жадовъ и Юсовъ.

Юсовъ (смотря ему въ глаза)

Ха, ха, ха, ха! . . .

Жадовъ.

Чему вы смѣетесь?

Юсовъ.

Ха, ха, ха! . . . Да какъ же не смѣяться-то? Съ кѣмъ вы спорите? ха, ха, ха! Да на что же это похоже?

Жадовъ.

Что же тутъ смѣшного?

Юсовъ.

Что-жь, дядюшка-то глупѣе васъ? А, глупѣе? Мéньше васъ понимаетъ въ жизни? Да, вѣдь, это курамъ на смѣхъ. Вѣдь, этакъ вы когда-нибудь уморите со смѣху. Помилуйте, пощадите, у меня семейство.

Жадовъ.

Вы этого, Акимъ Акимычъ, не понимаете.

Юсовъ.

Понимать-то тутъ нѣчего. Хоть тысячу человѣкъ приведите, всѣ бы померли со смѣху, глядя на васъ. Этого человѣка вамъ бы слушать надобно было, розиня ротъ, чтобы словечка не проронить, да слова-то его на носу зарубить, а вы спорите! Вѣдь,

это комедія, ей Богу комедія, ха, ха, ха! ... Вотъ васъ дядюшка-то и отдѣлали, хе, хе, хе, да еще мало. То ли-бы слѣдовало. Будь я на его мѣстѣ ... (Дѣлаетъ строгую гримасу и уходитъ въ кабинетъ.)

Явленіе одиннадцатое.

Жадовъ (одинъ, подумавъ).

Да, разговаривайте! Не вѣрю я вамъ. Не вѣрю и тому, чтобы честнымъ трудомъ не могъ образованный человѣкъ обезпечить себя съ семействомъ. Не хочу вѣрить и тому, что общество такъ развратно! Это обыкновенная манера стариковъ разочаровывать молодыхъ людей: представлять имъ все въ черномъ свѣтѣ. Людямъ стараго вѣка завидно, что мы такъ весело и съ такою надеждой смотримъ на жизнь. А, дядюшка! я васъ понимаю. Вы теперь всего достигли — и знатности, и денегъ, вамъ нѣкому завидовать. Вы завидуете только намъ, людямъ съ чистою совѣстью, съ душевнымъ спокойствіемъ. Этого вы не купите ни за какія деньги. Разсказывайте, что̀ хотите, а я, все-таки, женюсь и буду жить счастливо. (Уходитъ. Вышневскій и Юсовъ выходятъ изъ кабинета).

Явленіе двѣнадцатое.

Юсовъ и Вышневскій.

Вышневскій.

На комъ онъ женится?

Юсовъ.

На Кукушкиной. Дочь вдовы коллежскаго ассесора.

Вышневскій.

Ты знакомъ съ ней?

Юсовъ.

Такъ-съ, съ мужемъ былъ знакомъ. Бѣлогубовъ на другой сестрѣ жениться хочетъ.

Вышневскій.

Ну, Бѣлогубовъ другое дѣло. Во всякомъ случаѣ, ты къ ней съѣзди. Растолкуй ей, чтобы она не губила своей дочери, не отдавала за этого дурака. (Киваетъ головой и уходитъ).

Явленіе тринадцатое.

Юсовъ (одинъ).

Что это за время такое! Что теперь на свѣтѣ дѣлается, глазамъ своимъ не повѣришь! Какъ жить на свѣтѣ! Мальчишки стали разговаривать! Кто разговариваетъ-то? Кто споритъ-то? Такъ, ничтожество. Дунулъ на него, фу! (дуетъ) вотъ и нѣтъ человѣка! Да еще съ кѣмъ споритъ-то! Съ геніемъ. Аристархъ Владимірычъ геній ... геній, Наполеонъ. Ума необъятнаго, быстрота, смѣлость въ дѣлахъ. Одного не достаетъ: въ законѣ не совсѣмъ твердъ, изъ другого вѣдомства. Кабы Аристархъ Владимірычъ, при его умѣ, да зналъ законы и всѣ порядки такъ, какъ его предшественникъ, ну и конецъ ... конецъ ... и разговаривать нѣчего. Поѣзжай за нимъ, какъ по желѣзной дорогѣ. Такъ ухватись за него, да и ступай. И чины, и ордена, и всякія угодья, и дома, и деревни съ пустошами ... Духъ захватываетъ! (Уходитъ).

Дѣйствіе второе [1].

Комната въ домѣ Кукушкиной: обыкновенная гостиная въ небогатыхъ домахъ. По срединѣ дверь и налѣво дверь.

Явленіе первое.

Юлинька, Полина (стоятъ передъ зеркаломъ) **и Стеша** (со щеткой и крыломъ въ рукахъ).

Стеша.

Ну вотъ, мои барышни и готовы. Хотъ сейчасъ женихи наѣзжайте, какъ на выставку выставлены, первый сортъ. Такой форсъ покажемъ — въ носъ бросится. Генералу какому не стыдно показать!

Полина.

Ну, Юлинька, по мѣстамъ; сядемъ, какъ умныя барышни сидятъ. Сейчасъ маменька будетъ намъ смотръ дѣлать. Товаръ лицомъ продаетъ.

Стеша (стирая пыль).

Да ужь какъ ни смотри, все въ порядкѣ, все на своемъ мѣстѣ, все подшпилено да подколото.

Юлинька.

Она у насъ такой ревизоръ; что-нибудь отыщетъ. (Садятся.)

Стеша

(останавливается посреди комнаты).

Ужь и въ самомъ дѣлѣ, барышни, вамъ отъ нея житья нѣтъ вовсе. Муштруетъ, муштруетъ, какъ

---

[1] Между первымъ и вторымъ дѣйствіями проходитъ около года.

солдатъ на ученьи. Всѣ на вытяжкѣ да на вытяжкѣ, только что ноги поднимать не заставляетъ. А ужь надо мной-то измывается, измывается — одной только чистотой одолѣла. (Стираетъ пыль.)

Юлинька.

Нравится тебѣ твой женихъ, Василій Николаичъ?

Полина.

Ахъ, просто душка! А тебѣ твой Бѣлогубовъ?

Юлинька.

Нѣтъ, дрянь ужасная!

Полина.

Зачѣмъ же ты маменькѣ не скажешь?

Юлинька.

Вотъ еще! Сохрани Господи! Я рада-радехонька хоть за него выйти, только бы изъ дому-то вырваться.

Полина.

Да, правда твоя! Не попадись и мнѣ Василій Николаичъ, кажется, рада бы первому встрѣчному на шею броситься: хоть бы плохенькой какой, только-бы изъ бѣды выручилъ, изъ дому взялъ. (Смѣется).

Стеша (нагибаясь подъ диванъ).

Ужь истинно мука мученическая. Вотъ ужь правду, барышня, говорите.

Полина.

Другія дѣвушки плачутъ, Юлинька, какъ замужъ идутъ: какъ же это съ домомъ разстаться! Каждый уголокъ оплачутъ. А мы съ тобой, хоть за тридевять земель сейчасъ, хоть бы какой змѣй-горынычъ унесъ. (Смѣется.)

Стеша.

Вотъ, не сотри я здѣсь, такъ будетъ на орѣхи. А кто тутъ увидитъ, кому нужно! (Стираетъ подъ зеркаломъ.)

Юлинька.

Ты счастлива, Полина; тебѣ все смѣшно; а я такъ серьёзно начинаю подумывать. Выйти замужъ не хитро — эта наука намъ извѣстна; надобно подумать и о томъ, какъ будешь жить замужемъ.

Полина.

А объ чемъ тутъ думать? Ужь вѣрно не будетъ хуже, чѣмъ дома.

Юлинька.

Не хуже! этого мало. Надобно, чтобъ лучше было. Ужь коли выйти замужъ, такъ чтобы быть дамой, какъ слѣдуетъ барыней.

Полина.

Оно бы очень хорошо, чего лучше, да только какъ это сдѣлать? Ты, вѣдь, у насъ умница: научи!

Юлинька.

Надобно замѣчать изъ разговора, у кого что̀ есть, кто на что̀ надѣется. Коли теперь нѣтъ, такъ въ виду чего не имѣетъ ли. Ужь сейчасъ изъ словъ видно, кто какой человѣкъ. Твой Жадовъ что̀ говоритъ съ тобой, какъ вы одни остаетесь?

Полина.

Ну ужь, Юлинька, вотъ хоть сейчасъ голову на отсѣченіе, ничего не понимаю, что̀ онъ говоритъ. Сожметъ руку такъ крѣпко и начнетъ говорить, и начнетъ . . . чему-то меня учить хочетъ.

Юлинька.

Чему же?

Полина.

Ужь право, Юлинька, не знаю. Что-то очень мудрено. Погоди, можетъ быть, вспомню, только какъ бы не засмѣяться, слова такія смѣшныя! Постой, постой, вспомнила! (Передразнивая.) „Какое назначеніе женщины въ обществѣ?“ Про какія-то еще гражданскія добродѣтели говорилъ. Я ужь и не знаю, что такое. Насъ, вѣдь, этому не учили?

Юлинька.

Нѣтъ, не учили.

Полина.

Онъ, должно быть, въ тѣхъ книгахъ читалъ, которыя намъ не давали. Помнишь ... въ пансіонѣ? Да мы, правда, никакихъ не читали.

Юлинька.

Есть объ чемъ жалѣть! и безъ нихъ тоска смертная! Вотъ бы на гулянье или въ театръ — другое дѣло.

Полина.

Да, сестрица, да.

Юлинька.

Ну, Полина, признаться сказать, на твоего надежды мало. Нѣтъ, мой не таковъ.

Полина.

Какой же твой?

Юлинька.

Мой Бѣлогубовъ, хоть и противенъ немного, а надежды подаетъ большія. „Вы, говоритъ, полюбите меня-съ. Теперь еще мнѣ жениться не время-съ, а вотъ какъ столоначальникомъ сдѣлаютъ, тогда женюсь“. Я у него спрашивала, что такое столоначальникъ. „Это, говоритъ, первый сортъ-съ“. Дол-

жно быть, что-нибудь хорошее. „Я, говоритъ, хоть и необразованный человѣкъ, да у меня много дѣлъ съ купцами-съ: такъ я вамъ буду изъ городу шелковыя и разныя матеріи возить, и насчетъ провіанту все будетъ-съ". Что-жь? это очень хорошо, Полина, пускай возитъ. Тутъ и думать нѣчего, за такого человѣка надо идти.

Полина.

А у моего, должно быть, нѣтъ знакомыхъ купцовъ, онъ мнѣ объ этомъ ничего не говорилъ. Ну, какъ онъ мнѣ не станетъ привозить ничего?

Юлинька.

Нѣтъ, должно быть, и у твоего есть. Вѣдь, онъ служащій, а служащимъ всѣмъ дарятъ, кому что нужно. Кому матеріи разныя, коли женатый; а коли холостой — сукна, трико; у кого лошади — тому овса или сѣна, а то такъ и деньгами. Прошлый разъ Бѣлогубовъ былъ въ жилеткѣ, помнишь, такая пестрая; это ему купецъ подарилъ. Онъ мнѣ самъ сказывалъ.

Полина.

Все-таки, надобно спросить, есть ли у Жадова знакомые купцы. (Входитъ Кукушкина.)

Явленіе второе.

Тѣ же и Кукушкина.

Кукушкина.

Какъ себя не похвалить! У меня чистота, у меня порядокъ, у меня все въ струнѣ! (Садится.) А это что? (Указываетъ горничной подъ диванъ.)

Стеша.

Да помилуйте, силъ моихъ не хватаетъ, всю поясницу разломило.

Кукушкина.

Какъ ты смѣешь, мерзкая, такъ разговаривать! Ты за то жалованье получаешь. У меня чистота, у меня порядокъ, у меня по ниточкѣ ходи. (Горничная подметаетъ и уходитъ.) Юлинька! (Юлинька встаетъ.) Я съ вами хочу говорить.

Юлинька.

Что вамъ угодно, маменька?

Кукушкина.

Вы знаете, сударыня, что у меня ни за мной, ни передо мной ничего нѣтъ.

Юлинька.

Знаю, маменька.

Кукушкина.

Пора знать, сударыня! доходовъ у меня нѣтъ ни откуда, одна пенсія. Своди концы съ концами, какъ знаешь. Я себѣ во всемъ отказываю. Поворачиваюсь, какъ воръ на ярмаркѣ, а я еще не старая женщина, могу партію найти. Понимаете вы это?

Юлинька.

Понимаю-съ.

Кукушкина.

Я вамъ дѣлаю модныя платья и разныя бездѣлушки, а для себя перекрашиваю да перекрашиваю изъ стараго. Не думаете ли вы, что я наряжаю васъ для вашего удовольствія, для франтовства! Такъ ошибаетесь. Все это дѣлается для того, чтобы выдать васъ зямужъ, съ рукъ сбыть. По моему состоянію, я васъ могла бы только въ ситцевыхъ да въ затрапезныхъ платьяхъ водить. Если не хотите, или не умѣете себѣ найти жениха, такъ и будетъ. Я для васъ обрывать да обрѣзывать себя понапрасну не намѣрена.

Полина.

Мы, маменька, давно это слышали. Вы скажите, въ чемъ дѣло.

Кукушкина.

Ты молчи! не съ тобой говорятъ. Тебѣ за глупость Богъ счастье далъ, такъ ты и молчи. Какъ-бы не дуракъ этотъ Жадовъ, такъ бы тебѣ вѣкъ горе мыкать, въ дѣвкахъ сидѣть за твое легкомысліе. Кто изъ умныхъ-то тебя возьметъ? Кому надо? Хвастаться тебѣ нѣчѣмъ, тутъ твоего ума ни на волосъ не было: ужь нельзя сказать, что ты его приворожила — самъ набѣжалъ, самъ въ петлю лѣзетъ, никто его не тянулъ. А Юлинька дѣвушка умная, должна своимъ умомъ себѣ счастье составить. Позвольте узнать, будетъ отъ вашего Бѣлогубова толкъ, или нѣтъ?

Юлинька.

Я, маменька, не знаю.

Кукушкина.

Кто же знаетъ? Вамъ извѣстно, сударыня, что я постороннихъ молодыхъ людей въ домъ не принимаю. Я принимаю только жениховъ, или тѣхъ, которые могутъ быть женихами. У меня коли маломальски похожъ на жениха — милости просимъ, домъ открытъ, а какъ завилялъ хвостомъ, такъ и поворотъ отъ воротъ. Намъ такихъ ненадобно. Я свою репутацію берегу, да и вашу также.

Юлинька.

Что же, маменька, мнѣ дѣлать?

Кукушкина.

Дѣлать то, что приказано. Вы помните одно, что вамъ въ дѣвкахъ оставаться нельзя. Вы должны будете въ кухнѣ жить.

Юлинька.

Я, маменька, дѣлала все, что̀ вы приказали.

Кукушкина.

Что̀ же вы дѣлали? Извольте говорить, я буду слушать васъ.

Юлинька.

Когда онъ пришелъ къ намъ во второй разъ, помните, еще вы его насильно привели, я сдѣлала ему глазки.

Кукушкина.

Ну, а онъ что̀?

Юлинька.

А онъ какъ-то странно сжималъ губы, облизывался. Мнѣ кажется, онъ такъ глупъ, что ничего не понялъ. Нынче всякій гимназистъ ловчѣе его.

Кукушкина.

Ужь я тамъ вашихъ наукъ не знаю, а вижу, что онъ почтителенъ, и есть въ немъ этакое какое-то пріятное искательство къ начальству. Значитъ, онъ пойдетъ далеко. Я это съ разу поняла.

Юлинька.

Когда онъ былъ у насъ въ третій разъ, помните, въ пятницу, я ему стихи читала любовные; онъ тоже, кажется, ничего не понялъ. А ужь въ четвертый разъ я ему записку написала.

Кукушкина.

Что̀ же онъ?

Юлинька.

Онъ пришелъ и говоритъ: „мое сердце никогда отъ васъ не отвращалось, а всегда было, есть и будетъ“. (Полина хохочетъ.)

Кукушкина (грозя ей пальцемъ).

Что же дальше?

Юлинька.

Говоритъ: „какъ только получу мѣсто столоначальника, такъ буду у вашей маменьки слезно просить руки вашей".

Кукушкина.

А скоро онъ получитъ?

Юлинька.

Говоритъ что скоро.

Кукушкина.

Поди, Юлинька, поцалуй меня. (Цалуетъ ее.) Выйти замужъ, мой другъ, для дѣвушки великое дѣло. Вы это послѣ поймете. Я, вѣдь, мать, и мать строгая; съ женихомъ, что хочешь, дѣлай, я сквозь пальцы буду смотрѣть, я молчу, мой другъ, молчу; а ужь съ постороннимъ, нѣтъ, шалишь, не позволю! Поди, Юлинька, сядь на свое мѣсто. (Юлинька садится.) А выйдете, дѣти, замужъ, вотъ вамъ мой совѣтъ: мужьямъ потачки не давайте, такъ ихъ поминутно и точите, чтобъ деньги добывали; а то облѣнятся, потомъ сами плакать будете. Много бы надо было наставленій сдѣлать; но вамъ теперь, дѣвушкамъ, еще всего сказать нельзя; коли случится что — пріѣзжайте прямо ко мнѣ, у меня всегда для васъ пріемъ, никогда запрету нѣтъ. Всѣ средства я знаю и всякій совѣтъ могу дать, даже и по докторской части.

Полина.

Маменька, кто-то пріѣхалъ.

Юлинька (взглянувъ въ окно).

Бѣлогубовъ съ какимъ-то старикомъ.

Кукушкина.

Садитесь по мѣстамъ. Юлинька, спусти немного мантилью съ праваго плеча. (Юсовъ и Бѣлогубовъ входятъ.

Явленіе третье.

Тѣ же, **Юсовъ** и **Бѣлогубовъ**.

Бѣлогубовъ.

Здравствуйте, Фелисата Герасимовна! (Къ барышнямъ.) Здравствуйте-съ. (Показывая на Юсова.) Вотъ-съ они желали-съ ... Это-съ мой начальникъ и благодѣтель, Акимъ Акимычъ Юсовъ-съ. Все-таки, лучше-съ, Фелисата Герасимовна, когда начальство-съ ...

Кукушкина.

Милости просимъ, милости просимъ! Садиться покорно просимъ. (Акимъ Акимычъ и Бѣлогубовъ садятся.) Вотъ рекомендую вамъ: двѣ мои дочери, Юлинька и Полина. Совершенныя дѣти, ни объ чемъ понятія не имѣютъ; имъ бы еще въ куклы играть, а не то, что замужъ выходить. И жаль разставаться, а нѣчего дѣлать. Такой товаръ дома не удержишь.

Юсовъ.

Да-съ, ужь это законъ судебъ-съ, кругъ житейскій-съ! Что предначертано отъ вѣка, того ужь человѣкъ не можетъ-съ ...

Кукушкина.

Я вамъ правду скажу, Акимъ Акимычъ, онѣ у меня въ строгости воспитываются, отъ всего отдалены. Денегъ я не могу за ними дать много, но ужь за нравственность мужья будутъ благодарны. Я люблю дѣтей, Акимъ Акимычъ, но строга, очень строга. (Строго.) Полина, подите, распорядитесь чаемъ.

Полина (встаетъ).

Сейчасъ, маменька. (Уходитъ.)

Юсовъ.

Я самъ строгъ-съ. (Строго.) Бѣлогубовъ!

Бѣлогубовъ.

Чего изволите-съ?

Юсовъ.

Вѣдь, я строгъ?

Бѣлогубовъ.

Строгѝ-съ. (Юлинькѣ.) У меня опять новая жилетка-съ. Вотъ посмотрите-съ.

Юлинька.

Очень хороша. Это вамъ тотъ же купецъ подарилъ?

Бѣлогубовъ.

Нѣтъ, другой-съ. У этого фабрика лучше.

Юлинька.

Пойдемте въ гостиную, я вамъ свою работу покажу. (Уходятъ.)

Явленіе четвертое.

Юсовъ и Кукушкина.

Кукушкина.

Какъ любятъ другъ друга, трогательно смотрѣть. Одного недостаетъ молодому человѣку — мѣста, говоритъ, нѣтъ хорошаго. Не могу, говоритъ, обезпечить жену всѣмъ полнымъ спокойствіемъ. Кабы, говоритъ, столоначальникомъ сдѣлали, я бы, говоритъ, могъ жену содержать. А, вѣдь, жаль, Акимъ Акимычъ! Такой прекрасный молодой человѣкъ, такъ влюбленъ ...

Юсовъ (нюхая табакъ).

Понемногу, Фелисата Герасимовна, понемногу.

Кукушкина.

Однако, вы должны знать, скоро ли онъ это мѣсто получитъ. Можетъ быть, даже это и отъ васъ зависитъ. Я за него просительница. (Кланяется.) Вамъ нельзя будетъ мою просьбу не уважить; я мать, нѣжная мать, хлопочу для счастья своихъ дѣтей, своихъ птенцовъ.

Юсовъ

(сдѣлавъ серьезную физіономію).

Скоро, скоро будетъ. Я ужь объ немъ докладывалъ нашему генералу. А генералъ весь въ моихъ рукахъ: что я скажу, то и будетъ. Мы его сдѣлаемъ столоначальникомъ. Я захочу, будетъ столоначальникомъ, а не захочу, не будетъ столоначальникомъ ... Хе, хе, будетъ, будетъ. Генералъ у меня вотъ гдѣ. (Показываетъ руку.)

Кукушкина.

Признаться вамъ сказать, я даже не люблю холостыхъ. Что они дѣлаютъ? такъ только землю тяготятъ.

Юсовъ (важно).

Бремя на землѣ, бремя ... и празднословіе.

Кукушкина.

Да-съ. Да и въ домъ опасно принимать холостого человѣка, особенно у кого есть дочери или молодая жена. Кто его знаетъ, что у него на умѣ. По-моему, молодого человѣка надо женить поскорѣй, онъ послѣ самъ будетъ благодаренъ, а то, вѣдь, они глупы, своей пользы не понимаютъ.

Юсовъ.

Да-съ. Отъ разсѣянности. Вѣдь, жизнь — это море житейское ... поглощаетъ.

Кукушкина.

Холостой не можетъ завести хозяйства у себя, объ домѣ не заботится, ходитъ по трактирамъ.

Юсовъ.

Да, вѣдь, и мы ходимъ-съ... отдохновеніе отъ трудовъ...

Кукушкина.

Ахъ, Акимъ Акимычъ, большая разница. Вы пойдете, когда васъ позовутъ, захотятъ васъ угостить, уваженіе свое показать вамъ; а на свои вы, вѣдь, ужь не пойдете.

Юсовъ.

Какъ можно, нѣтъ-съ, не пойду.

Кукушкина.

Теперь возьмите: холостого человѣка проситель за какое-нибудь дѣло позоветъ въ трактиръ, угоститъ обѣдомъ, да и все тутъ. Денегъ истратятъ много, а пользы ни на грошъ. А женатый-то, Акимъ Акимычъ, скажетъ просителю: на что мнѣ твои обѣды, я пойду лучше съ женою пообѣдаю, семейнымъ образомъ, тихо, въ своемъ углѣ, а ты мнѣ дай чистыми. Да деньги-то принесетъ. Такъ оно двѣ выгоды: и трезвый придетъ, да и съ деньгами... Который вы годъ женаты?

Юсовъ.

Сорокъ третій годъ-съ...

Кукушкина.

Скажите! А какъ вы молоды на лицо!

Юсовъ.

Регулярность въ жизни... банки вчера ставилъ.

Кукушкина.

Здоровому все здорово, особенно когда человѣкъ душой покоенъ, живетъ въ довольствѣ.

Юсовъ.

Я вамъ доложу, какая игра природы бываетъ ... съ человѣкомъ ... изъ бѣдности и въ богатство. Меня, сударыня — давно ужь это было — привели въ присутствіе въ затрапезномъ халатишкѣ, только что грамотѣ зналъ — читать да писать ... Сидятъ, вижу, все люди пожилые, важные, сердитые, тогда брились-то не часто, такъ оно еще больше важности придаетъ. Страхъ на меня напалъ, слова выговорить не могъ. Года два былъ на побѣгушкахъ, разныя коммиссіи исправлялъ: и за водкой-то бѣгалъ, и за пирогами, и за квасомъ, кому съ похмѣлья, и сидѣлъ-то я не у стола, не на стулѣ, а у окошка на связкѣ бумагъ, и писалъ-то я не изъ чернильницы, а изъ старой помадной банки. А вотъ вышелъ въ люди. Конечно, все это не отъ насъ ... свыше ... знать, ужь такъ надобно было мнѣ быть человѣкомъ и занимать важный постъ. Иногда думаемъ съ женой: за что̀ такъ насъ Богъ взыскалъ своей милостью? На все судьба ... и добрыя дѣла нужно дѣлать ... помогать неимущимъ. Да-съ, имѣю теперь три домика, хоть далеко, да мнѣ это не мѣшаетъ; лошадокъ держу четверню. Оно подальше-то лучше: и земли побольше, и не такъ шумно да и разговору меньше, пересуду.

Кукушкина.

Да, конечно. Садикъ, чай, имѣете при домахъ-то?

Юсовъ.

Какъ же-съ. Въ лѣтній зной прохлада и отдохновеніе членамъ. А гордости во мнѣ нѣтъ-съ. Гордость ослѣпляетъ ... Мнѣ хоть мужиикъ ... я съ нимъ, какъ съ своимъ братомъ ... все равно, ближній ... По службѣ нельзя ... особенно верхоглядовъ не люблю, нынѣшнихъ образованныхъ-то. Съ этими строгъ и взыскателенъ. Возмечтали очень. Предраз-

судкамъ этимъ я не вѣрю, будто ученые съ неба звѣзды хватаютъ. Видалъ я ихъ: не лучше касъ, грѣшныхъ, да и къ службѣ не такъ внимательны. У меня правило — всячески ихъ тѣснить для пользы службы . . . потому отъ нихъ вредъ. Какъ-то, Фелисата Герасимовна, къ простымъ людямъ больше сердце лежитъ. При нынѣшнихъ строгостяхъ случается съ человѣкомъ несчастіе, выгонятъ изъ уѣзднаго училища за неуспѣхи, или изъ низшихъ классовъ семинаріи: какъ его не призрѣть? Онъ и такъ судьбой убитъ, всего онъ лишенъ, всѣмъ обиженъ. Да и люди-то выходятъ по нашему дѣлу понятливѣе и подобострастнѣе, душа у нихъ открытѣе. По христіанскому долгу, выведешь такого человѣка въ люди, онъ тебѣ всю жизнь благодаренъ: и въ посаженые отцы зоветъ, и въ кумовья зоветъ. Ну, и въ будущемъ вѣкѣ мзда . . . Вотъ Бѣлогубовъ, вѣдь, грамоты не знаетъ, а я его люблю, Фелисата Герасимовна, какъ сына: въ немъ чувство есть. А признаться вамъ сказать, другой вашъ женихъ . . . онъ, вѣдь, тоже подъ начальствомъ у меня . . . Такъ я могу судить . . .

Кукушкина.

Что же такое?

Юсовъ (дѣлаетъ серьезное лицо).

Неблагонадеженъ.

Кукушкина.

Отчего же? Вѣдь, онъ не пьяница, не мотъ, къ службѣ не лѣнивъ?

Юсовъ.

Да-съ. Но . . . (нюхаетъ табакъ) неблагонадеженъ.

Кукушкина.

Какимъ же образомъ, растолкуйте мнѣ, батюшка, Акимъ Акимычъ, вѣдь, я мать.

Юсовъ.

А вотъ, изволите ли видѣть. Имѣетъ такого человѣка родственникомъ . . . Аристархъ Владимірычъ Вышневскій.

Кукушкина.

Знаю.

Юсовъ.

Особа, ужь можно сказать, особа.

Кукушкина.

Знаю.

Юсовъ.

А онъ оказываетъ непочтеніе.

Кукушкина.

Знаю, знаю.

Юсовъ.

Противъ начальства грубъ . . . высокомѣріе сверхъ границъ . . . и даже такія мысли . . . развращаетъ юношество . . . а особенно вольнодумство. Начальство должно строго смотрѣть.

Кукушкина.

Знаю.

Юсовъ.

А коли знаете, такъ сами можете разсудить. Какія времена пришли, Фелисата Герасимовна, житья нѣтъ! А отъ кого? Отъ дряни, отъ мальчишекъ. Сотнями выпускаютъ ихъ; заполонятъ насъ совсѣмъ.

Кукушкина.

Эхъ, Акимъ Акимычъ, женится — перемѣнится. А не знать всего этого я не могла, я не такая мать, безъ оглядки ничего не сдѣлаю. У меня такое правило: какъ только повадился къ намъ молодой че-

ловѣкъ, такъ и пошлю кого-нибудь узнать про него всю подноготную, или сама отъ стороннихъ людей развѣдаю. Всѣ эти глупости въ немъ, по-моему, происходятъ отъ холостой жизни. Вотъ какъ женится, да мы на него насядемъ, такъ и съ дядей помирится, и служить будетъ хорошо.

Юсовъ.

Онъ перемѣнится, и начальство къ нему перемѣнится . . . (Помолчавъ.) Нѣтъ прежнихъ чиновниковъ, Фелисата Герасимовна! Упадаетъ чиновничество. Духу того нѣтъ. А какая жизнь была, Фелисата Герасимовна, рай просто! Умирать не надо. Купались, просто купались, Фелисата Герасимовна. Прежніе-то чиновники были орлы, орлы, а теперь молодежь, верхогляды, пустота какая-то. (Жадовъ входитъ.)

Явленіе пятое.

Тѣ же и Жадовъ.

Кукушкина.

Милости просимъ, Василій Николаичъ, милости просимъ. Полина совсѣмъ стосковалась объ васъ. Всѣ глаза проглядѣла, то къ тому окошку подбѣжитъ, то къ другому. Ужь такъ любитъ, такъ любитъ! . . Я, право, и не видывала. Счастливы вы, Василій Николаичъ. За что васъ такъ любятъ-то, скажите вы мнѣ?

Жадовъ.

Извините, Фелисата Герасимовна, я опоздалъ немного. Ахъ, Акимъ Акимычъ! (Кланяется.) Вы какимъ образомъ?

Кукушкина.

Акимъ Акимычъ такъ добры, такъ пекутся о своихъ чиновникахъ . . . я ужь и не знаю, какъ

быть имъ благодарною. Сами потрудились пріѣхать, познакомиться.

Жадовъ (Юсову).

Благодарю васъ. А впрочемъ, напрасно безпокоились.

Юсовъ.

Я, Фелисата Герасимовна, больше для Бѣлогубова. Родныхъ у него нѣтъ, я ему вмѣсто отца...

Кукушкина.

Ужь не говорите, Акимъ Акимычъ, вы сами семейный человѣкъ, и я сейчасъ увидѣла, что вы стараетесь молодыхъ людей всячески поощрять къ семейной жизни. Я сама того же мнѣнія, Акимъ Акимычъ. (Къ Жадову.) Вы себѣ представить не можете, Василій Николаичъ, какъ я страдаю, когда вижу, что два влюбленныхъ сердца раздѣляютъ какія-нибудь препятствія. Когда читаешь романъ, видишь, какъ обстоятельства запрещаютъ влюбленнымъ видѣться, или родители не согласны, или состояніе не позволяетъ, какъ страдаешь въ эту минуту. Я плачу, просто плачу! И какъ жестоки бываютъ иногда родители, которые не хотятъ уважить чувства своихъ дѣтей. Нѣкоторые даже умираютъ отъ любви по этому случаю. Но когда видишь, что все идетъ къ благополучной развязкѣ, всѣ препятствія уничтожаются, (восторженно) любовь торжествуетъ и молодые люди соединяются законнымъ бракомъ, какъ сладко становится на душѣ. Такъ даже нѣга какая-то по всѣмъ членамъ. (Полина входитъ.)

Полина.

Пожалуйте, чай готовъ. (Увидавъ Жадова.) Василій Николаичъ! Не стыдно ли заставлять такъ страдать? Я ждала, ждала васъ.

Жадовъ (цалуетъ руку).

Виноватъ.

Кукушкина.

Поди, дитя мое, поцалуй меня.

Полина (Жадову).

Пойдемте.

Кукушкина.

Пойдемте, Акимъ Акимычъ! (Уходятъ. Бѣлогубовъ и Юлинька входятъ съ чашками въ рукахъ.)

Явленіе шестое.

Бѣлогубовъ и Юлинька.

Юлинька.

Какъ я вижу, вы все меня обманываете.

Бѣлогубовъ.

Какъ же я смѣю васъ обманывать-съ? Съ чѣмъ это сообразно? (Садятся.)

Юлинька.

Мужчинамъ вѣрить ни въ чемъ нельзя, рѣшительно ни въ чемъ.

Бѣлогубовъ.

Отчего же такая критика на мужчинъ?

Юлинька.

Какая же критика, когда это истинная правда?

Бѣлогубовъ.

Не можетъ быть-съ. Это одинъ разговоръ; мужчины обыкновенно комплименты говорятъ, а барышни имъ не вѣрятъ, говорятъ, что мужчины обманщики.

Юлинька.

Вы все знаете. Вы, должно быть, сами очень много комплиментовъ говорили въ своей жизни.

Бѣлогубовъ.

Мнѣ нѣкому было, да и не умѣю-съ. Вамъ извѣстно, что я недавно сталъ вхожъ въ домъ-съ, а прежде этого и знакомства никакого не имѣлъ.

Юлинька.

И вы никого не обманывали?

Бѣлогубовъ.

На счетъ чего вы спрашиваете?

Юлинька.

Не говорите. Я вамъ ни одного слова не вѣрю. (Отворачивается.)

Бѣлогубовъ.

Да за что же-съ Это даже обидно.

Юлинька.

Кажется, можете понять.

Бѣлогубовъ.

Не понимаю-съ.

Юлинька.

Не хотите! (Закрываетъ глаза платкомъ.)

Бѣлогубовъ.

Я васъ могу завѣрить, чѣмъ угодно-съ, что я всегда-съ... какъ былъ влюбленъ, такъ и теперь... Я вамъ ужь докладывалъ...

Юлинька.

Любите, а медлите.

Бѣлогубовъ.

Да-съ . . . Теперь понимаю-съ. Такъ, вѣдь, это не такого рода дѣло-съ . . . скоро нельзя-съ.

Юлинька.

Отчего же Жадову можно?

Бѣлогубовъ.

Совсѣмъ другое дѣло-съ. У него дяденька богатый-съ, да и самъ онъ образованный человѣкъ, вездѣ можетъ мѣсто имѣть. Хоть и въ учители пойдетъ — все хлѣбъ-съ. А я что-съ? Пока не дадутъ мѣста столоначальника, ничего не могу-съ . . . Да и вы сами не захотите щи да кашу кушать-съ. Это только намъ можно-съ, а вы барышня, вамъ нельзя-съ. А вотъ получу мѣсто, тогда совсѣмъ другой переворотъ будетъ.

Юлинька.

Когда же этотъ переворотъ будетъ?

Бѣлогубовъ.

Теперь скоро-съ. Обѣщали. Какъ только получу мѣсто, такъ въ ту-жь минуту . . . только платье новое сошью . . . Я ужь и маменькѣ говорилъ-съ. Вы не сердитесь, Юлія Ивановна, потому что не отъ меня зависимо. Пожалуйте ручку. (Юлинька протягиваетъ руку, не глядя на него. Онъ цалуетъ.) Я ужь и самъ жду не дождусь. (Входятъ Жадовъ и Полина.)

Юлинька.

Уйдемте, оставимте ихъ однихъ. (Уходятъ.)

Явленіе седьмое.

Жадовъ и Полина (садятся).

Полина.

Знаете, что я вамъ скажу?

Жадовъ.

Нѣтъ, не знаю.

Полина.

Только вы, пожалуйста, маменькѣ не сказывайте.

Жадовъ.

Не скажу, будьте покойны.

Полина (подумавъ).

Я сказала бы вамъ, да боюсь, что вы меня разлюбите.

Жадовъ.

Васъ разлюбить? Да развѣ это можно?

Полина.

Да вы правду говорите?

Жадовъ (беретъ за руку).

Да ужь не разлюблю, повѣрьте.

Полина.

Ну, смотрите же. Я вамъ по простотѣ скажу. (Тихо.) У насъ въ домѣ все обманъ, все, все, рѣшительно все. Вы, пожалуйста, ничему не вѣрьте, что̀ вамъ говорятъ. За нами ничего нѣтъ. Маменька говоритъ, что насъ любитъ, а совсѣмъ не любитъ, только хочетъ поскорѣе съ рукъ сбыть. Женихамъ въ глаза льститъ, а за глаза ругаетъ. Насъ заставляетъ притворяться.

Жадовъ.

Васъ это возмущаетъ? Возмущаетъ?

Полина.

Только я не притворяюсь, я въ самомъ дѣлѣ васъ люблю.

Жадовъ.

Вы меня съ ума сведете! (Цалуетъ руку.)

Полина.

Да еще вотъ что̀ я вамъ скажу: мы, вѣдь, совсѣмъ необразованы. Еще Юлія кой-что знаетъ, я такъ вовсе дурочка.

Жадовъ.

Какъ дурочка?

Полина.

Такъ, какъ бываютъ дурочки. Ничего не знаю, ничего не читала... что̀ вы иногда говорите, ничего не понимаю, рѣшительно ничего.

Жадовъ.

Вы ангелъ! (Цалуетъ у ней руки.)

Полина.

Я вотъ только добрѣе Юлиньки, а глупѣе ея гораздо.

Жадовъ.

За то-то я васъ и люблю, что васъ не успѣли ничему выучить, не успѣли испортить вашего сердца. Васъ надобно поскорѣй взять отсюда. Мы съ вами начнемъ новую жизнь. Я съ любовью займусь вашимъ воспитаніемъ. Какое наслажденіе ожидаетъ меня!

Полина.

Ахъ, поскорѣй бы!

Жадовъ.

Что̀ же откладывать? Я ужь рѣшился. (Страстно смотритъ на нее. Молчаніе.)

Полина.

У васъ есть знакомые купцы?

Жадовъ.

Что̀ за вопросъ? На что̀ вамъ?

Полина.

Такъ. Мнѣ хочется знать.

Жадовъ.

Я не понимаю, однако, для чего вамъ это?

Полина.

А вотъ для чего. Бѣлогубовъ говоритъ, что у него есть знакомые купцы и что они дарятъ ему жилетки, а когда онъ женится, тогда будутъ дарить матеріи женѣ на платье.

Жадовъ.

Вотъ что! Ну нѣтъ, намъ дарить не будутъ. Мы съ вами будемъ сами трудиться. Такъ, вѣдь, Полина?

Полина (разсѣянно.)

Да-съ

Жадовъ.

Нѣтъ, Полина, вы еще не знаете высокаго блаженства жить своимъ трудомъ. Вы во всемъ обезпечены. Богъ дастъ, узнаете. Все, что мы пріобрѣтемъ, будетъ наше, мы ужь никому не будемъ обязаны. Понимаете вы это? Тутъ два наслажденія: наслажденіе трудомъ и наслажденіе свободно и съ спокойною совѣстью распоряжаться своимъ добромъ, не давая никому отчета. А это лучше всякихъ подарковъ. Не правда ли, Полина, вѣдь, лучше?

Полина.

Да-съ лучше. (Молчаніе.) Хотите, я вамъ загадаю загадку?

Жадовъ.

Загадайте.

Полина.

Что идетъ безъ ногъ?

Жадовъ.

Вотъ какая загадка! Дождикъ

Полина.

Какъ это вы все знаете! Досадно, право. Я такъ никакъ не могла отгадать, ужь Юлинька сказала.

Жадовъ.

Дитя! Останьтесь всегда такимъ ребенкомъ.

Полина.

А можно счесть звѣзды на небѣ?

Жадовъ.

Можно.

Полина.

Нѣтъ, нельзя. Я вамъ не повѣрю.

Жадовъ.

Да нѣчего и трудиться считать, онѣ ужь сосчитаны.

Полина.

Вы смѣетесь надо мной. (Отворачивается.)

Жадовъ (нѣжно).

Мнѣ смѣяться надъ вами, Полина! Я всю жизнь хочу посвятить вамъ. Посмотрите на меня хорошенько, могу ли я смѣяться надъ вами?

Полина (смотритъ на него).

Нѣтъ, нѣтъ . . .

Жадовъ.

Вы говорите, что вы дурочка — я дуракъ. Смѣйтесь надо мною! Да ужь многіе и смѣются. Безъ средствъ, безъ состоянія, съ однѣми надеждами на будущее, я женюсь на васъ. Зачѣмъ ты женишься? говорятъ мнѣ. Зачѣмъ? Затѣмъ, что люблю васъ,

что вѣрю въ людей. Что я поступаю необдуманно—съ этимъ я согласенъ. Когда же мнѣ думать, я такъ люблю васъ, что мнѣ нѣкогда думать (Кукушкина и Юсовъ входятъ.)

Полина (съ нѣкоторымъ чувствомъ).

Я сама васъ люблю. (Жадовъ цалуетъ у ней руку.)

Кукушкина (Юсову.)

Посмотрите, точно голуби воркуютъ. Не мѣшайте имъ. Трогательно видѣть! (Бѣлогубовъ и Юлинька входятъ.)

Явленіе восьмое.

Жадовъ, Полина, Кукушкина, Юсовъ, Бѣлогубовъ и Юлинька.

Жадовъ

(оборачиваясь, беретъ Полину за руку и подводитъ къ Кукушкиной).

Фелисата Герасимовна, отдайте мнѣ это сокровище.

Кукушкина.

Признаюсь вамъ, мнѣ тяжело съ ней разстаться. Это любимая моя дочь . . . она была бы мнѣ утѣшеніемъ на старости . . . но Богъ съ ней, возьмите ее... ея счастіе для меня дороже. (Закрываетъ лицо платкомъ. Жадовъ и Полина цалуютъ у ней руки. Бѣлогубовъ подаетъ ей стулъ. Садится.)

Юсовъ.

Вы истинная мать, Фелисата Герасимовна.

Кукушкина.

Да, я этимъ похвастаться могу. (Съ жаромъ.) Нѣтъ, воспитаніе дочерей неблагодарное дѣло! Выростишь, взлелѣешь подлѣ себя, и потомъ отдай чужому че-

ловѣку . . . останься сиротой . . . ужасно! (Закрываетъ глаза платкомъ.)

Бѣлогубовъ.

Маменька, мы васъ не оставимъ.

Полина и Юлинька (вмѣстѣ)

Маменька, мы васъ не оставимъ.

Дѣйствіе третье [1].

Трактиръ. Задняя занавѣсь на второмъ планѣ, посреди машина, направо отворенная дверь, въ которую видна комната, налѣво вѣшалка для платья, на авансценѣ по обѣ стороны столы съ диванами

Явленіе первое.

Василій стоитъ у машины и читаетъ газету, **Григорій** стоитъ у двери и смотритъ въ другую комн ту. **Жадовъ** и **Мыкинъ** входятъ. **Григорій** ихъ провожаетъ, стираетъ со стола и стелетъ салфетку.

Мыкинъ.

Ну что, старый пріятель, какъ поживаешь?

Жадовъ.

Плохо, братъ. (Григорію.) Дай-ка намъ чаю. (Григорій уходитъ.) А ты какъ?

Мыкинъ.

Ничего. Живу себѣ, учительствую понемногу. (Садятся.)

Жадовъ.

Много ли ты получаешь?

Мыкинъ.

Двѣсти рублей.

Жадовъ.

Тебѣ довольно?

Мыкинъ.

Такъ и живу, соображаясь со средствами. Лишнихъ затѣй, какъ видишь, не завожу.

---

[1] Между вторымъ и третьимъ дѣйствіями проходитъ около года.

Жадовъ.

Да, холостому жить можно.

Мыкинъ.

И тебѣ не надобно было жениться! Нашему брату жениться не слѣдъ. Гдѣ ужь намъ, голякамъ! Сытъ, прикрытъ чѣмъ-нибудь отъ вліянія стихій — и довольно. Знаешь пословицу: одна голова не бѣдна, а хоть и бѣдна, такъ одна.

Жадовъ.

Дѣло сдѣлано.

Мыкинъ.

Посмотри ты на себя, такой ли ты былъ прежде. Что̀, братъ, видно, укатали сивку крутыя горки? Нѣтъ, нашему брату жениться нельзя. Мы работники. (Григорій подаетъ чай. Мыкинъ наливаетъ.) Ужь служить, такъ служить; для себя пожить послѣ успѣемъ, коли придется.

Жадовъ.

Что̀-жь дѣлать-то! Я полюбилъ ее очень.

Мыкинъ.

Мало ли что̀, полюбилъ! Развѣ другіе-то не любятъ? Эхъ, братъ, и я любилъ, да не женился вотъ. И тебѣ не слѣдовало жениться.

Жадовъ.

Да отчего же?

Мыкинъ.

Очень просто. Холостой человѣкъ думаетъ о службѣ, а женатый о женѣ. Женатый человѣкъ ненадеженъ.

Жадовъ.

Ну, вотъ вздоръ.

Мыкинъ.

Нѣтъ, не вздоръ. Я не знаю, чего бы я ни сдѣлалъ для той дѣвушки, которую любилъ. Но я рѣшился лучше принесть жертву. Лучше, братъ, заморить въ себѣ это весьма законное чувство, чѣмъ подвергнуться искушеніямъ.

Жадовъ.

Я думаю, тебѣ нелегко было?

Мыкинъ.

Ну, да ужь что̀ говорить! Отказываться вообще нелегко; а отказаться отъ любимой женщины, когда и препятствій никакихъ нѣтъ, кромѣ бѣдности ... Ты очень любишь свою жену?

Жадовъ.

Безумно.

Мыкинъ.

Ну, плохо дѣло! Умна она?

Жадовъ.

Право, не знаю. Знаю то̀лько, что она мила необыкновенно. Какая-нибудь бездѣлица разстроитъ ее, она такъ мило, такъ искренно расплачется, что самъ, глядя на нее, заплачешь.

Мыкинъ.

Ты мнѣ скажи откровенно, какъ ты живешь. Я, вѣдь, тебя полтора года не видалъ.

Жадовъ.

Изволь. Исторія моя коротка. Я женился по любви, какъ ты знаешь, взялъ дѣвушку неразвитую, воспитанную въ общественныхъ предразсудкахъ, какъ и всѣ почти наши барышни, мечталъ ее воспитать въ нашихъ убѣжденіяхъ, и вотъ ужь годъ женатъ ...

Мыкинъ.

И что же?

Жадовъ.

Разумѣется, ничего. Воспитывать ее мнѣ некогда, да я и не умѣю приняться за это дѣло. Она такъ и осталась при своихъ понятіяхъ; въ спорахъ, разумѣется, я ей долженъ уступать. Положеніе, какъ видишь, незавидное, а поправить нѣчѣмъ. Да она меня и не слушаетъ, она меня просто не считаетъ за умнаго человѣка. По ихъ понятію, умный человѣкъ долженъ быть непремѣнно богатъ.

Мыкинъ.

Вотъ куда пошло! Ну, а какъ на счетъ средствъ?

Жадовъ.

Работаю съ утра до ночи.

Мыкинъ.

И все не хватаетъ?

Жадовъ.

Нѣтъ, жить можно.

Мыкинъ.

Ну, а жена?

Жадовъ.

Дуется немного, а иногда поплачетъ. Что-жь дѣлать!

Мыкинъ.

Жаль мнѣ тебя. Нѣтъ, братъ, намъ жениться нельзя. Я вотъ годъ былъ безъ мѣста, ѣлъ одинъ черный хлѣбъ. Что бы я съ женой-то дѣлалъ?

(Досужевъ входитъ.)

Явленіе второе.

Тѣ же и Досужевъ.

Досужевъ (садясь у другого стола).

Гарсонъ, жизни!

Василій.

Какой прикажете?

Досужевъ.

Рябиновой. Съ приличною нашему званію закуской.

Василій.

Слушаю-съ. (Идетъ къ двери.)

Досужевъ.

Французской горчицы! Слышишь? Трактиръ запечатаю. Григорій, запусти шарманку.

Григорій.

Сейчасъ-съ. (Заводитъ машину.)

Мыкинъ.

Вотъ это, должно быть, холостой!

Досужевъ.

Что̀ вы на меня смотрите? Я вотъ карася дожидаюсь.

Жадовъ.

Какого карася?

Досужевъ.

Придетъ съ рыжей бородой, я его буду ѣсть. (Василій приноситъ водку.) Ты, Василій, поглядывай его тамъ. Какъ придетъ, такъ скажи мнѣ. (Машина играетъ.) Господа, видали, какъ пьяные нѣмцы плачутъ? (Представляетъ плачущаго нѣмца. Жадовъ и Мыкинъ смѣются. Машина замолкаетъ.)

Мыкинъ (Жадову).

Ну, прощай! Какъ-нибудь зайду къ тебѣ.

Жадовъ.

Прощай. (Мыкинъ уходитъ.)

Василій (Досужеву).

Пожалуйте, пришелъ-съ.

Досужевъ.

Позови сюда.

Василій.

Нейдетъ-съ. Сѣлъ въ заднюю комнату.

Досужевъ (Жадову).

Конфузится. Прощайте! Коли посидите здѣсь, я приду поговорить съ вами, мнѣ ваша физіономія понравилась. (Уходитъ.)

Жадовъ (Василью).

Дай-ка что-нибудь почитать.

Василій (подаетъ книгу).

Извольте вотъ прочитать статейку. Одобряютъ-съ.

(Жадовъ читаетъ. Входятъ: Юсовъ, Бѣлогубовъ, 1-й и 2-й чиновники)

Явленіе третье.

Жадовъ, Юсовъ, Бѣлогубовъ, 1-й и 2-й чиновники.

Бѣлогубовъ.

Акимъ Акимычъ-съ, мы тамъ пообѣдали, позвольте васъ здѣсь виномъ угостить, и музыка поиграетъ-съ.

Юсовъ.

Угощай, угощай!

Бѣлогубовъ.

Какого прикажете? Шампанскаго-съ?

Юсовъ.

Ну его ...

Бѣлогубовъ.

Такъ рейнвейну-съ? Господа, садитесь! (Садятся всѣ, кромѣ Бѣлогубова.) Василій! принеси рейнвейну, заграничной разливки. (Василій уходитъ.) А, братецъ, здравствуйте! Не угодно-ли съ нами за компанію? (Подходитъ къ Жадову.)

Жадовъ.

Благодарю васъ. Я не пью.

Бѣлогубовъ.

Что̀ это, братецъ, помилуйте! Для меня-то! ... одну рюмочку ... мы съ вами теперь родственники! (Василій приноситъ вино. Бѣлогубовъ подходитъ къ своему столу). Наливай! (Василій наливаетъ.)

Юсовъ.

Ну, братъ, за твое здоровье! (Беретъ рюмку и встаетъ.)

1-й и 2-й чиновники.

За ваше здоровье-съ. (Берутъ рюмки и встаютъ.)

Юсовъ

(показывая пальцемъ на голову Бѣлогубова.)

Въ этомъ лбу, въ этой головѣ всегда видѣлъ прокъ. (Чокаются рюмками.) Поцалуемся! (Цалуются.)

Бѣлогубовъ.

Нѣтъ, позвольте ручку-съ.

Юсовъ (прячетъ руку).

Не надо, не надо. (Садится.)

Бѣлогубовъ.

Черезъ васъ человѣкомъ сталъ-съ.

1-й и 2-й чиновники.

Позвольте-съ. (Чокаются съ Бѣлогубовымъ, пьютъ и садятся.)

Бѣлогубовъ

(наливаетъ рюмку и подаетъ на подносѣ Жадову).

Братецъ, сдѣлайте одолженіе.

Жадовъ.

Я вамъ сказалъ, что не пью.

Бѣлогубовъ.

Нельзя-съ, братецъ, обидите.

Жадовъ.

Это скучно, наконецъ.

Бѣлогубовъ.

Коли вина не угодно, чѣмъ прикажете васъ подчивать? Чего только пожелаете, братецъ, все съ удовольствіемъ.

Жадовъ.

Ничего мнѣ не нужно. Оставьте меня въ покоѣ! (Читаетъ.)

Бѣлогубовъ.

Ну, какъ угодно. Не знаю, братецъ, за что̀ обижаете. Я со всѣмъ расположеніемъ ... (Отходитъ къ своему столу.)

Юсовъ (тихо).

Оставь его.

Бѣлогубовъ (садится).

Господа, еще по рюмочкѣ! (Наливаетъ.) Пирожнаго не прикажете ли? Василій, принеси пирожнаго побольше! (Василій уходитъ.)

Юсовъ.

Ты что̀-то нынче разгулялся! Должно быть, ловко хватилъ?

Бѣлогубовъ (показывая на карманъ).

Попало-таки! А кому? Все вамъ обязанъ.

Юсовъ.

Зацѣпилъ, должно быть?

Бѣлогубовъ

(вынимаетъ пачку ассигнацій).

Вотъ онѣ-съ.

Юсовъ.

Да ужь я знаю тебя, у тебя рука-то не сфальшивитъ.

Бѣлогубовъ (прячетъ деньги).

Нѣтъ, позвольте! Кому же я обязанъ? Развѣ бы я понималъ что, кабы не вы? Отъ кого я въ люди пошелъ, отъ кого жить сталъ, какъ не отъ васъ? Подъ вашимъ крыломъ воспитался! Другой бы того и въ десять лѣтъ не узналъ, всѣхъ тонкостей и оборотовъ, что я въ четыре года узналъ. Съ васъ примѣръ бралъ во всемъ, а то гдѣ бы мнѣ съ моимъ-то умомъ! Другой отецъ того не сдѣлаетъ для сына, что вы для меня сдѣлали. (Утираетъ глаза.)

Юсовъ.

У тебя душа благородная, ты можешь чувствовать, а другіе не могутъ. (Василій приноситъ пирожное.)

Бѣлогубовъ.

Что бы я былъ? Дуракъ-съ! А теперь членъ общества, всѣ уважаютъ, по городу идешь, всѣ купцы кланяются, въ гости позовутъ, не знаютъ, гдѣ посадить, жена меня любитъ. А то за что бы ей любить-то меня, дурака? Василій! Нѣтъ ли у васъ конфектъ какихъ дорогихъ?

Василій.

Можно достать-съ.

Бѣлогубовъ.

Это женѣ-съ. (Василью.) Ну, такъ ты заверни въ бумагу побольше. Что хочешь возьми, ничего не

пожалѣю. (Василій идетъ.) Постой! И пирожнаго туда положи всякаго.

Юсовъ.

Будетъ съ нее, избалуешь.

Бѣлогубовъ.

Нельзя-съ. (Василью.) Всего положи, слышишь?

Василій.

Слушаю-съ. (Уходитъ.)

Бѣлогубовъ.

Люблю, очень люблю жену-съ. Будешь угождать, и она будетъ больше любить, Акимъ Акимычъ. Что̀ я передъ ней-съ? Она образованная-съ ... Платье нынче купилъ-съ ... то-есть, не купилъ, а такъ взялъ, послѣ сочтемся.

Юсовъ.

Все равно. Неужели деньги платить? Можетъ быть, дѣло какое-нибудь будетъ, ну и квитъ. Гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ сходится. (Василій приноситъ конфекты въ бумагѣ.)

Бѣлогубовъ.

Положи въ шляпу. Еще по рюмочкѣ-съ. (Наливаетъ.) Василій! Еще бутылку.

Юсовъ.

Будетъ.

Бѣлогубовъ.

Нѣтъ, ужь позвольте-съ. Здѣсь не вы распоряжаетесь, а я. (Василій уходитъ.)

1-й чиновникъ.

Какой случай былъ! Писарекъ у насъ, такъ дрянненькой, какую штуку выкинулъ! Фальшивую копію съ рѣшенія написалъ (что̀ ему въ голову пришло!)

и подписался за всѣхъ присутствующихъ, да и снесъ къ истцу. А дѣло-то интересное, денежное. Только онъ копію-то не отдалъ, себѣ на умѣ, а только показалъ. Ну, и деньги взялъ большія. Тотъ послѣ пришелъ въ судъ, анъ дѣло-то совсѣмъ не такъ.

Бѣлогубовъ.

Это ужь подлость! За это выгнать нужно.

Юсовъ.

Именно выгнать. Не марай чиновниковъ. Ты возьми, такъ за дѣло, а не за мошенничество. Возьми такъ, чтобы и проситель былъ не обиженъ, и чтобы ты былъ доволенъ. Живи по закону; живи такъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы. Что за большимъ-то гоняться! Курочка по зернышку клюетъ, да сыта бываетъ. А этотъ ужь что за человѣкъ! Не нынче, такъ завтра подъ красную шапку угодитъ.

Бѣлогубовъ (наливаетъ рюмку).

Пожалуйте, Акимъ Акимычъ! ... Что я у васъ попрошу, вы мнѣ не откажете? Я вамъ въ ножки поклонюсь.

Юсовъ.

Проси.

Бѣлогубовъ.

Помните, вы прошлый разъ прошлись подъ машину: „По улицѣ мостовой-съ?“

Юсовъ.

Ишь, что выдумалъ!

Бѣлогубовъ.

Осчастливьте, Акимъ Акимычъ! Такъ, чтобъ ужь я всю жизнь помнилъ.

Юсовъ.

Изволь, изволь. Для тебя только! Вели пустить „По улицѣ мостовой“.

Бѣлогубовъ.

Эй, Василій! Пусти „По улицѣ мостовой“, да постой у двери, посмотри, чтобы не вошелъ кто.

Василій.

Слушаю-съ. (Заводитъ машину.)

Юсовъ (показывая на Жадова).

Вотъ этотъ-то! Не люблю я его. Пожалуй, подумаетъ что-нибудь.

Бѣлогубовъ (садясь къ Жадову).

Братецъ, будьте съ нами по-родственному. Вотъ Акимъ Акимычъ васъ конфузится.

Жадовъ.

Чего же онъ конфузится?

Бѣлогубовъ.

Да они потанцовать хотятъ. Надо, братецъ, и развлеченіе какое-нибудь имѣть послѣ трудовъ. Не все же работать. Что-жь такое! Это удовольствіе невинное, мы никого не обижаемъ.

Жадовъ.

Танцуйте, сколько угодно, я вамъ не мѣшаю.

Бѣлогубовъ (Юсову).

Ничего-съ, Акимъ Акимычъ, онъ съ нами по-родственному.

Василій.

Прикажете пустить?

Юсовъ.

Пускай! (Машина играетъ „По улицѣ мостовой“. Юсовъ пляшетъ. По окончаніи, всѣ, кромѣ Жадова, хлопаютъ.)

Бѣлогубовъ.

Нѣтъ, ужь теперь нельзя-съ! Надо шампанскаго

выпить! Василій, бутылку шампанскаго! Да много ли денегъ за все?

Василій (считаетъ на счетахъ).

Пятнадцать рублей-съ.

Бѣлогубовъ.

Получи: (Отдаетъ.) Вотъ тебѣ полтинникъ на чай.

Василій.

Благодарю покорно-съ. (Уходитъ.)

Юсовъ (громко).

Вы, молодежь, молокососы, чай, смѣяться надъ старикомъ!

1-й чиновникъ.

Какъ можно, Акимъ Акимычъ, мы не знаемъ, какъ васъ благодарить!

2-й чиновникъ.

Да-съ.

Юсовъ.

Мнѣ можно плясать. Я все въ жизни сдѣлалъ, что̀ предписано человѣку. У меня душа спокойна, сзади ноша не тянетъ, семейство обезпечилъ — мнѣ теперь можно плясать. Я теперь только радуюсь на Божій міръ! Птичку увижу, и на ту радуюсь, цвѣтокъ увижу, и на него радуюсь: премудрость во всемъ вижу. (Василій приноситъ бутылку, откупориваетъ и наливаетъ въ продолженіи рѣчи Юсова.) Помня свою бѣдность, нищую братію не забываю. Другихъ не осуждаю, какъ нѣкоторые молокососы изъ ученыхъ! Кого мы можемъ осуждать! Мы не знаемъ, что̀ еще сами-то будемъ! Посмѣялся ты нынче надъ пьяницей, а завтра самъ, можетъ быть, будешь пьяница; осудишь нынче вора, а можетъ быть, самъ завтра будешь воромъ. Почемъ мы знаемъ свое опредѣленіе, кому чѣмъ быть назначено? Знаемъ одно, что всѣ тамъ

будемъ. Вотъ ты нынче посмѣялся (показывая глазами на Жадова) что я плясалъ; а завтра, можетъ быть, хуже меня запляшешь. Можетъ быть (кивая головой на Жадова), и за подаяніемъ пойдешь, и руку протянешь. Вотъ гордость-то до чего доводитъ! Гордость, гордость! Я плясалъ отъ полноты души. На сердцѣ весело, на душѣ спокойно! Я никого не боюсь! Я хоть на площади передъ всѣмъ народомъ буду плясать. Мимоходящіе скажутъ: „сей человѣкъ пляшетъ, должно быть, душу имѣетъ чисту!“ и пойдетъ всякій по своему дѣлу.

Бѣлогубовъ (поднимая бокалъ).

Господа! За здоровье Акима Акимыча! Ура!

1-й и 2-й чиновники.

Ура!

Бѣлогубовъ.

Вотъ бы вы, Акимъ Акимычъ, осчастливили насъ, заѣхали къ намъ какъ-нибудь. Мы еще съ женой люди молодые, посовѣтовали бы намъ, поученье бы сказали, какъ жить въ законѣ и всѣ обязанности исполнять. Кажется, будь каменный человѣкъ, и тотъ въ чувство придетъ, какъ васъ послушаетъ.

Юсовъ.

Заѣду какъ-нибудь. (Беретъ газету.)

Бѣлогубовъ

(наливаетъ бокалъ и подноситъ Жадову).

Ужь я, братецъ, отъ васъ не отстану.

Жадовъ.

Что вы мнѣ не дадите почитать! Интересная статья попалась, а вы все мѣшаете.

Бѣлогубовъ (садясь подлѣ Жадова).

Братецъ, вы на меня напрасно претензію имѣете. Бросимте, братецъ, всю эту вражду. Выкушайте!

Для меня теперь это ничего не значитъ-съ. Будемте жить по-родственному.

Жадовъ.

Нельзя намъ съ вами жить по-родственному.

Бѣлогубовъ.

Отчего же-съ?

Жадовъ.

Не пара мы.

Бѣлогубовъ.

Да, конечно, кому какая судьба. Я теперь въ счастіи, а вы въ бѣдномъ положеніи. Что-жь, я не горжусь. Вѣдь, это, какъ кому судьба. Я теперь все семейство поддерживаю, и маменьку. Я знаю, братецъ, что вы нуждаетесь; можетъ быть, вамъ деньги нужны; не обидьтесь, сколько могу! Я даже и за одолженіе не сочту. Что за счеты между родными!

Жадовъ.

Съ чего вы выдумали предлагать мнѣ деньги!

Бѣлогубовъ.

Братецъ, я теперь въ довольствѣ, мнѣ долгъ велитъ помогать. Я, братецъ, вижу вашу бѣдность.

Жадовъ.

Какой я вамъ братецъ! Оставьте меня.

Бѣлогубовъ.

Какъ угодно! Я отъ души предлагалъ. Я, братецъ, зла не помню, не въ васъ. Мнѣ только жаль смотрѣть на васъ съ женой съ вашей. (Отходитъ къ Юсову.)

Юсовъ (бросая газету).

Что нынче пишутъ! Ничего нравоучительнаго нѣтъ! (Наливаетъ Бѣлогубову.) Ну, допивай. Пойдемте!

Бѣлогубовъ (допиваетъ).

Пойдемте! (Василій и Григорій подаютъ шинели.)

Василій

(подаетъ Бѣлогубову два свертка).

Вотъ захватите-съ.

Бѣлогубовъ (умильно).

Для жены-съ. Люблю-съ. (Уходятъ. Досужевъ входитъ.)

Явленіе четвертое.

Жадовъ и Досужевъ.

Досужевъ.

„Не стая вороновъ слеталась!“

Жадовъ.

Правда ваша.

Досужевъ.

Поѣдемте въ Марьину рощу.

Жадовъ.

Мнѣ нельзя.

Досужевъ.

Отчего же? Семья, что ли? Дѣтей няньчить надо?

Жадовъ.

Дѣтей не няньчить, а жена дома дожидается.

Досужевъ.

Да вы давно съ ней не видались?

Жадовъ.

Какъ давно? Сегодня утромъ.

Досужевъ.

Ну, такъ это недавно. Я думалъ, дня три не видались. (Жадовъ смотритъ на него.) Что вы на меня смо-

трите? Я знаю, что̀ вы думаете обо мнѣ. Вы думаете, что я такой же, какъ вотъ эти франты, что̀ ушли; такъ ошибаетесь. Ослы во львиной шкурѣ! Только шкура-то и страшна. Ну и пугаютъ народъ.

Жадовъ.

Признаться вамъ сказать, я никакъ не разберу, что̀ вы за человѣкъ.

Досужевъ.

А вотъ, изволите ли видѣть, во-первыхъ — я веселый человѣкъ, а во-вторыхъ — замѣчательный юристъ. Вы учились, я это вижу, и я тоже учился. Поступилъ я на маленькое жалованье; взятокъ брать не могу — душа не переноситъ, а жить чѣмъ-нибудь надо. Вотъ я и взялся за умъ: принялся за адвокатство, сталъ купцамъ слезныя прошенія писать. Ужь коли не ѣхать, такъ давайте выпьемъ. Василій, водки! (Василій уходитъ.)

Жадовъ.

Я не пью.

Досужевъ.

Гдѣ вы родились? Ну, да это вздоръ! Со мной можно. Ну, вотъ-съ, сталъ я слезныя прошенія писать-съ. Вѣдь, вы не знаете, что̀ это за народъ! Я вамъ сейчасъ разскажу. (Входитъ Василій.) Налей двѣ. Получи за весь графинъ. (Отдаетъ деньги.)

Жадовъ.

И съ меня за чай. (Отдаетъ. Василій уходитъ.)

Досужевъ.

Выпьемъ!

Жадовъ.

Извольте; для васъ только, а то, право, не пью. (Чокаются и пьютъ. Досужевъ наливаетъ еще.)

Досужевъ.

Напиши бородѣ прошеніе просто, да возьми съ него не дорого, такъ онъ тебя осѣдлаетъ. Откуда фамильярность явится: „ну, ты, писака! на тебѣ на водку“. Почувствовалъ я къ нимъ злобу неукротимую! Выпьемте! „Пити вмерти, й не пити вмерти; такъ вже лучше пити вмерти“. (Пьютъ.) Сталъ я имъ писать по ихъ вкусу. Напримѣръ: надо представить вексель ко взысканію — и всего-то десять строкъ письма, а ему пишешь листа четыре. Начинаю такъ: „будучи обремененъ въ многочисленномъ семействѣ количествомъ членовъ“. И всѣ его орнаменты вставишь. Такъ напишешь, что онъ плачетъ, а вся семья рыдаетъ до истерики. Насмѣешься надъ нимъ, да возьмешь съ него кучу денегъ, вотъ онъ и уважетъ тебя, и кланяется въ поясъ. Хоть веревки изъ него вей. Всѣ ихъ толстыя тёщи, всѣ бабушки невѣстъ тебѣ сватаютъ богатыхъ. Человѣкъ-то ужь очень хорошъ, по душѣ имъ пришелся. Выпьемте!

Жадовъ.

Будетъ!

Досужевъ.

За мое здоровье!

Жадовъ.

Ужь развѣ за ваше здоровье. (Пьютъ.)

Досужевъ.

Много надо силы душевной, чтобы съ нихъ взятокъ не брать. Надъ честнымъ чиновникомъ они сами же смѣяться будутъ; унижать готовы — это имъ не съ руки. Кремнемъ надо быть! И храбриться-то, право, не изъ чего! Тащи съ него шубу, да и все тутъ. Жаль, не могу. Я только беру съ нихъ деньги за ихъ невѣжество, да пропиваю. Эхъ!

охота вамъ было жениться! Выпьемте. Какъ васъ зовутъ?

Жадовъ.

Василій.

Досужевъ.

Тёска. Выпьемъ, Вася. (Пьютъ.) Я вижу, ты хорошій человѣкъ.

Жадовъ.

Какой я человѣкъ! Я ребенокъ, я объ жизни не имѣю никакого понятія. Все это ново для меня, что̀ я отъ васъ слышу. Мнѣ тяжело! Не знаю, вынесу ли я! Кругомъ развратъ, силъ мало! Зачѣмъ же насъ учили!

Досужевъ.

Пей, легче будетъ.

Жадовъ.

Нѣтъ, нѣтъ! (Опускаетъ голову на руки.)

Досужевъ.

Такъ ты не поѣдешь со мной

Жадовъ.

Не поѣду. Зачѣмъ вы меня поили! Что̀ вы со мной сдѣлали!

Досужевъ.

Ну, прощай! Впередъ будемъ знакомы! Захмѣлѣлъ, братъ! (Жметъ Жадову руку.) Василій, манто! (Надѣваетъ шинель.) Ты меня строго не суди! Я человѣкъ потерянный. Постарайся быть лучше меня, коли можешь. (Идетъ къ двери и возвращается.) Да! вотъ тебѣ еще мой совѣтъ. Можетъ быть, съ моей легкой руки, запьешь, такъ вина не пей, а пей водку. Вино

намъ не по карману, а водка, братъ, лучше всего: и горе забудешь, и дешево! Adieu! (Уходитъ.)

Жадовъ.

Нѣтъ! пить не хорошо! Ничего не легче — еще тяжелѣй. (Задумывается. Василій, по приказанію изъ другой залы, заводитъ машину. Машина играетъ „Лучинушку". Жадовъ поетъ.) „Лучина, лучинушка, березовая! ..."

Василій.

Пожалуйте-съ! Не хорошо-съ! Безобразно-съ! (Жадовъ машинально надѣваетъ шинель и уходитъ.)

Дѣйствіе четвертое.

Сцена представляетъ очень бѣдную комнату. Направо окно, у окна столъ, на лѣвой сторонѣ зеркало.

Явленіе первое.

Полина (одна, смотритъ въ окно).

Какъ скучно, просто, смерть! (Поетъ.) „Матушка, голубушка, солнышко мое! пожалѣй, родимая, дитятко свое“. (Смѣется.) Какая пѣсня въ голову пришла! (Опять задумывается.) Провалился бы, кажется, отъ скуки. Загадать развѣ на картахъ? Что-жь, за этимъ дѣло не станетъ. Это можно, можно. Чего другого, а это у насъ есть. (Достаетъ изъ стола карты.) Какъ хочется поговорить къ кѣмъ-нибудь. Кабы кто-нибудь пришелъ, вотъ бы я была рада, сейчасъ бы развеселилась. А то на что это похоже! сиди одна, все одна... Ужь нѣчего сказать, люблю поговорить. Бывало, мы у маменьки, утро-то настанетъ, трещимъ, трещимъ, и не увидишь, какъ пройдетъ. А теперь и поговорить не съ кѣмъ. Развѣ къ сестрѣ сбѣгать? Да ужь поздно. Эко я, дура, не догадалась пораньше. (Поетъ.) „Матушка голубушка...“ Ахъ я и забыла погадать-то... Объ чемъ бы загадать-то? А вотъ загадаю я, будетъ ли у меня новая шляпка? (Раскладываетъ карты.) Будетъ, будетъ... будетъ, будетъ. (Хлопаетъ въ ладоши, задумывается и потомъ поетъ.) „Матушка, голубушка, солнышко мое! пожалѣй, родимая, дитятко свое“. (Входитъ Юлинька.)

Явленіе второе.

Полина и Юлинька.

Полина.

Здравствуй, здравствуй! (Цалуются.) Какъ я тебѣ рада. Скидай шляпку!

Юлинька.

Нѣтъ, я къ тебѣ на минуту.

Полина.

Ахъ, какъ ты хорошо одѣта, сестрица!

Юлинька.

Да, я теперь себѣ покупаю все, что̀ только есть лучшаго и новаго изъ-за границы.

Полина.

Счастлива ты, Юлинька.

Юлинька.

Да, я могу про себя сказать, что я счастлива. А ты, Полинька, какъ ты живешь? Ужасно. Нынче совсѣмъ не такой тонъ. Нынче у всѣхъ принято жить въ роскоши.

Полина.

Что̀ же мнѣ дѣлать? Развѣ я виновата?

Юлинька.

А мы вчера въ паркѣ были. Какъ весело было — чудо! Какой-то купецъ угощалъ насъ ужиномъ, шампанскимъ, фруктами разными.

Полина.

А я все дома сижу одна, со скуки погибаю.

Юлинька.

Да, Полина, я ужь теперь совсѣмъ не та стала. Ты не можешь представить, какъ деньги и хорошая

жизнь облагораживаютъ человѣка. Въ хозяйствѣ я теперь ничѣмъ не занимаюсь, считаю низкимъ. Я теперь все пренебрегаю, кромѣ туалета. А ты! ты! это ужасно! Что же твой мужъ дѣлаетъ, скажи, пожалуйста?

Полина.

Онъ меня даже и къ вамъ не пускаетъ, все велитъ сидѣть дома да работать.

Юлинька.

Какъ это глупо! Представляетъ изъ себя умнаго человѣка, а нынѣшняго тону не знаетъ. Онъ долженъ знать, что человѣкъ созданъ для общества.

Полина.

Какъ ты говоришь?

Юлинька.

Человѣкъ созданъ для общества. Кто-жь этого не знаетъ! Это нынче рѣшительно всѣмъ извѣстно.

Полина.

Хорошо, я это ему скажу.

Юлинька.

Ты бы съ нимъ ссориться попробовала?

Полина.

Пробовала, да что толку. Онъ всегда правъ выходитъ, а я виновата остаюсь.

Юлинька.

Да онъ любитъ тебя?

Полина.

Очень любитъ.

Юлинька.

А ты его?

Полина.

И я люблю.

Юлинька.

Ну, такъ ты сама виновата, душа моя. Лаской изъ мужчинъ ничего не сдѣлаешь. Ты къ нему ластишься — вотъ онъ и сидитъ сложа руки, ни объ себѣ, ни объ тебѣ не думаетъ.

Полина.

Онъ много работаетъ.

Юлинька.

Да что̀ проку въ его работѣ-то. Вотъ мой мужъ и немного работаетъ, а посмотри, какъ мы живемъ. Надобно правду сказать, Онисимъ Панфилычъ для дому отличный человѣкъ, настоящій хозяинъ; чего, чего у насъ нѣтъ, кабы ты посмотрѣла. И въ какое короткое время! Откуда онъ только беретъ! А твой? Что̀ это? Вѣдь, срамъ смотрѣть, какъ вы живете.

Полина.

Онъ все говоритъ: сиди, работай, не завидуй другимъ; будемъ и мы жить хорошо.

Юлинька.

Да когда же это будетъ? Состарѣешься, пока дождешься. На что̀ тогда и удовольствіе! Всякое терпѣніе лопнетъ.

Полина.

Что̀ же мнѣ дѣлать?

Юлинька.

Онъ просто тиранъ. Что̀ съ нимъ много-то разговаривать! Скажи, что ты его не любишь — вотъ и все тутъ. Или вотъ что лучше: ты скажи ему, что тебѣ надоѣла такая жизнь, что ты не хочешь съ

нимъ жить и переѣдешь къ маменькѣ, и чтобъ онъ не зналъ тебя. А я маменьку предупрежу объ этомъ.

Полина.

Хорошо, хорошо! Я это обдѣлаю въ лучшемъ видѣ.

Юлинька.

Да сумѣешь ли ты?

Полина.

Еще бы! Я какую хочешь сцену сыграю, не хуже всякой актрисы. Во-первыхъ, насъ дома къ этому съ малолѣтства пріучили, а теперь я все сижу одна, работать-то скучно; я все сама съ собою и разговариваю. Такъ научилась, что чудо. Только немного жаль его будетъ.

Юлинька.

А ужь ты не жалѣй! А я тебѣ, Полина, шляпку привезла. (Вынимаетъ изъ картона.)

Полина.

Ахъ, какая прелесть! Спасибо, сестрица, душенька. (Цалуетъ ее.)

Юлинька.

А то у тебя старая-то ужь не хороша.

Полина.

Ужасная мерзость! Скверно на улицу выдти. Вотъ я теперь мужа подразню. Вотъ, скажу, милый мой, посторонніе купили, а ты не догадаешься.

Юлинька.

Да ужь дѣлать нѣчего, Полинька, мы пока, сколько можемъ, будемъ тебя поддерживать. Только не слушай ты, пожалуйста, своего мужа. Ты ему растолкуй хорошенько, что ты его даромъ любить не будешь. Ты, глупенькая, пойми, за что ихъ даромъ любить-то, мужьевъ-то? Это довольно странно! Обезпечь меня, дескать, во всемъ, чтобы я блистала

въ обществѣ, тогда я тебя и стану любить. Онъ отъ капризу не хочетъ твоего счастія, а ты молчишь. Попроси только онъ у дяди, и ему дадутъ такое же доходное мѣсто, какъ у моего мужа.

Полина.

Ужь я теперь къ нему пристану.

Юлинька.

Ты представь только себѣ: ты такая хорошенькая, одѣнь-ка тебя со вкусомъ да посади въ театръ... при огнѣ-то ... всѣ мужчины такъ на тебя лорнеты и уставятъ.

Полина.

Не говори, сестрица, заплачу.

Юлинька.

Вотъ тебѣ денегъ (достаетъ изъ портъ-монне); иногда что̀ понадобится, такъ можешь и безъ мужа обойтись. У насъ теперь есть средства, такъ что мы рѣшились даже другимъ благодѣтельствовать.

Полина.

Спасибо, сестрица! Только онъ, пожалуй, разсердится.

Юлинька.

Велика важность! Что на него смотрѣть-то! Отъ родныхъ, не отъ чужихъ. Что̀-жь, по его милости, голодной сидѣть! Прощай, Полина.

Полина.

Прощай, сестрица. (Провожаетъ ее, Юлинька уходитъ.)

Явленіе третье.

Полина.

Какая это Юлинька у насъ умная! А я-то дура, дура! (Увидавъ картонъ.) Новая шляпка! новая шляпка!

(Хлопаетъ въ ладоши.) Я теперь цѣлую недѣлю буду весела, если только мужъ не разстроитъ. (Поетъ.) „Матушка, голубушка ...“ и т. д. (Кукушкина входитъ.)

Явленіе четвертое.

Полина и Кукушкина.

Кукушкина.

У тебя все пѣсенки на умѣ.

Полина.

Здравствуйте, маменька! Отъ скуки.

Кукушкина.

Я совсѣмъ и ходить-то къ тебѣ не хотѣла.

Полина.

Отчего же, маменька?

Кукушкина.

Мерзко мнѣ, сударыня, мерзко бывать у васъ. Да такъ ужь мимо шла, такъ зашла къ тебѣ. Нищенство, бѣдность ... фу ... я этого видѣть не могу. У меня чистота, у меня порядокъ, а здѣсь — что̀ такое! Изба деревенская! Гадость!

Полина.

Чѣмъ же я-то виновата?

Кукушкина.

Бываютъ же такіе мерзавцы на свѣтѣ! А впрочемъ, я его и не виню: я на него никогда надежды не имѣла. Ты-то что̀-жь молчишь, сударыня? Не я ли тебѣ твердила: не давай мужу потачки, точи его поминутно, и день, и ночь: давай денегъ да давай, гдѣ хочешь возьми, да подай. Мнѣ, молъ, на то нужно, на другое нужно. Маменька, молъ, у меня тонкая дама, надо ее прилично принять. Ска-

жетъ: нѣтъ у меня. А мнѣ, молъ, какое дѣло? Хоть укради, да подай. Зачѣмъ бралъ? Умѣлъ жениться, умѣй и жену содержать прилично. Да этакъ съ утра да до ночи долбила бы ему въ голову-то, такъ авось бы въ чувство пришелъ. У меня-бы на твоемъ мѣстѣ другого и разговору не было.

Полина.

Что-жь дѣлать-то, маменька, у меня въ характерѣ никакой строгости нѣтъ.

Кукушкина.

Нѣтъ, ужь ты лучше скажи, что у тебя въ характерѣ глупости много, баловства. А ты знаешь-ли, что ваше баловство портитъ мужчинъ? У тебя все нѣжности на умѣ, все бы вѣшалась къ нему на шею. Обрадовалась, что замужъ вышла, дождалась. А нѣтъ, чтобы объ жизни подумать. Бездтыдница! И въ кого это ты такая уродилась! У насъ въ роду всѣ рѣшительно холодны къ мужьямъ: больше все думаютъ объ нарядахъ, какъ одѣться приличнѣе, блеснуть передъ другими. Отчего и не приласкать мужа, да надобно, чтобы онъ чувствовалъ, за что его ласкаютъ. Вотъ Юлинька, когда мужъ привезетъ ей что-нибудь изъ города, такъ и кинется ему на шею, такъ и замретъ, насилу стащатъ. Оттого онъ чуть не каждый день ей и возитъ подарки. А не привезетъ, такъ она и губы надуетъ и не говоритъ съ нимъ два дня. Висни, пожалуй, къ нимъ на шею-то, они и рады, имъ только это и нужно. Стыдись!

Полина.

Я чувствую, что я глупа; онъ приласкаетъ меня, а я и рада.

Кукушкина.

А вотъ погоди, мы на него насядемъ обѣ, такъ авось подастся. Главное — не баловать и не слу-

шать его глупостей: онъ свое, а ты свое; спорь до обмороку, а не уступай. Уступи имъ, такъ они готовы на насъ хоть воду возить. Да гордость-то, гордость-то ему сшибить надо. Ты знаешь ли, что̀ у него на умѣ?

Полина.

Гдѣ мнѣ знать.

Кукушкина.

Это, вотъ видишь ли, есть такая дурацкая философія, я недавно въ одномъ домѣ слышала, нынче она въ моду пошла. Они забрали себѣ въ голову, что умнѣй всѣхъ на свѣтѣ, а то все дураки да взяточники. Какая глупость-то непростительная! Мы, говорятъ, не хотимъ брать взятокъ, хотимъ жить однимъ жалованьемъ. Да послѣ этого житья не будетъ! За кого-жь дочерей-то отдавать? Вѣдь, этакъ, чего добраго, и родъ человѣческій прекратится. Взятки! Что̀ за слово взятки? Сами-жь его выдумали, чтобы обижать хорошихъ людей. Не взятки, а благодарность! А отъ благодарности отказываться грѣхъ, обидѣть человѣка надо. Коли ты холостой человѣкъ, на тебя и суда нѣтъ, юродствуй, какъ знаешь. Пожалуй, хоть и жалованья не бери. А коли женился, такъ умѣй жить съ женой, не обманывай родителей. За что̀ они терзаютъ родительское сердце? Другой полоумный вдругъ беретъ воспитанную барышню, которая съ дѣтства понимаетъ жизнь и которую родители, не щадя ничего, воспитываютъ совсѣмъ не въ такихъ правилахъ, даже стараются, какъ можно, отдалять отъ такихъ глупыхъ разговоровъ, и вдругъ запираетъ ее въ конуру какую-то! Что̀ же, по ихнему, изъ воспитанныхъ барышень имъ хочется прачекъ передѣлать? Ужь коли хотятъ жениться, такъ женились бы на какихъ-нибудь заблужденныхъ, которымъ все равно, что барыней быть, что кухаркой, которыя, изъ любви къ

нимъ, рады будутъ себѣ и юбки стирать, и по грязи на рынокъ трепаться. А, вѣдь, есть такія, безъ понятія, женщины.

Полина.

Вотъ онъ и изъ меня, должно быть, то же хочетъ сдѣлать.

Кукушкина.

Что̀ нужно для женщины ... образованной, которая видитъ и понимаетъ всю жизнь, какъ свои пять пальцевъ? Они этого не понимаютъ. Для женщины нужно, чтобы она одѣта была всегда хорошо, чтобы прислуга была, а главное — нужно спокойствіе, чтобы она могла быть отдалена отъ всего, по своему благородству, ни въ какія хозяйственныя дрязги не входила. Юлинька у меня такъ и дѣлаетъ; она ото всего рѣшительно далека, кромѣ какъ занята собой. Она спитъ долго; мужъ по утру долженъ распорядиться на счетъ стола и рѣшительно всѣмъ; потомъ дѣвка напоитъ его чаемъ и онъ уѣзжаетъ въ присутствіе. Наконецъ, она встаетъ; чай, кофе, все это для нея готово, она кушаетъ, разодѣлась отличнѣйшимъ манеромъ и сѣла съ книжкой у окна дожидаться мужа. Вечеромъ надѣваетъ лучшія платья и ѣдетъ въ театръ или въ гости. Вотъ жизнь! вотъ порядокъ! вотъ какъ дама должна вести себя! Что̀ можетъ быть благороднѣе, что̀ деликатнѣе, что̀ нѣжнѣе?.. Хвалю.

Полина.

Ахъ, вотъ блаженство-то! Хоть бы недѣльку такъ пожилъ.

Кукушкина.

Да, съ своимъ мужемъ ты дождешься, какже!

Полина.

Ужь вы его, маменька, хорошенько! А то мнѣ,

право, завидно. Юлинька какъ ни пріѣдетъ, все въ новомъ платьѣ, а я все въ одномъ да въ одномъ. Вотъ онъ идетъ. (Идетъ къ дверямъ. Жадовъ входитъ съ портфелемъ. Цалуются.)

Явленіе пятое.

Тѣ же и Жадовъ.

Жадовъ.

Здравствуйте, Фелисата Герасимовна! (Садится.) Ахъ какъ усталъ! (Полина садится подлѣ матери.) Заработался совсѣмъ, отдыху себѣ не знаю. Утромъ въ присутствіе, днемъ на урокахъ, ночью за дѣлами сижу: беру выписки составлять — порядочно платятъ. А ты, Полина, вѣчно безъ работы, вѣчно, сложа руки, сидишь! Никогда тебя за дѣломъ не застанешь.

Кукушкина.

Онѣ у меня не такъ воспитаны, къ работѣ не пріучены.

Жадовъ.

Очень дурно. Послѣ трудно привыкать, когда съ малолѣтства не пріучены. А надобно будетъ.

Кукушкина.

Незачѣмъ ей и привыкать. Я ихъ не въ горничныя готовила, а замужъ за благородныхъ людей.

Жадовъ.

Мы съ вами различныхъ мнѣній, Фелисата Герасимовна. Я хочу, чтобы Полина слушалась меня.

Кукушкина.

То-есть, вы хотите сдѣлать изъ нея работницу; такъ ужь такую бы себѣ подъ пару и искали. А ужь насъ извините, мы люди совсѣмъ не такихъ понятій въ жизни, въ насъ благородство врожденное.

Жадовъ.

Какое благородство, это фанфаронство пустое! А намъ, право, не до того.

Кукушкина.

Васъ послушать, такъ уши вянутъ. А вотъ что̀ нужно сказать: кабы я знала, что она, несчастная, будетъ такую нищенскую жизнь вести, ужь ни за что̀ бы не отдала за васъ.

Жадовъ.

Вы ей, пожалуйста, не втолковывайте, что она несчастная женщина; я прошу васъ. А то она, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ подумаетъ, что несчастная.

Кукушкина.

А то счастлива? Разумѣется, въ самомъ горькомъ положеніи женщина. Другая бы на ея мѣстѣ, я ужь и не знаю, что̀ сдѣлала. (Полина плачетъ.)

Жадовъ.

Полина, перестань дурачиться, пожалѣй меня!

Полина.

У тебя все дурачиться. Видно, ты не любишь, когда тебѣ правду-то говорятъ.

Жадовъ.

Какую правду?

Полина.

Ужь, разумѣется, правду; маменька не станетъ лгать.

Жадовъ.

Мы съ тобой уже объ этомъ поговоримъ.

Полина.

Не объ чемъ говорить-то. (Отворачивается.)

Кукушкина.

Разумѣется.

Жадовъ (вздыхаетъ).

Вотъ несчастіе! (Кукушкина и Полина не обращаютъ на него вниманія и разговариваютъ шепотомъ. Жадовъ достаетъ изъ портфеля бумаги, раскладываетъ на столѣ и въ продолженіе слѣдующаго разговора оглядывается на нихъ.)

Кукушкина (громко).

Вообрази, Полина, я была у Бѣлогубова; онъ купилъ женѣ бархатное платье.

Полина (сквозь слезы).

Бархатное! Какого цвѣта?

Кукушкина.

Вишневое.

Полина (плачетъ).

Ахъ, Боже мой! Я думаю, какъ къ ней идетъ.

Кукушкина.

Чудо! Только представь, какой проказникъ Бѣлогубовъ! Насмѣшилъ, право, насмѣшилъ. Вотъ, маменька, я, говоритъ, вамъ жалуюсь на жену: я ей купилъ бархатное платье, она меня такъ цаловала, укусила даже очень больно. Вотъ жизнь! Вотъ любовь! Не то, что у другихъ.

Жадовъ.

Это невыносимо! (Встаетъ.)

Кукушкина (встаетъ).

Позвольте спросить, милостивый государь, за что она страдаетъ? Дайте мнѣ отчетъ.

Жадовъ.

Она ужь вышла изъ-подъ вашей опеки и поступила подъ мою, и потому оставьте мнѣ распоряжаться ея жизнью. Повѣрьте, что будетъ лучше.

Кукушкина.

Но я мать, милостивый государь.

Жадовъ.

А я мужъ.

Кукушкина.

Вотъ мы видимъ, каковъ вы мужъ! Никогда любовь мужа не можетъ сравниться съ родительскою.

Жадовъ.

Каковы родители!

Кукушкина.

Каковы-бы ни были, все-таки, не вамъ чета. Мы вотъ, милостивый государь, какіе родители! Мы съ мужемъ по грошамъ набирали деньги, чтобы воспитать дочерей, чтобъ отдать ихъ въ пансіонъ. Для чего это, какъ вы думаете? Для того, чтобы онѣ имѣли хорошія манеры, не видали кругомъ себя бѣдности, не видали низкихъ предметовъ, чтобы не отяготить дитя и съ дѣтства пріучить ихъ къ хорошей жизни, благородству въ словахъ и поступкахъ.

Жадовъ.

Благодарю васъ. Я вотъ почти ужь годъ стараюсь выбить изъ нея ваше воспитаніе, да никакъ не могу. Кажется, половину-бы жизни отдалъ, чтобы только она его забыла.

Кукушкина.

Да развѣ я ее для такой жизни готовила? Я-бы лучше руку дала на отсѣченіе, чѣмъ видѣть въ такомъ положеніи дочь: въ бѣдности, въ страданіи, въ убожествѣ.

Жадовъ.

Оставьте ваши сожалѣнья, я васъ прошу.

Кукушкина.

Развѣ онѣ у меня такъ жили? У меня порядокъ, у меня чистота. Средства мои самыя ничтожныя, а все-таки, онѣ жили, какъ герцогини, въ самомъ невинномъ состояніи; гдѣ ходъ въ кухню, не знали; не знали, изъ чего ци варятся; только и занимались, какъ слѣдуетъ барышнямъ, разговоромъ объ чувствахъ и предметахъ самыхъ облагорожденныхъ.

Жадовъ (указывая на жену).

Да, такого глубокаго разврата, какъ въ вашемъ семействѣ, я не видывалъ.

Кукушкина.

Развѣ такіе люди, какъ вы, могутъ оцѣнить благородное воспитаніе!... Моя вина, я поторопилась! Выдь она за человѣка съ нѣжными чувствами и съ образованіемъ, тотъ не зналъ бы, какъ благодарить меня за мое воспитаніе. И она была бы счастлива, потому что порядочные люди не заставляютъ женъ работать, для этого у нихъ есть прислуга, а жена только для ...

Жадовъ (быстро).

Для чего?

Кукушкина.

Какъ для чего? Кто-жь этого не знаетъ? Ну, извѣстно ... для того, чтобы одѣвать, какъ нельзя лучше, любоваться на нее, вывозить въ люди, доставлять всѣ наслажденія, исполнять каждую ея прихоть, какъ законъ ... боготворить.

Жадовъ.

Стыдитесь! Вы пожилая женщина, дожили до старости, выростили дочерей и воспитывали ихъ, а не знаете, для чего человѣку дана жена. Не стыдно ли вамъ! Жена не игрушка, а помощница мужу. Вы дурная мать!

Кукушкина.

Да, я знаю, что вы очень рады себѣ изъ жены кухарку сдѣлать. Безчувственный вы человѣ..ъ!

Жадовъ.

Полноте вздоръ болтать!

Полина.

Маменька, оставьте его.

Кукушкина.

Нѣтъ, не оставлю. Съ чего ты выдумала, чтобы я его оставила?

Жадовъ.

Перестаньте. Я васъ слушать не стану и женѣ не позволю. У васъ, на старости лѣтъ, все вздоръ въ головѣ.

Кукушкина.

Каковъ разговоръ, каковъ разговоръ, а?

Жадовъ.

Между мною и вами другого разговора быть не можетъ. Оставьте насъ въ покоѣ, я прошу васъ. Я люблю Полину и обязанъ беречь ее. Ваши разговоры вредны для Полины и безнравственны.

Кукушкина.

Да вы не очень горячитесь, милостивый государь!

Жадовъ.

Вы ровно ничего не понимаете.

Кукушкина (съ озлобленіемъ).

Не понимаю? Нѣтъ, я очень хорошо понимаю. Видала я примѣры-то, какъ женщины-то гибнутъ отъ бѣдности. Бѣдность-то до всего доводитъ. Другая бьется, бьется, ну и собьется съ пути. Даже и винить нельзя.

Жадовъ.

Что! Какъ вы можете говорить при дочери такія вещи! Увольте насъ отъ своего посѣщенія ... сейчасъ же, сейчасъ же.

Кукушкина.

Коли дома холодно, да голодно, да мужъ лѣнтяй, поневолѣ будешь искать средствъ ...

Жадовъ.

Оставьте насъ, я васъ честью прошу. Вы меня выведете изъ терпѣнія.

Кукушкина.

Ужь, конечно, уйду, и нога моя никогда не будетъ у васъ. (Полинѣ.) Каковъ мужъ-то у тебя! Вотъ горе-то! Вотъ несчастье-то!

Полина.

Прощайте, маменька! (Плачетъ.)

Кукушкина.

Плачь, плачь, несчастная жертва, оплакивай свою судьбу! Плачь до могилы! Да ты ужь лучше умри, несчастная, чтобы не разрывалось мое сердце. Легче мнѣ будетъ. (Жадову.) Торжествуйте! Вы свое дѣло сдѣлали: обманули, прикинулись влюбленнымъ, обольстили словами и потомъ погубили. Вся ваша цѣль была въ этомъ, я теперь васъ понимаю. (Уходитъ. Полина ее провожаетъ.)

Жадовъ.

Надобно будетъ съ Полиной построже поговорить. А то, чего добраго, ее вовсе съ толку собьютъ. (Полина возвращается.)

Явленіе шестое.

Жадовъ и Полина (садится у окна, надувшись).

Жадовъ

(разложивъ бумаги, садится къ столу).

Фелисата Герасимовна, вѣроятно, больше къ намъ не придетъ, чему я очень радъ. Я бы желалъ, Полина, чтобы и ты къ ней не ходила, а также и къ Бѣлогубовымъ.

Полина.

Не прикажете ли для васъ всю родню бросить?

Жадовъ.

Не для меня, а для себя. У нихъ у всѣхъ такія дикія понятія! Я тебя учу добру, а они развращаютъ.

Полина.

Поздно меня учить, я ужь учена.

Жадовъ.

Для меня было бы ужасно убѣдиться въ томъ, что̀ ты говоришь. Нѣтъ, я надѣюсь, что ты меня поймешь, наконецъ. Теперь много работы у меня; а вотъ будетъ поменьше, мы съ тобой займемся. Утромъ будешь работать, а по вечерамъ будемъ читать. Тебѣ многое надо прочесть, ты, вѣдь, ничего не читала.

Полина.

Какже, стану я сидѣть съ тобой! Куда какъ весело! Человѣкъ созданъ для общества.

Жадовъ.

Что̀?

Полина.

Человѣкъ созданъ для общества.

Жадовъ.

Откуда это у тебя?

Полина.

Ты меня, въ самомъ дѣлѣ, за дуру считаешь. Кто-жь этого не знаетъ! Всякій знаетъ. Что ты меня, съ улицы, что ли, взялъ?

Жадовъ.

Да для общества-то нужно приготовить себя, образовать.

Полина.

Ничего этого ненужно, все вздоръ; нужно только одѣваться по модѣ.

Жадовъ.

Ну, а мы и этого не можемъ, стало быть, и толковать нечего. Займись-ка лучше работой какой-нибудь, и я примусь за дѣло. (Беретъ перо.)

Полина.

Работой займись! Съ чего это ты выдумалъ? Ужь будетъ тебѣ надо мной командовать-то ... помыкать-то всячески да насмѣхаться-то!

Жадовъ (оборачиваясь).

Что это, Полина?

Полина.

А тоже, что я хочу жить, какъ люди живутъ, а не какъ нищіе. Надоѣло ужь. И такъ я съ тобой загубила свою молодость.

Жадовъ.

Вотъ новости! Я этого не слыхалъ еще.

Полина.

Не слыхалъ, такъ послушай. Ты думаешь, что я молчала-то почти годъ, такъ и все буду молчать?

Нѣтъ, извини! Ну, да что̀ толковать! Я хочу жить, какъ Юлинька живетъ, какъ всѣ благородныя дамы живутъ. Вотъ тебѣ и сказъ!

Жадовъ.

Вотъ что̀! Только позволь тебя спросить: на какія же средства намъ такъ жить?

Полина.

А мнѣ что̀ за дѣло! Кто любитъ, тотъ найдетъ средства.

Жадовъ.

Да ты пожалѣй меня; я и такъ работаю, какъ волъ.

Полина.

Работаешь ты, или не работаешь — мнѣ вовсе никакого дѣла нѣтъ. Не на мытарство, не на тиранство я за тебя замужъ шла.

Жадовъ.

Вы меня нынче совсѣмъ измучили. Замолчи, ради Бога.

Полина.

Какже, дожидайся, буду я молчать! По твоей милости всѣ смѣются надо мною. Что̀ и стыда натерпѣлась! Сестрица ужь сжалилась. Нынче пріѣхала: „ты, говоритъ, насъ страмишь, всю нашу фамилію: въ чемъ ты ходишь!“ И это не стыдно тебѣ? А еще увѣрялъ, что любишь. На свои деньги сестрица купила да привезла шляпку мнѣ.

Жадовъ (встаетъ).

Шляпку?

Полина.

Да, вотъ она. Посмотри, на́. Что̀, хороша?

Жадовъ (строго).

Отнеси сейчасъ назадъ.

Полина.

Назадъ?

Жадовъ.

Да, сейчасъ, сейчасъ снеси! И не смѣй отъ нихъ ничего брать.

Полина.

Ну ужь, этому не бывать; ужь будьте покойны.

Жадовъ.

Такъ я ее выкину за окно.

Полина.

А! такъ ты вотъ какъ сталъ? Хорошо, мой другъ, я снесу.

Жадовъ.

И снеси.

Полина (со слезами).

Снесу, снесу. (Надѣваетъ шляпку, мантилью, беретъ зонтикъ) Прощайте!

Жадовъ.

Прощай!

Полина.

Простимся хорошенько; ужь вы меня больше не увидите.

Жадовъ.

Это что̀ за вздоръ еще?

Полина.

Я къ маменькѣ пойду, тамъ и останусь; ты ужь и не ходи къ намъ.

Жадовъ.

Что̀ за глупость ты говоришь, Полина!

Полина.

Нѣтъ, я ужь давно обдумала! (Чертитъ зонтикомъ по

полу.) Что моя за жизнь? Одно мученье, и никакой радости?

Жадовъ.

Не грѣхъ тебѣ говорить? Неужели ты со мной и не видала никакой радости?

Полина.

Какія радости! Кабы ты богатъ былъ — другое дѣло, а то бѣдность-то терпѣть. Что за радость! Вотъ намедни пьяный пришелъ; еще, пожалуй, бить меня будешь.

Жадовъ.

Ахъ, Боже мой! Что ты говоришь? Одинъ разъ пришелъ навеселѣ ... Да кто же изъ молодыхъ людей не бываетъ пьянъ?

Полина.

Знаемъ мы, бѣдность-то до чего доводитъ. Мнѣ маменька сказывала. Ты, пожалуй, запьешь, да и я-то съ тобой погибну.

Жадовъ.

Все вздоръ какой тебѣ въ голову лѣзетъ!

Полина.

Чего мнѣ ждать хорошаго-то? Я ужь и на картахъ гадала про судьбу свою, и у ворожеи спрашивала: выходитъ — самая несчастная.

Жадовъ (хватаетъ себя за голову).

На картахъ гадаетъ! къ ворожеямъ ходитъ!

Полина.

По-твоему, чай, карты вздоръ! Нѣтъ ужь, извини, ни въ жизнь не повѣрю! Карты никогда не лгутъ. Вотъ ужь всегда-то правду говорятъ. Что даже на умѣ у человѣка, и то по картамъ сейчасъ

видно. Ты, вѣдь, ничему не вѣришь, у тебя все вздоръ; оттого намъ и счастья нѣтъ.

Жадовъ (нѣжно).

Полина! (Подходитъ къ ней.)

Полина (отходя).

Сдѣлайте милость, оставьте.

Жадовъ.

Нѣтъ, ты меня не любишь.

Полина.

За что̀ тебя любить-то? Очень нужно даромъ-то любить!

Жадовъ (горячо).

Какъ даромъ? какъ даромъ? За любовь я тебѣ плачу̀ любовью. Да, вѣдь, ты жена моя! Развѣ ты забыла это? Ты обязана со мной дѣлить и горе, и радость ... еслибъ я былъ даже послѣдній нищій.

Полина

(садится на стулъ и, закинувъ голову, хохочетъ).

Ха, ха, ха, ха!

Жадовъ.

Это ужь гадко, наконецъ! это безнравственно!

Полина (быстро встаетъ).

Я не понимаю, что̀ вамъ за охота жить съ безнравственною женщиной. Прощайте!

Жадовъ.

Богъ съ тобой, прощай! Коли ты можешь бросить равнодушно мужа, такъ прощай! (Садится къ столу и подпираетъ голову руками.)

Полина.

А что̀-жь такое! Рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ — гдѣ лучше.

Жадовъ.

Ну прощай, прощай!

Полина (передъ зеркаломъ).

Вотъ шляпка, такъ шляпка, не то что моя. (Поетъ.) „Матушка, голубушка, солнышко мое ...“ Въ этой и по улицѣ-то пройдешь, все-таки, кто-нибудь взглянетъ, скажетъ: ахъ, какая хорошенькая! Прощайте! (Присѣдаетъ и уходитъ.)

Явленіе седьмое.

Жадовъ (одинъ).

Что у меня за характеръ! Куда онъ годится? Съ женой — и то ужиться не могъ! Что же мнѣ дѣлать теперь? Господи, Боже мой! Я съ ума сойду. Безъ нея мнѣ незачѣмъ на свѣтѣ жить. Какъ это сдѣлалось, я, право, не понимаю. Какъ же это я могъ ее отпустить отъ себя! Что она будетъ дѣлать у матери! Тамъ она погибнетъ совсѣмъ. Марья! Марья! (Марья за сценой: „что угодно?“) Догони, поди, барыню, скажи, что мнѣ нужно съ нею поговорить. Да поскорѣй, поскорѣй!... Что это въ самомъ дѣлѣ, Марья, какая ты неповоротливая! Да бѣги же, бѣги скорѣй! (Марья за сценой: „сейчасъ!“) А ну, какъ она не захочетъ вернуться! Да и прекрасно сдѣлаетъ! Она имѣетъ полное право. Чѣмъ она виновата, что я не могу ее содержать прилично! Ей только восьмнадцать лѣтъ, ей жить хочется, хочется удовольствій. А я держу ее въ одной комнатѣ, цѣлый день дома не бываю. Хороша любовь! Ну, вотъ и живи одинъ! Прекрасно! очень хорошо!... Опять сирота! чего-жь лучше! Поутру пойду въ присутствіе, послѣ присутствія домой незачѣмъ ходить — посижу въ трактирѣ до вечера; а вечеромъ домой, одинъ, на холодную постель ... зальюсь слезами! И такъ каждый день. Очень хорошо!

(Плачетъ.) Ну, что-жь! не умѣлъ съ женой жить, такъ живи одинъ. Нѣтъ, надо рѣшиться на что-нибудь. Я долженъ или разстаться съ ней, или ... жить ... жить ... какъ люди живутъ. Объ этомъ надо подумать. (Задумывается.) Разстаться? Да въ силахъ ли я съ ней разстаться? Ахъ, какая мука! какая мука! Нѣтъ ужь, лучше ... что съ мельницами-то сражаться! Что я говорю! Какія мысли лѣзутъ мнѣ въ голову. (Входитъ Полина.)

Явленіе восьмое.

Полина и Жадовъ.

Полина (садится, не раздѣваясь).

Что вамъ угодно?

Жадовъ (подбѣгаетъ къ ней.)

Пришла, пришла! Опять пришла!... Не стыдно-ли тебѣ! Ты меня такъ разстроила, такъ разстроила, Полина, что я и съ мыслями не соберусь. Я совсѣмъ растерялся. (Цалуетъ руки.) Полина, другъ мой!

Полина.

Да ты съ нѣжностями-то не подъѣзжай ко мнѣ.

Жадовъ.

Ты, вѣдь, пошутила Полина, а? Ты меня не оставишь?

Полина.

Куда какъ интересно жить-то съ тобой, горе-то мыкать!

Жадовъ.

Ты меня убиваешь, Полина! Ужь коли не любишь, такъ хоть пожалѣй меня. Ты знаешь, какъ я тебя люблю.

Полина.

Да, оно и видно! такъ и любятъ.

Жадовъ.

Какъ же еще любятъ? Какъ? Скажи, я все исполню, что̀ ты мнѣ прикажешь.

Полина.

Поди сейчасъ къ дядѣ, помирись съ нимъ и попроси такое же мѣсто, какъ у Бѣлогубова, да и денегъ попроси кстати; послѣ отдадимъ, какъ разбогатѣемъ.

Жадовъ.

Ни за что̀ на свѣтѣ, ни за что̀ на свѣтѣ! И не говори ты мнѣ этого.

Полина.

Зачѣмъ же ты меня воротилъ? Смѣяться, что̀ ли надо мной хочешь? Такъ ужь будетъ, я теперь стала умнѣй. Прощай! (Встаетъ.)

Жадовъ.

Постой! Погоди, Полина! Дай мнѣ съ тобой поговорить.

Полина (передъ зеркаломъ).

Объ чемъ говорить! Ужь все переговорили.

Жадовъ (съ умоляющимъ видомъ).

Нѣтъ, нѣтъ, Полина, не все еще. Много, много мнѣ нужно еще сказать тебѣ. Ты многаго не знаешь. Кабы можно было мнѣ вдругъ передать тебѣ свою душу, передать то, о чемъ думалъ и мечталъ я, какъ бы я былъ счастливъ! Давай, поговоримъ, Полина, поговоримъ. Ты только, ради Бога, слушай, одной милости прошу у тебя.

Полина.

Говори.

Жадовъ (горячо).

Слушай, слушай! (Беретъ ее за руку.) Всегда, Полина, во всѣ времена были люди, они и теперь есть, ко-

торые идутъ наперекоръ устарѣвшимъ общественнымъ привычкамъ и условіямъ. Не по капризу, не по своей волѣ — нѣтъ, а потому, что правила, которыя они знаютъ, лучше, честнѣе тѣхъ правилъ, которыми руководствуется общество. И не сами они выдумали эти правила: они ихъ слышали съ пастырскихъ и профессорскихъ каѳедръ, они ихъ вычитали въ лучшихъ литературныхъ произведеніяхъ нашихъ и иностранныхъ. Они воспитались въ нихъ и хотятъ ихъ провести въ жизни. Что это не легко — я согласенъ. Общественные пороки крѣпки, невѣжественное большинство сильно. Борьба трудна и часто пагубна; но тѣмъ больше славы для избранныхъ: на нихъ благословеніе потомства; безъ нихъ ложь, зло, насиліе выросли бы до того, что закрыли бы отъ людей свѣтъ солнечный ...

Полина

(смотритъ на него съ изумленіемъ).

Ты сушасшедшій, право, сумасшедшій! И ты хочешь, чтобъ я тебя слушала; у меня и такъ ума-то немного, и послѣдній съ тобой потеряешь.

Жадовъ.

Да ты послушай меня, Полина!

Полина.

Нѣтъ, ужь я лучше буду слушать умныхъ людей.

Жадовъ.

Кого же ты будешь слушать? Кто эти умные люди?

Полина.

Кто? Сестрица, Бѣлогубовъ.

Жадовъ.

И ты сравняла меня съ Бѣлогубовымъ!

Полина.

Скажите пожалуйста! Ты что̀ такой за важный человѣкъ? Извѣстно, Бѣлогубовъ лучше тебя. У начальства въ уваженіи, жену любитъ, отличный хозяинъ, свои лошади ... А ты что̀? только что хвастать ... (Передразнивая его.) „я умный, я благородный, всѣ дураки, всѣ взяточники!“

Жадовъ.

Что̀ за тонъ у тебя! Что̀ за манеры! Какая мерзость!

Полина.

Ты опять ругаться! Прощай! (Хочетъ идти.)

Жадовъ (держитъ ее).

Постой, погоди немножко.

Полина.

Пусти.

Жадовъ.

Нѣтъ, постой, постой! Полиночка, другъ мой, погоди. (Хватаетъ ее за платье.)

Полина (смѣется).

Ну, что̀ ты меня держишь руками-то! какой ты чудакъ! Захочу уйти, такъ не удержишь.

Жадовъ.

Что̀-жь мнѣ съ тобой дѣлать? Что̀-жь мнѣ съ тобой дѣлать, съ моей милой Полиной?

Полина.

Поди къ дядѣ да помирись.

Жадовъ.

Постой, постой, дай подумать

Полина

Подумай.

Жадовъ.

Вѣдь, я тебя люблю, я для тебя готовъ на все на свѣтѣ . . Но что ты мнѣ предлагаешь! .. Ужасно! ... Нѣтъ, надо подумать. Да, да, да, да ... подумать надо ... надо подумать . Ну, а если и не пойду къ дядѣ, ты уйдешь отъ меня?

Полина.

Уйду

Жадовъ.

Совсѣмъ уйдешь?

Полина.

Совсѣмъ. Не десять тебѣ разъ говорить-то, надоѣло ужь. Прощай!

Жадовъ.

Постой, постой! (Садится къ столу, подпираетъ голову руками и задумывается.)

Полина.

Долго ли мнѣ ждать-то!

Жадовъ (почти со слезами).

А, вѣдь, знаешь что, Полина? Вѣдь, хорошо, когда хорошенькая жена да хорошо одѣта?

Полина (съ чувствомъ).

Очень хорошо!

Жадовъ.

Ч[illegible] да, да (кричитъ) да, да (топаетъ ногами). И хо[illegible]ей выѣхать въ хорошемъ экипажѣ?

Полина.

[illegible]рошо!

Жадовъ.

[illegible]рошенькую жену надо любить, [illegible]итъ) да, да, да, надо ее на-

ряжать ... (Успокоившись.) Ну что-жь, ничего ... ничего ... Это легко сдѣлать! (Съ отчаяніемъ.) Прощайте, юношескія мечты мои! Прощайте, великіе уроки! Прощай, моя честная будущность! Вѣдь, буду и я старикъ, будутъ у меня и сѣдые волосы, будутъ и дѣти . .

Полина.

Что ты? что ты?

Жадовъ.

Нѣтъ, нѣтъ! дѣтей будемъ въ строгихъ правилахъ воспитывать. Пусть идутъ за вѣкомъ. Нѣчего имъ на отцовъ смотрѣть.

Полина.

Да перестань!

Жадовъ.

Дай мнѣ поплакать-то: вѣдь, ужь это я плачу въ послѣдній разъ въ жизни. (Рыдаетъ.)

Полина.

Что это съ тобой сдѣлалось?

Жадовъ.

Ничего ... ничего ... легко ... легко ... все легко на свѣтѣ. Только надобно, чтобъ не напоминало ничто! Это просто сдѣлать! Это я сдѣлаю ... буду сторониться, прятаться отъ своихъ прежнихъ товарищей .. не буду ходить туда, гдѣ говорятъ про честность, про святость долга ... цѣлую недѣлю работать, а въ пятницу на субботу собирать разныхъ Бѣлогубовыхъ и пьянствовать на наворованныя деньги, какъ разбойники ... да, да ... А тамъ и привыкнешь.

Полина (почти плача).

Ты что-то нехорошее говоришь.

Жадовъ.

Пѣть пѣсни ... Ты знаешь эту пѣсню? (Поетъ.)

„Бери, большой тутъ нѣтъ науки.
Бери, что можно только взять.
На что-жь привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать, брать, брать ..."

Хороша эта пѣсенка?

Полина.

Что съ тобой такое, я ужь и не пойму.

Жадовъ.

Пойдемъ къ дядюшкѣ просить доходнаго мѣста!

(Надѣваетъ небрежно шляпу и беретъ жену за руку. Уходятъ.)

Дѣйствіе пятое.

Комната перваго дѣйствія.

Явленіе первое.

Вышневская и **Антонъ** (подаетъ письмо на подносѣ и уходитъ).

Вышневская (читаетъ).

„Милостивая государыня, Анна Павловна! Извините меня, если мое письмо вамъ не понравится; ваши поступки со мной оправдываютъ и мои. Я слышалъ, что вы смѣетесь надо мной и показываете постороннимъ мои письма, писанныя съ увлеченіемъ и въ порывѣ страсти. Вы не можете не знать моего положенія въ обществѣ и сколько компрометируетъ меня такое ваше поведеніе. Я не мальчикъ. И по какому праву вы такъ поступаете со мной? Мое искательство совершенно оправдывалось вашимъ поведеніемъ, которое, вы сами должны признаться, не было безукоризненно. И хотя мнѣ, какъ мужчинѣ, позволительны нѣкоторыя вольности, но смѣшнымъ я быть не хочу. А вы меня сдѣлали предметомъ разговора въ цѣломъ городѣ. Вы знаете мои отношенія къ Любимову, я уже говорилъ вамъ, что между бумагами, которыя остались послѣ него, я нашелъ нѣсколько вашихъ писемъ. Я предлагалъ вамъ ихъ получить отъ меня. Стоило только вамъ побороть вашу гордость и согласиться съ общественнымъ мнѣніемъ, что я одинъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ и болѣе другихъ пользуюсь успѣхами между дамами. Вамъ угодно было обращаться со мной презрительно;

въ такомъ случаѣ вы должны меня извинить: я рѣшился передать эти письма вашему мужу". Вотъ это благородно! Фу, какая мерзость! Ну, да все равно, надобно же было кончить когда-нибудь. Я не изъ тѣхъ женщинъ, чтобы согласилась поправлять холоднымъ развратомъ проступокъ, сдѣланный по увлеченію. Хороши у насъ мужчины! Человѣкъ, которому 40 лѣтъ, у котораго жена красавица, начинаетъ ухаживать за мной, говорить и дѣлать глупости. Что можетъ оправдать его? Страсть? Какая страсть! Онъ ужь, я думаю, въ восьмнадцать лѣтъ потерялъ способность влюбляться. Нѣтъ, очень просто: до него дошли разныя сплетни про меня, и онъ считаетъ меня доступною женщиной. И вотъ онъ безъ всякой церемоніи начинаетъ писать ко мнѣ страстныя письма, наполненныя самыми пошлыми нѣжностями, очевидно, весьма хладнокровно придуманными. Онъ объѣздитъ десять гостиныхъ, гдѣ будетъ разсказывать про меня самыя ужасныя вещи, и потомъ пріѣзжаетъ утѣшать меня. Говоритъ, что онъ презираетъ общественное мнѣніе, что страсть въ его глазахъ оправдываетъ все. Клянется въ любви, говоритъ пошлыя фразы, желая придать своему лицу страстное выраженіе, дѣлаетъ какія-то странныя, кислыя улыбки. Даже не даетъ себѣ труда хорошенько притвориться влюбленнымъ. Зачѣмъ трудиться, сойдетъ и такъ, только бы форма была соблюдена. Если посмѣешься надъ такимъ человѣкомъ, или окажешь ему презрѣніе, котораго онъ заслуживаетъ, онъ считаетъ себя въ правѣ мстить. Для него смѣшное страшнѣе самаго грязнаго порока. Связью съ женщиной онъ станетъ хвастаться самъ — это дѣлаетъ ему честь; а письма его показать — бѣда, это его компрометируетъ. Онъ самъ чувствуетъ, что они смѣшны и глупы. За кого же они считаютъ тѣхъ женщинъ, къ которымъ пишутъ такія письма? Безсовѣстный народъ! И вотъ онъ теперь, въ порывѣ

благороднаго негодованія, дѣлаетъ подлость противъ меня и, вѣроятно, считаетъ себя правымъ. Да не одинъ онъ, всѣ таковы ... Ну, да тѣмъ лучше, по крайней мѣрѣ, я объяснюсь съ мужемъ. Мнѣ даже хочется этого объясненія. Онъ увидитъ, что если я виновата передъ нимъ, то онъ еще болѣе виноватъ передо мной. Онъ убилъ всю мою жизнь. Онъ своимъ эгоизмомъ засушилъ мое сердце, отнялъ у меня возможность семейнаго счастія, онъ заставилъ меня плакать о томъ, что̀ воротить нельзя — объ моей молодости. Я провела ее съ нимъ пошло, безчувственно, тогда какъ душа просила жизни, любви. Въ пустомъ, мелочномъ кругѣ его знакомыхъ, въ который онъ ввелъ меня, во мнѣ заглохли всѣ лучшія душевныя качества, оледенѣли всѣ благородные порывы, И въ добавокъ, я испытываю угрызеніе совѣсти за проступокъ, котораго избѣжать было не въ моей власти. (Юсовъ входитъ замѣтно разстроенный).

Явленіе второе.

Вышневская и Юсовъ.

Юсовъ (кланяясь).

Еще не пріѣзжали-съ?

Вышневская.

Нѣтъ еще. Садитесь. (Юсовъ садится.) Вы чѣмъ-то встревожены?

Юсовъ.

Нѣтъ словъ-съ ... уста нѣмѣютъ.

Вышневская.

Да что̀ такое?

Юсовъ (качаетъ головой).

Человѣкъ все равно ... корабль по морю ... вдругъ кораблекрушеніе, и нѣсть спасающаго! ...

Вышневская.

Я васъ не понимаю.

Юсовъ.

Я на счетъ бренности ... что̀ прочно въ жизни сей? Съ чѣмъ придемъ? съ чѣмъ предстанемъ? ... Однѣ дѣла ... можно сказать, какъ ноша за спиной ... въ обличеніе ... и помышленія даже ... (Махнувъ рукой.) всѣ записаны.

Вышневская.

Что̀, умеръ, что̀ ли, кто-нибудь?

Юсовъ.

Нѣтъ-съ, переворотъ въ жизни. (Нюхаетъ табакъ.) Въ богатствѣ и въ знатности затмѣніе бываетъ ... чувствъ нашихъ ... забываемъ нищую братію ... гордость, плотоугодіе ... За то и наказаніе бываетъ по дѣламъ нашимъ.

Вышневская.

Я это давно знаю; не понимаю только, къ чему вы передо мной теряете даромъ свое краснорѣчіе.

Юсовъ.

Близко сердцу моему ... Положимъ, хоть я тутъ не подлежу большой отвѣтственности ... но, все-таки, надъ такой особой! Что̀ прочно! ... когда и санъ не защищаетъ.

Вышневская.

Надъ какой особой?

Юсовъ.

Опала на насъ-съ.

Вышневская.

Да говорите!

Юсовъ.

Открылись, якобы, упущенія, недочеты суммъ и разныя злоупотребленія.

Вышневская.

Что же?

Юсовъ.

Такъ насъ подъ судъ-съ ... То-есть, я-то собственно не подлежу большой отвѣтственности, а Аристархъ Владимірычъ должны будутъ ..

Вышневская.

Что должны?

Юсовъ.

Отвѣтствовать всѣмъ своимъ имуществомъ и подвергнуться суду за противозаконные, якобы, поступки.

Вышневская (поднявъ глаза).

Начинается расплата!

Юсовъ.

Конечно, смертный ... Станутъ придираться, такъ пожалуй, найдутъ что-нибудь; я такъ полагаю, что, по нынѣшнимъ строгостямъ, отставятъ ... Долженъ буду бѣдствовать безъ куска хлѣба.

Вышневская.

Вамъ, кажется, далеко до этого.

Юсовъ.

Да, вѣдь, дѣти-съ. (Молчаніе.) Я все думалъ дорогой, съ прискорбіемъ думалъ: за что такое попущеніе на насъ? За гордость ... Гордость ослѣпляетъ человѣка, застилаетъ глаза.

Вышневская.

Полноте, какая тутъ гордость! просто взятки.

Юсовъ.

Взятки? Взятки что-съ, маловажная вещь ... многіе подвержены. Смиренія нѣтъ, вотъ главное ... Судьба все равно, что фортуна ... какъ изобра-

жается на картинѣ ... колесо, и на немъ люди ... поднимается кверху и опять опускается внизъ, возвышается и потомъ смиряется, превозносится собой и опять ничто ... такъ все кругообразно. Устроивай свое благосостояніе, трудись, пріобрѣтай имущество ... возносись въ мечтахъ .. и вдругъ нагъ!.. Надпись подписана подъ этой фортуной ... (Съ чувствомъ.)

„Чуденъ въ свѣтѣ человѣкъ!
Суетится цѣлый вѣкъ,
Счастія сыскать желаетъ,
А того не воображаетъ,
Что судьба имъ управляетъ".

Вотъ что̀ раскусить надо! Вотъ что̀ долженъ человѣкъ помнить! Мы родимся, ничего не имѣемъ, такъ и въ могилу. Для чего же трудимся? Вотъ философія! Что̀ нашъ умъ? Что̀ онъ можетъ постигнуть? (Входитъ Вышневскій и молча проходитъ въ кабинетъ. Юсовъ встаетъ.)

Вышневская.

Какъ онъ измѣнился!

Юсовъ.

За докторомъ бы послать. Съ ними давеча въ присутствіи дурно сдѣлалось. Такой ударъ ... человѣку благородныхъ чувствъ ... какъ его перенесть!

Вышневская

(звонитъ; входитъ мальчикъ).

Сходи за докторомъ, попроси поскорѣй пріѣхать. (Вышневскій выходитъ и садится въ кресла.)

Явленіе третье.

Тѣ же и **Вышневскій.**

Вышневская (подходя къ нему).

Я слышала отъ Акима Акимыча, съ вами несчастіе. Не падайте духомъ. (Молчаніе.) Вы ужасно пе-

ремѣнились. Вы дурно себя чувствуете? Я послала за докторомъ.

Вышневскій.

Какое лицемѣріе! Какая гнусная ложь! Какая подлость!

Вышневская (гордо).

Никакой лжи! Я васъ жалѣю, какъ стала бы жалѣть всякаго въ несчастіи — ни больше, ни меньше. (Отходитъ и садится.)

Вышневскій.

Ненужно мнѣ вашихъ сожалѣній. Не жалѣйте меня! я обезчещенъ, разоренъ! За что?

Вышневская.

Спросите у вашей совѣсти.

Вышневскій.

Не говорите о совѣсти! Вы не имѣете права говорить о ней ... Юсовъ! За что я погибъ?

Юсовъ.

Превратность ... судьба-съ.

Вышневскій.

Вздоръ, какая судьба! Сильные враги — вотъ причина! Вотъ что меня сгубило! Проклятіе вамъ! Позавидовали моему благополучію. Какъ не позавидовать! Человѣкъ въ нѣсколько лѣтъ возвышается, богатѣетъ, смѣло создаетъ свое благоденствіе, строитъ дома и дачи, покупаетъ деревню за деревней, выростаетъ выше ихъ цѣлой головой. Какъ не позавидовать! Человѣкъ идетъ къ богатству и почестямъ, какъ по лѣстницѣ. Чтобы перегнать, или хоть догнать его, нуженъ умъ, геній. Ума взять нѣгдѣ, ну такъ подставить ему ногу. Я задыхаюсь отъ бѣшенства ...

Юсовъ.

Зависть человѣка можетъ на все подвигнуть ...

Вышневскій.

Не паденіе меня бѣситъ — нѣтъ, а торжество, которое я имъ доставлю своимъ паденіемъ. Что̀ теперь разговору! что̀ радости! О, чортъ возьми, я не переживу! (Звонитъ. Входитъ Антонъ.) Воды ... (Антонъ подаетъ и уходитъ.) Теперь съ вами мнѣ нужно поговорить.

Вышневская.

Что̀ вамъ угодно?

Вышневскій.

Мнѣ угодно вамъ сказать, что вы развратная женщина.

Вышневская.

Аристархъ Владимірычъ, здѣсь посторонніе люди.

Юсовъ.

Прикажете уйти?

Вышневскій.

Останься! Я скажу то же самое при всей дворнѣ.

Вышневская.

За что̀ вы оскорбляете меня? Вамъ не на кого излить свою безсильную злобу. Не грѣхъ ли вамъ!

Вышневскій.

Вотъ вамъ доказательство моихъ словъ. (Бросаетъ конвертъ съ письмами. Юсовъ поднимаетъ и подаетъ Вышневской.)

Вышневская.

Благодарю васъ. (Судорожно разсматриваетъ ихъ и прячетъ въ карманъ.)

Вышневскій.

Юсовъ, что̀ дѣлаютъ съ женщиной, которая, не смотря на всѣ благодѣянія мужа, забываетъ свой долгъ?

Юсовъ.

Гм ... Гмм ...

Вышневскій.

Я тебѣ скажу: выгоняютъ съ позоромъ! Да́, Юсовъ, я несчастенъ, вполнѣ несчастенъ, я одинокъ. Не бросай хоть ты меня. Человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ высоко поставленъ, когда онъ въ горѣ, все-таки, ищетъ утѣшенія въ семействѣ. (Съ злобою.) А я нахожу въ своемъ семействѣ ...

Вышневская.

Не говорите про семейство! У васъ его никогда не было. Вы даже не знаете, что̀ такое семейство! Позвольте же теперь, Аристархъ Владимірычъ, высказать вамъ все, что̀ я перенесла, живя съ вами.

Вышневскій.

Для васъ нѣтъ оправданій.

Вышневская.

Я и не хочу оправдываться — мнѣ не въ чемъ оправдываться. За минутное увлеченіе я перенесла много горя, много униженія, но, повѣрьте, безъ ропота на судьбу и безъ проклятій, какъ вы. Я хочу вамъ сказать только, что если я виновата, то передъ собой одной, а не передъ вами. Вы не должны меня упрекать. Еслибъ вы имѣли сердце, вы-бы чувствовали, что вы меня погубили.

Вышневскій.

Ха, ха! Вините кого другого въ вашемъ поведеніи, а не меня.

Вышневская.

Нѣтъ, васъ. Развѣ вы жену брали себѣ? Вспомните, какъ вы за меня сватались! Когда вы были женихомъ, я не слыхала отъ васъ ни одного слова о семейной жизни; вы вели себя. какъ старый воло-

кита, обольщающій молодыхъ дѣвушекъ подарками, смотрѣли на меня, какъ сатиръ. Вы видѣли мое отвращеніе къ вамъ и, не смотря на это, вы, все-таки, купили меня за деньги у моихъ родственниковъ, какъ покупаютъ невольницъ въ Турціи. Чего-же вы отъ меня хотите?

Вышневскій.

Вы моя жена, не забывайте! и я въ правѣ всегда требовать отъ васъ исполненія вашего долга.

Вышневская.

Да, вы свою покупку, не скажу, освятили — нѣтъ, а закрыли, замаскировали бракомъ. Иначе нельзя было: мои родные не согласились бы, а для васъ все равно. И потомъ, когда ужъ вы были моимъ мужемъ, вы не смотрѣли на меня, какъ на жену: вы покупали за деньги мои ласки. Если вы замѣчали во мнѣ отвращеніе къ вамъ, вы спѣшили ко мнѣ съ какимъ-нибудь дорогимъ подаркомъ и тогда ужь подходили смѣло, съ полнымъ правомъ. Что-же, мнѣ было дѣлать ... вы, все-таки, мой мужъ: я покорялась. О! перестанешь уважать себя. Каково испытывать чувство презрѣнія къ самой себѣ! Вотъ до чего вы довели меня! Но что со мной было потомъ, когда я узнала, что даже деньги, которыя вы мнѣ дарите — не ваши, что онѣ пріобрѣтены не честно ..

Вышневскій (привстаетъ).

Замолчите!

Вышневская.

Извольте, я замолчу объ этомъ, вы уже довольно наказаны; но я буду продолжать о себѣ.

Вышневскій.

Говорите, что хотите, мнѣ все равно; вы не измѣните моего мнѣнія о васъ.

Вышневская.

Можетъ быть вы о себѣ измѣните мнѣніе послѣ моихъ словъ. Вы помните, какъ я дичилась общества, я боялась его. И не даромъ. Но вы требовали — я должна была уступить вамъ. И вотъ, совсѣмъ неприготовленную, безъ совѣта, безъ руководителя, вы ввели меня въ свой кругъ, въ которомъ искушеніе и порокъ на каждомъ шагу. Нѣкому было ни предупредить, ни поддержать меня! Впрочемъ, я сама узнала всю мелочность, весь развратъ тѣхъ людей, которые составляютъ ваше знакомство. Я берегла себя. Въ то время я встрѣтила въ обществѣ Любимова, вы его знали. Помните его открытое лицо, его свѣтлые глаза, какъ уменъ и какъ чистъ былъ онъ самъ! Какъ горячо онъ спорилъ съ вами, какъ смѣло говорилъ про всякую ложь и неправду! Онъ говорилъ то, что я уже чувствовала, хотя и не ясно. Я ждала отъ васъ возраженій. Возраженій отъ васъ не было; вы только клеветали на него, за глаза выдумывали гнусныя сплетни, старались уронить его въ общественномъ мнѣніи, и больше ничего. Какъ я желала тогда заступиться за него; но я не имѣла для этого ни возможности, ни достаточно ума. Мнѣ оставалось только ... полюбить его.

Вышневскій.

Такъ вы и сдѣлали?

Вышневская.

Такъ я и сдѣлала. Я видѣла потомъ, какъ вы губили его, какъ мало-по-малу достигали своей цѣли. То-есть, не вы одни, а всѣ, кому это нужно было. Вы сначала вооружили противъ него общество, говорили, что его знакомство опасно для молодыхъ людей, потомъ твердили постоянно, что онъ вольнодумецъ и вредный человѣкъ, и возстановили противъ него его начальство; онъ принужденъ былъ

оставить службу, родныхъ, знакомство, уѣхать отсюда ... (Закрываетъ глаза платкомъ.) Я все это видѣла, все выстрадала на себѣ. Я видѣла торжество злобы, а вы все еще считаете меня той дѣвочкой, которую вы купили и которая должна быть благодарна и любить васъ за ваши подарки. Изъ моихъ чистыхъ отношеній къ нему сдѣлали гнусную сплетню; дамы стали явно клеветать на меня, а тайно завидовать; молодые и старые волокиты стали безъ церемоніи преслѣдовать меня. Вотъ до чего вы довели меня, женщину, достойную, можетъ быть, лучшей участи, женщину, способную понимать истинное значеніе жизни и ненавидѣть зло! Вотъ все, что̀ я хотѣла сказать вамъ — больше вы не услышите отъ меня упрека никогда.

Вышневскій.

Напрасно. Я теперь бѣдный человѣкъ, а бѣдные люди позволяютъ своимъ женамъ ругаться. Это у нихъ можно. Еслибы я былъ тотъ Вышневскій, какимъ былъ до нынѣшняго дня, я бы васъ прогналъ безъ разговору; но мы теперь, благодаря врагамъ моимъ, должны спуститься изъ круга порядочныхъ людей. Въ низшемъ кругу мужья бранятся съ своими женами и иногда дерутся — и это не дѣлаетъ никакого скандала. (Входитъ Жадовъ съ женой.)

Явленіе четвертое.

Тѣ же, **Жадовъ** и **Полина**.

Вышневскій.

Ты зачѣмъ?

Жадовъ.

Дядюшка, извините ...

Полина.

Здравствуйте, дяденька! Здравствуйте, тетенька!

(Шепчетъ Вышневской.) Пришелъ мѣста просить. (Садится подлѣ Вышневской.)

Вышневская.

Какъ! Неужели? (Смотритъ съ любопытствомъ на Жадова.)

Вышневскій.

Ты пришелъ посмѣяться надъ дядей!

Жадовъ.

Дядюшка, я, быть можетъ, оскорбилъ васъ. Извините меня ... увлеченіе молодости, незнаніе жизни ... я не долженъ былъ ... вы мой родственникъ.

Вышневскій.

Ну?

Жадовъ.

Я испыталъ, что̀ значитъ жить безъ поддержки ... безъ протекціи ... я женатъ.

Вышневскій.

Ну, что̀-жь тебѣ?

Жадовъ.

Я живу очень бѣдно ... Для меня бы стало; но для жены, которую я очень люблю ... Позвольте мнѣ опять служить подъ вашимъ начальствомъ ... дядюшка, обезпечьте меня! Дайте мнѣ мѣсто, гдѣ-бы я ... могъ ... (тихо) пріобрѣсть что̀-нибудь.

Полина (Вышневской).

Подоходнѣе.

Вышневскій (хохочетъ).

Ха, ха, ха! ... Юсовъ! Вотъ они, герои-то! Молодой человѣкъ, который кричалъ на всѣхъ перекресткахъ про взяточниковъ, говорилъ о какомъ-то новомъ поколѣніи, идетъ къ намъ же просить доходнаго мѣста, чтобы брать взятки! Хорошо новое поколѣніе! ха, ха, ха!

Жадовъ (встаетъ).

Охъ! (Хватается за грудь.)

Юсовъ.

Молодъ былъ! Развѣ дѣло говорилъ! Одни слова ... Такъ они словами и останутся. Жизнь-то дастъ себя знать. (Нюхаетъ табакъ.) Бросишь философію-то. Только то нехорошо, что прежде надобно было умныхъ людей послушать, а не грубить.

Вышневскій (Юсову).

Нѣтъ, Юсовъ, помнишь, какой тонъ былъ! Какая увѣренность въ самомъ себѣ! Какое негодованіе къ пороку! (Жадову, болѣе и болѣе разгорячаясь.) Не ты-ли говорилъ, что ростетъ какое-то новое поколѣніе образованныхъ, честныхъ людей, мучениковъ правды, которые обличатъ насъ, закидаютъ насъ грязью? Не ты-ли? Признаюсь тебѣ, я вѣрилъ. Я васъ глубоко ненавидѣлъ ... я васъ боялся. Да, не шутя. И что-жь оказывается! Вы честны до тѣхъ поръ, пока не выдохлись уроки, которые вамъ долбили въ голову; честны только до первой встрѣчи съ нуждой! Ну, обрадовалъ ты меня, нѣчего сказать! ... Нѣтъ, вы не стоите ненависти — я васъ презираю!

Жадовъ.

Презирайте, презирайте меня. Я самъ себя презираю.

Вышневскій.

Вотъ люди, которые взяли себѣ привилегію на честность! Мы съ тобой осрамлены! Насъ отдали подъ судъ ...

Жадовъ.

Что я слышу!

Юсовъ.

Люди — всегда люди.

Жадовъ.

Дядюшка, я не говорилъ, что наше поколѣніе

честнѣй другихъ. Всегда были и будутъ честные люди, честные граждане, честные чиновники; всегда были и будутъ слабые люди. Вотъ вамъ доказательство — я самъ. Я говорилъ только, что въ наше время ... (начинаетъ тихо и постепенно одушевляться) общество мало-по-малу бросаетъ прежнее равнодушіе къ пороку, слышатся энергическіе возгласы противъ общественнаго зла ... Я говорилъ, что у насъ пробуждается сознаніе своихъ недостатковъ; а въ сознаніи есть надежда на лучшее будущее. Я говорилъ, что начинаетъ создаваться общественное мнѣніе ... что въ юношахъ воспитывается чувство справедливости, чувство долга, и оно ростетъ, ростетъ и принесетъ плоды. Не увидите вы, такъ мы увидимъ и возблагодаримъ Бога. Моей слабости вамъ нѣчего радоваться. Я не герой, я обыкновенный, слабый человѣкъ; у меня мало воли, какъ почти у всѣхъ насъ. Нужда, обстоятельства, необразованность родныхъ, окружающій развратъ могутъ загнать меня, какъ загоняютъ почтовую лошадь. Но довольно одного урока, хоть такого, какъ теперь ... благодарю васъ за него; довольно одной встрѣчи съ порядочнымъ человѣкомъ, чтобы воскресить меня, чтобы поддержать во мнѣ твердость. Я могу поколебаться, но преступленія не сдѣлаю; я могу споткнуться, но не упасть. Мое сердце ужь размягчено образованіемъ, оно не загрубѣетъ въ порокѣ. (Молчаніе.) Я не знаю, куда дѣться отъ стыда ... Да, мнѣ стыдно, стыдно, что я у васъ.

Вышневскій (поднимаясь).

Такъ поди вонъ!

Жадовъ (кротко).

Пойду. Полина, теперь ты можешь идти къ маменькѣ; я тебя держать не стану. Ужь теперь я не измѣню себѣ. Если судьба приведетъ ѣсть одинъ черный хлѣбъ — буду ѣсть одинъ черный хлѣбъ. Никакія блага не соблазнятъ меня, нѣтъ! Я хочу со-

хранить за собой дорогое право глядѣть всякому въ глаза прямо, безъ стыда, безъ тайныхъ угрызеній, читать и смотрѣть сатиры и комедіи на взяточниковъ и хохотать отъ чистаго сердца, откровеннымъ смѣхомъ. Если вся жизнь моя будетъ состоять изъ трудовъ и лишеній, я не буду роптать ... Одного утѣшенія буду просить я у Бога, одной награды буду ждать. Чего, думаете вы? (Короткое молчаніе.) Я буду ждать того времени, когда взяточникъ будетъ бояться суда общественнаго больше, чѣмъ уголовнаго.

Вышневскій (встаетъ).

Я тебя задушу своими руками! (Шатается.) Юсовъ, мнѣ дурно. Проводи меня въ кабинетъ. (Уходитъ съ Юсовымъ.)

Явленіе пятое.

Вышневская, Жадовъ, Полина и потомъ Юсовъ.

Полина (подходитъ къ Жадову).

Ты думалъ, что я въ самомъ дѣлѣ хочу тебя оставить? Это я нарочно. Меня научили.

Вышневская.

Помиритесь, дѣти мои. (Жадовъ и Полина цалуются.)

Юсовъ (въ дверяхъ.)

Доктора! Доктора!

Вышневская
(приподнимаясь въ креслахъ).

Что, что?

Юсовъ.

Съ Аристархомъ Владимірычемъ ударъ!

Вышневская (слабо вскрикнувъ).

Ахъ! (Опускается въ кресла; Полина, со страху, прижимается къ Жадову; Жадовъ опирается рукой на столъ и опускаетъ голову. Юсовъ стоитъ у двери, совершенно растерявшись. Картина.)

Праздничный сонъ—до обѣда[1].

Картины изъ московской жизни.

[1] По народному повѣрью, сонъ, видѣнный подъ праздникъ, сбывается только до обѣда.

Лица:

Павла Петровна Бальзаминова, вдова.

Михайло Дмитричъ Бальзаминовъ, ея сынъ, чиновникъ, 25 лѣтъ.

Клеопатра Ивановна Ничкина, вдова купчиха, 35 лѣтъ.

Капочка, (Капитолина), ея дочь, 17 лѣтъ.

Устинька, подруга Капочки, купеческая дочь, 20 лѣтъ.

Акулина Гавриловна Красавина, сваха.

Нилъ Борисычъ Неуѣденовъ, купецъ, братъ Ничкиной, 40 лѣтъ.

Юша (Ефимъ), сынъ его, 13 лѣтъ.

Матрена, кухарка у Бальзаминовыхъ.

Маланья, горничная у Ничкиной.

Картина первая

Бѣдная комната; направо дверь, у двери старинные часы, прямо печь изразцовая, съ одной стороны ея шкапъ, съ другой-дверь въ кухню; налѣво комодъ, на немъ туалетное зеркало; на первомъ планѣ окно, у окна столъ.

Явленіе первое.

Бальзаминова

(одна, сидитъ съ чулкомъ въ рукахъ).

Миша! Миша! Что ты тамъ въ кухнѣ дѣлаешь? (Бальзаминовъ изъ кухни: „Не мѣшайте, маменька! Матрена меня завиваетъ!") Все завивается! Все завивается! Красотой-то своей ужь очень занятъ. Эхъ, молодо, зелено! Все счастье себѣ хочетъ составить, прельстить когонибудь. А я такъ думаю, не прельститъ онъ никого; разумомъ-то онъ у меня больно плохъ. Другой и собой-то, изъ лица-то не казистъ, такъ словами обойдетъ; а мой-то умныхъ словъ совсѣмъ не знаетъ. Да, да! Ужь и жаль его. Знай-ка онъ умныя-то слова, по нашей-бы сторонѣ много могъ выиграть: сторона глухая, народъ темный. А то словъ-то умныхъ не знаетъ. Да и набраться-то нѣгдѣ. Ужь хоть бы изъ стиховъ, что ли, выписывалъ. (Подумавъ). И диковина это, что случилось! Въ кого это онъ родился такъ бѣлокуръ? Опять бѣда: нынче бѣлокурые-то не въ модѣ. Ну и носъ ... не то, чтобы онъ курносый вовсе, а такъ мало какъ-то, чего-то не хватаетъ. А понравиться хочется, особенно кабы богатой невѣстѣ. Ужь такъ, бѣдный, право,

старается — изъ кожи лѣзетъ. Кто-жь себѣ врагъ! Сторона-то у насъ такая, богатыхъ невѣстъ очень много, а глупы, вѣдь. Можетъ, Мишѣ и посчастливится по ихъ глупости. Умишкомъ-то его очень Богъ обидѣлъ. (Бальзаминовъ кричитъ изъ кухни: „Маменька, я хочу аля-полька завиться!") Глупенькій, глупенькій! Зачѣмъ ты завиваешься-то? Волосы только ерошишь да жжешь, всѣ врозь смотрятъ. Такъ-то лучше къ тебѣ идетъ, натуральнѣе! Ахъ ты, Миша, Миша! Мнѣ-то ты милъ, я-то тебя ни на кого не промѣняю; какъ-то другимъ-то понравишься, особенно богатымъ-то? Что-то ужь и не вѣрится! На мои-то бы глаза лучше и нѣтъ тебя, а другіе-то нынче разборчивы. Поговорятъ съ тобой, ну и увидятъ, что ты умомъ-то недостаточенъ. А кто-жь этому виноватъ. (Вздыхаетъ.) Глупенькой ты мой! А, вѣдь, можетъ быть, и счастливъ будетъ. Говорятъ, такимъ-то Богъ счастье даетъ. (Вяжетъ чулокъ. Бальзаминовъ въ халатѣ вбѣгаетъ изъ кухни.)

Явленіе второе.

Бальзаминовъ, Бальзаминова и Матрена.

Бальзаминовъ (держась за голову).

Ухо, ухо! Батюшки, ухо!

Матрена (въ двери, со щипцами).

Я, вѣдь, не полихмахтеръ, съ меня что взять-то!

Бальзаминовъ.

Да, вѣдь, я тебя просилъ волосы завивать-то, а не уши.

Матрена.

А зачѣмъ велики отростилъ! Инъ шелъ бы къ полихмахтеру; а съ меня что взять-то! (Уходитъ.)

Бальзаминовъ.

Батюшки, что-жь мнѣ дѣлать-то! (Подходитъ къ зер-

калу.) Ай, ай, ай! Почернѣло все! ... Ужь больно-то, нужды-бъ нѣтъ, какъ бы только его волосами закрыть, чтобы не видно было.

Бальзаминова.

За дѣло!

Бальзаминовъ.

Какое, задѣла! Такъ горячими-то щипцами все ухо и ухватила ... Ой, ой, ой! Маменька! Даже до лихорадки ... Ой, батюшки!

Бальзаминова.

Я говорю, Миша, за дѣло тебѣ. Зачѣмъ завиваться! Что̀ хорошаго! Точно какъ цирюльникъ; да и грѣхъ. Ужь какъ ни завивайся, лучше не будешь.

Бальзаминовъ.

Какъ вы, маменька, мнѣ счастья не желаете, я не понимаю. Какъ мы живемъ? Просто бѣдствуемъ.

Бальзаминова.

Такъ что̀-жь! Зачѣмъ же волосы-то портить? ...

Бальзаминовъ.

Да, вѣдь, нынче праздникъ.

Бальзаминова.

Такъ что̀-жь, что праздникъ?

Бальзаминовъ.

Какъ что̀? Здѣсь сторона купеческая; можетъ такой случай выйти ... Вдругъ ..

Бальзаминова.

Все у тебя глупости на умѣ.

Бальзаминовъ.

Какія же глупости?

Бальзаминова.

Разумѣется, глупости. Развѣ хорошо? Растреплешь себѣ волосы, да и пойдешь мимо богатыхъ

купцовъ подъ окнами ходить. Какъ-нибудь и бѣды наживешь. Другой ревнивый мужъ или отецъ вышлетъ дворника съ метлой.

Бальзаминовъ.

Ну, что-жь такое? Ну, вышлетъ; можно и убѣжать.

Бальзаминова.

Незачѣмъ шататься-то.

Бальзаминовъ.

Какъ незачѣмъ? Развѣ лучше въ бѣдности-то жить! Ну, я годъ прохожу, ну два, ну три, ну пять — вѣдь, также у меня время-то идетъ; за то вдругъ ...

Бальзаминова.

Лучше бы ты служилъ хорошенько.

Бальзаминовъ.

Что служить-то! Много ли я выслужу? А тутъ вдругъ зацѣпишь мильонъ.

Бальзаминова.

Ужь и мильонъ!

Бальзаминовъ.

А что-жь такое! Нѣшто не бываетъ. Вы сами-жь сказывали, что я въ сорочкѣ родился. (Молчаніе.) Ахъ, маменька, не повѣрите, какъ мнѣ хочется быть богатымъ, такъ и сплю, и вижу. Кажется ... эхъ ... разорвался-бы! Ужь такъ хочется, такъ хочется!

Бальзаминова.

Дурное ли дѣло!

Бальзаминовъ.

Вѣдь, другой и богатъ, да что проку-то: деньгами не умѣетъ распорядиться, даже досадно смотрѣть.

Бальзаминова.

А ты умѣешь?

Бальзаминовъ.

Да, конечно, умѣю. У меня, маменька, вкусу очень много. Я знаю, что̀ мнѣ къ лицу. (Подбѣгаетъ къ окну.) Маменька, маменька, поглядите!

Бальзаминова.

Нужно очень!

Бальзаминовъ.

Какая ѣдетъ-то! Вся бархатная! (Садится у окна, повѣся голову.) Вотъ кабы такая влюбилась въ меня да вышла за меня замужъ, что̀ бы я сдѣлалъ.

Бальзаминова.

А что̀?

Бальзаминовъ.

А вотъ: во-первыхъ, сшилъ бы себѣ голубой плащъ на черной бархатной подкладкѣ. Надо только вообразить, маменька, какъ мнѣ голубой цвѣтъ къ лицу! Купилъ бы себѣ сѣрую лошадь и бѣговыя дрожки и ѣздилъ бы по Зацѣпѣ, маменька, и самъ правилъ ...

Бальзаминова.

Все-то вздоръ у тебя.

Бальзаминовъ.

Да, я вамъ и забылъ сказать, какой я сонъ видѣлъ! Вотъ разгадайте-ка.

Бальзаминова.

Ну, говори, какой?

Бальзаминовъ

(беретъ стулъ и садится подлѣ матери).

Вотъ, вдругъ я вижу, будто я ѣду въ хорошей колескѣ и одѣтъ, будто, я очень хорошо, со вку-

сомъ: жилетка, будто, на мнѣ, маменька, черная съ мелкими золотыми полосками; лошади, будто, сѣрыя, а ѣду я подлѣ рѣки ...

Бальзаминова.

Лошади — ложь; рѣка — рѣчи, разговоръ.

Бальзаминовъ.

Слушайте, маменька, что̀ дальше было. Вотъ, вижу я, будто кучеръ меня уронилъ, во всемъ-то въ новомъ платьѣ, и прямо въ грязь.

Бальзаминова.

Грязь — это богатство.

Бальзаминовъ.

Да какая грязь-то, маменька! Бррр ... И, будто, я въ этомъ ... весь перепачкался. Такъ я и обмеръ! Во всемъ-то въ новомъ, вообразите!

Бальзаминова.

Это ... золото. Это тебѣ къ большому богатству.

Бальзаминовъ.

Кабы сбылось! Хоть бы вотъ на смѣхъ одинъ сонъ сбылся! Ужь сколько я такихъ сновъ видѣлъ: и денегъ-то у меня много, и одѣтъ-то я очень хорошо — проснешься, хвать, анъ, нѣтъ ничего. Одинъ разъ генераломъ себя видѣлъ. Какъ обрадовался! Нѣтъ! Перестану вѣрить снамъ.

Бальзаминова.

Какъ можно не вѣрить.

Бальзаминовъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Одинъ обманъ ...

Бальзаминова.

А вотъ подождемъ. Праздничный сонъ — до обѣда сбывается: коли до обѣда не сбудется, такъ

ничего не будетъ, надобно его совсѣмъ изъ головы выкинуть.

Бальзаминовъ.

Я, маменька, одѣнусь да пойду погуляю. (Уходитъ.)

Бальзаминова.

А сонъ-то въ самомъ дѣлѣ хорошъ. Чего не бываетъ на свѣтѣ! Можетъ быть, и ему счастье выйдетъ.

Матрена (въ дверяхъ).

Какая-то старуха, русачка, васъ спрашиваетъ.

Бальзаминова.

Ну, позови! (Матрена уходитъ.) Что̀ ей отъ меня нужно? Право, не придумаю. Ужь не сваха-ли? (Красавина входитъ.)

Явленіе третье.

Красавина и Бальзаминова.

Бальзаминова.

Садитесь, матушка! (Красавина садится.) Что̀ вамъ угодно?

Красавина.

Аль не узнали?

Бальзаминова.

Не признаю, матушка.

Красавина.

Ужь, кажется, нашу сестру изъ тысячи выберешь. Видна сова по полету. Гдѣ сынъ-то?

Бальзаминова.

Одѣвается.

Красавина.

Ну ужь кавалеръ, нѣчего сказать! Съ налету бьетъ! Крикнулъ это, гаркнулъ: сивка, бурка, вѣщая

каурка, стань передо мной, какъ листъ передъ травой! Въ одно ухо влѣзъ, въ другое вылѣзъ, сталъ молодецъ молодцомъ. Сидитъ королевишна въ своемъ новомъ теремѣ на двѣнадцати вѣнцахъ. Подскочилъ на всѣ двѣнадцать вѣнцовъ, поцаловалъ королевишну во сахарны уста, а та ему именной печатью въ лобъ и запечатала для памяти.

Бальзаминова.

Теперь, матушка, понимаю. Миша, Миша! (Бальзаминовъ входитъ во фракѣ.)

Явленіе четвертое

Тѣ же и **Бальзаминовъ.**

Красавина.

Красота моя неописанная! Младой въюношь, чѣмъ дарить будешь?

Бальзаминовъ.

Кого?

Красавина.

Меня.

Бальзаминовъ.

За что?

Красавина.

Много будешь знать, скоро состарѣешься. Ты подарокъ-то готовь.

Бальзаминовъ (сконфузившись).

Чѣмъ тебя дарить-то? (Шаритъ въ карманахъ.) Право... эхъ ... ничего-то у меня нѣтъ.

Красавина.

На нѣтъ — суда нѣтъ. Теперь нѣтъ, послѣ будетъ. Смотри же, уговоръ лучше денегъ. Мнѣ мно-

гаго ненадо, ты самъ человѣкъ бѣдный, только вдругъ счастье-то тебѣ такое вышло. Ты мнѣ подари кусокъ матеріи на платье да платокъ пукетовый, французскій.

Бальзаминовъ.

Да ужь хорошо, ужь что̀ толковать!

Красавина.

Что̀ разгорячился больно! Надо толкомъ поговорить. Ты свое возьмешь, и мнѣ надо свое взять. Такъ смотри же, французскій. А то ты подаришь, пожалуй, платокъ-то по нѣтовой землѣ пустыми цвѣтами.

Бальзаминовъ.

Да ужь все, ужь все, только говори.

Красавина.

Аль сказать?

Бальзаминовъ.

Говори, говори. Маменька, вотъ сонъ-то!

Бальзаминова.

Да, Миша.

Красавина.

Развѣ видѣлъ что̀?

Бальзаминовъ.

Видѣлъ, видѣлъ.

Красавина.

Ну, вотъ тебѣ и вышло.

Бальзаминовъ.

Да что̀ вышло-то?

Красавиина.

Ишь ты какой проворный! Такъ тебѣ вдругъ и сказать! Вы хоть бы меня поподчивали чѣмъ-нибудь. Ужь, одно слово, обрадую.

Бальзаминовъ.

Маменька, что-жь вы сидите въ самомъ дѣлѣ! Всего-то одинъ сынъ у васъ, и то не хлопочете объ его счастьи!

Бальзаминова.

Что ты, съ ума, что-ли, сошелъ!

Бальзаминовъ.

Да какже, маменька! Сами теперь видите, какая линія мнѣ выходитъ. Вдругъ человѣкомъ могу сдѣлаться ... Поневолѣ съ ума сойдешь.

Бальзаминова.

Чаю не хотите ли?

Красавина.

Пила матушка, раза четыре ужь нынче пила. Форму-то эту соблюдаешь, а проку-то отъ него немного.

Бальзаминова.

Такъ не прикажете ли водочки?

Красавина.

Праздничный день — можно. Я отъ добра не отказываюсь; во мнѣ нѣтъ этого.

Бальзаминова

(достаетъ изъ шкапа водку).

Матрена! Сбѣгай въ лавочку, возьми колбасы. (Матрена изъ кухни: „Что бѣгать-то, коли дома есть!)“ Такъ подавай поскорѣе. (Матрена изъ кухни: „Подамъ, надъ нами не каплетъ“).

Бальзаминовъ.

Вѣдь, вотъ, удавить Матрену — вѣдь, мало. (Бальзаминова идетъ въ кухню и приноситъ на двухъ тарелкахъ хлѣбъ и колбасу и ставитъ на столъ).

Бальзаминова.

Кушайте.

Красавина.

Я ни отъ чего не отказываюсь. Все добро, все на пользу. Ничѣмъ не брезгаю. Въ одномъ домѣ хотѣли надо мной насмѣшку сдѣлать, поднесли, вмѣсто водки, рюмку ладиколону.

Бальзаминова.

Скажите! Какая насмѣшка!

Красавина.

Ничего. Я выпила, да еще поблагодарила. Отъ него, вѣдь, вреда нѣтъ, отъ ладиколону-то. Съ праздникомъ! (Пьетъ и закусываетъ).

Бальзаминова.

Кушайте на здоровье! Какъ васъ звать?

Красавина.

Акулина Гавриловна. Между народомъ-то Говорилихой прозвали, такъ Говорилихой и кличутъ.

Бальзаминовъ.

Чѣмъ же, Акулина Гавриловна, обрадуете?

Красавина.

Будто не знаешь! Ты, вѣдь, заполонилъ-то, такъ долженъ знать.

Бальзаминовъ.

Право, не знаю.

Красавина.

Каковъ молодецъ! Охъ, глаза твои плутовскіе, больно завистливы! Высоко глаза-то закидываешь! А дѣвка-то теперь сохнетъ, по стѣнамъ мечется. Видитъ бѣду неминучую, за Говорилихой сейчасъ: „выручай, Говорилиха!“ А Говорилихѣ то и на руку. Посольскую должность мнѣ не въ первый разъ править. Ноги съ подходомъ, голова съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ.

Бальзаминовъ.

Да отъ кого?

Красавина.

Отъ кого! Тебѣ все скажи. Самъ догадайся. Гдѣ съ утра до ночи основу-то снуешь, аль не знаешь? Онъ-то ходитъ подъ окнами, манируетъ, а она ему изъ второго этажа пленируетъ.

Бальзаминовъ.

Такъ неужто Ничкина?

Красавина

(ударивъ рукой по столу).

Въ самую центру!

Бальзаминовъ

(ухвативъ себя за голову, вскакиваетъ).

О-охъ маменька! (Стоитъ въ оцѣпенѣніи.)

Бальзаминова.

Что̀ съ нимъ?

Красавина.

Отъ любви. Еще хуже бываетъ. Любовь — вѣдь, она жестокая для сердецъ. Нѣтъ ея ужаснѣй. За невѣрность кровь проливаютъ.

Бальзаминовъ.

Ахъ! (Садится на стулъ).

Бальзаминова.

Съ чѣмъ же они, матушка, васъ къ намъ прислали, съ какимъ предложеніемъ?

Красавина.

На счетъ знакомства. Надо прежде познакомиться.

Бальзаминова.

Разумѣется.

Бальзаминовъ.

Познакомиться! Боже мой!

Красавина.

А вотъ пошлите молодца-то ужо, послѣ вечерень, будто попроситься въ садъ погулять, да вечеромъ и приходите; они васъ деликатнымъ манеромъ пригласятъ чай кушать.

Бальзаминова.

Ну и прекрасно, мы такъ и сдѣлаемъ.

Бальзаминовъ.

Маменька, я съ ума сойду! Мнѣ ужь что̀-то казаться начинаетъ.

Бальзаминова.

Глупенькій, глупенькій!

Красавина.

Любовь дѣйствуетъ. Такъ что̀-жь мнѣ своимъ-то сказать?

Бальзаминова.

Миша, что̀ сказать?

Бальзаминовъ.

Скажи, что я умираю отъ любви; что, можетъ быть, умру къ вечеру.

Бальзаминова.

Ну, что̀ за глупости ты говоришь!

Красавина.

Зачѣмъ умирать! Надо жить, а мы на васъ будемъ радоваться.

Бальзаминовъ.

Нѣтъ, нѣтъ, пускай сберутъ всѣ розы и лилеи и насыплютъ на гробъ мой.

Бальзаминова.

Эхъ, Миша, ужь не говорилъ бы ты лучше, не стыдилъ бы ты меня! ... Такъ мы придемъ. А позвольте спросить ... конечно, еще все это, какъ Богъ дастъ, а все-таки, интересно знать, какъ на счетъ приданаго?

Красавина.

Золотая невѣста! У нея своихъ денегъ — послѣ отца достались — триста тысячъ серебра.

Бальзаминовъ (вскочивъ).

Охо, хо, хо! (Ходитъ по комнатѣ.)

Красавина.

Ишь его схватываетъ!

Бальзаминова.

Что̀ это ты, Миша, не умѣешь вести себя! ... Ужь извините его, — отъ радости.

Красавина.

Обрадуешься! Деньги-то деньгами, да и собой-то ужь очень красавица: тѣломъ сахаръ, изъ себя солидна, во всей полнотѣ; какъ одѣвается, двѣ дѣвки насилу застегнутъ. Даже нѣсколько совѣстится. Чего же, я говорю, совѣститься, коли Богъ далъ. Аккуратъ пельсикъ. Ну, прощайте! Вечеркомъ увидимся.

Бальзаминова.

Прощайте! На дорожку-то. (Наливаетъ.)

Красавина.

И то выпить; объ одной-то хромать будешь. (Пьетъ и закусываетъ.) Прощай, побѣдитель!

Бальзаминовъ.

Прощай! (Кидается къ ней на шею.)

Красавина.

Радъ, радъ, ужь вижу, что радъ; только смотри, подъ силу-ль дерево-то рубишь? Ну, прощай, развозжай, разиня ужь уѣхалъ. (Уходитъ; Бальзаминова провожаетъ ее до кухни и возвращается).

Явленіе пятое.

Бальзаминовъ, Бальзаминова и потомъ Матрена.

Бальзаминовъ.

Гдѣ мой крандашъ, гдѣ мой крандашъ?

Бальзаминова.

На что̀ тебѣ крандашъ?

Бальзаминовъ.

Надо, маменька. Матрена! Матрена! (Матрена входитъ). Гдѣ мой крандашъ?

Матрена.

А я почемъ знаю! Какой же ты писарь послѣ этого, когда крандашъ потерялъ.

Бальзаминовъ.

Писарь! писарь!

Матрена.

Вѣдь, крандашъ у тебя все равно, что у солда́та ружье. Такъ нѣшто солдаты ружья теряютъ?

Бальзаминовъ.

Какой я писарь! Я скоро баринъ буду.

Матрена.

Ты баринъ? Не похоже.

Бальзаминовъ.

А вотъ увидишь, какъ триста тысячъ получу.

Матрена.

Триста тысячъ! Не вѣрю. У кого-жь это такія деньги бѣшеныя, чтобъ за тебя триста тысячъ дали. Да ты ихъ счесть-то не умѣшь.

Бальзаминовъ.

Ну да что̀ съ тобой разговаривать! Ты ничего не понимаешь.

Матрена.

Гдѣ понимать! А еще женихъ, жениться хочетъ, а самъ крандашъ потерялъ. Безстыдникъ!

Бальзаминовъ

(шаритъ въ боковыхъ карманахъ).

Вотъ онъ, нашелъ.

Бальзаминова.

Ну, что̀-жь будетъ?

Бальзаминовъ.

А вотъ сейчасъ. (Беретъ съ комода бумажку и садится у стола.) Я теперь получаю жалованья сто двадцать рублей въ годъ, мы ихъ и проживаемъ; а какъ будетъ триста тысячъ (пишетъ триста тысячъ), такъ если по тысячѣ въ годъ ... все-таки мнѣ на триста лѣтъ хватитъ.

Матрена (всплеснувъ руками).

Батюшки!

Бальзаминова.

Неужели-жь ты триста лѣтъ хочешь прожить! ...

Бальзаминовъ.

Ну, позвольте! Если по двѣ въ годъ (пишетъ), все на полтораста лѣтъ хватитъ.

Бальзаминова.

Ты рехнулся совсѣмъ.

Бальзаминовъ.

Что-жь, маменька, при хорошей-то жизни, можетъ быть, и проживешь.

Матрена.

Какъ не прожить!

Бальзаминовъ.

Ахъ, я о процентахъ-то и забылъ. Сколько, маменька, процентовъ съ трехъ сотъ тысячъ?

Бальзаминова.

Да, чай, тысячъ двѣнадцать.

Бальзаминовъ.

Кажется маменька, съ чѣмъ-то двѣнадцать тысячъ.

Матрена.

Съ денежкой.

Бальзаминовъ.

Съ какой денежкой! Что ты врешь!

Матрена.

Что считать-то, чего нѣтъ. Смотрѣть-то скучно. Ты вотъ сочти лучше: десять вѣниковъ, по денежкѣ вѣникъ много ли денегъ? И того не счесть. (Уходитъ.)

Бальзаминовъ (встаетъ).

Пойду погулять, пусть немного вѣтромъ обдуетъ; а то много мыслей въ головѣ объ жизни.

Бальзаминова.

Ты бы пока слова-то подбиралъ, какія ужо говорить съ невѣстой.

Бальзаминовъ.

А вотъ я, во время прогулки, и буду слова подбирать.

Бальзаминова.

А я платье приготовлю, надо ужо одѣться хорошенько. (Уходятъ.)

Картина вторая.

Въ домѣ купчихи Ничкиной: богатая купеческая гостиная, хорошо меблированная; рояль.

Явленіе первое.

Ничкина въ широкой блузѣ, **Капочка**, тоже, и **Маланья** входятъ.

Ничкина.

Какъ жарко! А пообѣдаешь, такъ еще пуще разморитъ ... такъ разморитъ ... разморинъ такой нападетъ, не глядѣла-бъ ни на что! (Садится на диванъ.)

Капочка.

Давай, Малаша, споемъ.

Ничкина.

Ну васъ, и такъ жарко.

Капочка

Мы, маменька, потихоньку. (Садится за рояль. Капочка и Малаша запѣваютъ: „Вотъ на пути село большое". Немного погодя, Ничкина пристаетъ къ нимъ.)

Ничкина (переставъ пѣть).

Бросьте, а то и меня взманили. Устала.

Капочка.

Что это, маменька, какъ вы капризны! Вдругъ на меня нашла фантазія пѣть, а вы не даете.

Ничкина.

Да жарко, Капочка.

Капочка.

Въ другой разъ сами будете просить, а у меня фантазіи не будетъ. Кто-жь виноватъ, что вамъ жарко. Это даже довольно странно съ вашей стороны!

Ничкина.

Ну ужь ты!

Капочка.

Чѣмъ же мнѣ развлекаться прикажете? Кавалеровъ у насъ не бываетъ. Только и дѣлаемъ, что по цѣлымъ днямъ съ Малашей въ окно глядимъ. Вы, пожалуй, и этого не позволите.

Ничкина.

Дѣлай, что̀ хочешь, только не тревожь ты меня. (Устинька входитъ въ шляпкѣ.)

Явленіе второе.

Тѣ же и Устинька [1].

Устинька.

Здравствуйте, Клеопатра Ивановна

Ничкина.

Здравствуй, Устинька! Что́, жарко на дворѣ?

Устинька.

Жарко.

Ничкина.

Что̀ это за наказанье!

Устинька.

Здравствуй, Капочка! (Снимаетъ шляпку). Сейчасъ видѣла твой предметъ, ходитъ по набережной въ забвеніи чувствъ.

---

[1] Устинька немного картавитъ.

Капочка.

Ахъ! Одно сердце страдаетъ, а другое не знаетъ.

Устинька.

Что же, Клеопатра Ивановна, вы посылали къ нему Гавриловну?

Ничкина.

Да ... вотъ ... баловница я. И ненадо-бъ мнѣ васъ слушать-то, а я послала нынче. Кто меня похвалитъ за это! Всякій умный человѣкъ заругаетъ. Да вотъ пристала, ну я, по слабости, и послушалась. Кто его знаетъ, какой онъ тамъ! Придетъ въ домъ ... какъ женихъ ... страмъ.

Устинька.

Надъ сердцемъ нельзя шутить.

Маланья.

Въ сердце-то замираніе бываетъ, сударыня.

Ничкина.

Какое сердце! Такъ, съ жиру ... Знаемъ мы это сердце-то ... сама была въ дѣвкахъ ... Другая-бъ строгая мать-то пришила-бъ хвостъ-то тебѣ, да сама-бъ нашла жениха-то хорошаго, а не сволочь какую-нибудь.

Устинька.

Нынче ужь тиранство-то не въ модѣ.

Ничкина.

Какое тиранство! Не то, что тиранство, у меня и разсудку-то не хватаетъ ... да и жарко-то ... Батюшки! ... говорить-то, и то тяжело ... такъ ужь и махнула рукой — что хочетъ, то и дѣлаетъ.

Устинька.

Самыя нынѣшнія понятія.

Капочка.

А въ чахотку-то, маменька, развѣ не приходятъ отъ родителей?

Устинька.

Развѣ есть законы для чувствъ?

Капочка.

Развѣ не бѣгаютъ изъ дому-то въ слуховое окно?

Устинька.

Или въ форточку?

Маланья.

А то и въ подворотню, барышня.

Ничкина.

Такъ-то такъ ... да ужь и воли-то вамъ большой дать нельзя ... съ вами стыда-то и не оберешься ... на все Замоскворѣчье ...

Устинька.

Однако, какой сюжетъ вы объ насъ имѣете! Мы, кажется, себя ничѣмъ не доказали съ такой стороны.

Капочка.

Ужь маменька скажетъ словечко — одолжитъ. Вотъ этакъ при людяхъ отпечатаетъ, вѣдь, острамитъ, куда дѣться отъ стыда! Подумаютъ, что мы и въ самомъ дѣлѣ такія.

Ничкина.

Развѣ нѣтъ баловницъ-то? Не правду, что̀-ль, я говорю?

Устинька.

Хотя и есть, но все-таки, это до насъ не относится.

Капочка.

Все больше отъ родителей, потому что запираютъ.

Ничкина.

Нельзя и не запирать-то ... васъ ...

Устинька.

Напрасно такъ полагаете. Одно суевѣріе.

Капочка.

Никакого толку-то нѣтъ отъ запиранья.

Ничкина.

Все-таки, спишь спокойнѣе ... не думается ... не то, что на свободѣ. (Капочка, Устинька и Маланья хохочутъ.) Чему вы смѣетесь-то? Извѣстно, присмотръ лучше ... Безъ присмотру нельзя. (Капочка, Устинька и Маланья хохочутъ.) Чему вы?

Капочка.

Своему смѣху.

Ничкина.

Что̀ вы меня на смѣхъ, что̀ ли, подымаете? Не глупѣй я васъ ... Батюшки, жарко! (Маланьѣ.) Ты чему, дура?

Маланья.

Я на барышень глядя.

Устинька.

Да какже не смѣяться? Развѣ можно за дѣвушкой усмотрѣть! Что̀ вы говорите-то!

Капочка.

Хоть тысяча глазъ гляди, все ровно.

Ничкина.

Есть чѣмъ хвалиться! Куда какъ хорошо!

Устинька.

Мы и не хвалимся, и совсѣмъ это не про себя говоримъ; напрасно вы такъ понимаете объ насъ. Мы вообще говоримъ про дѣвушекъ, что довольно

смѣшно ихъ запирать, потому что можно найти тысячу средствъ ... и кто-жь ихъ не знаетъ. А объ насъ и разговору нѣтъ. Кто можетъ подумать даже! Мы съ Капочкой оченно себя знаемъ и совсѣмъ не тѣхъ правилъ. Кажется, держимъ себя довольно гордо и деликатно.

Ничкина.

Случаю-то вамъ нѣтъ ...

Устинька.

Ахъ, Боже мой! Развѣ можно такъ обижать дѣвушекъ!

Капочка.

Да, вѣдь, маменька судитъ по старому, какъ въ ея время было.

Ничкина.

Да развѣ давно это время было-то!

Устинька.

Нынче ужь дѣвушки стали гораздо благороднѣе во всѣхъ направленіяхъ.

Капочка.

Ужь я не знаю, что̀ вы говорите, маменька. Неужели я, при всей моей кротости въ жизни, не могла угодить вамъ?

Ничкина.

Ахъ, отстаньте отъ меня, и безъ васъ тошно! Куда дѣться-то отъ жару? Батюшки!

Маланья.

Шли бы, сударыня, на погребицу.

Ничкина.

И то на погребицу. (Входитъ Красавина).

Явленіе третье.

Тѣ же и Красавина.

Красавина.

Здравствуйте! Все справила и отвѣтъ принесла. Что, Капіопатра Ивановна, аль неможется?

Ничкина.

Ничего ... Сались ... только подальше, а то жарко ...

Капочка.

Какой же отвѣтъ?

Красавина.

Загорѣлось! И подождешь, не велика важность. (Ничкиной) Коли жарко, ты бы пивца велѣла подать съ ледника: говорятъ, прохлаждаетъ.

Ничкина.

Все говорятъ, прохлаждаетъ ... ничего не прохлаждаетъ.

Красавина.

А то чайку ...

Ничкина.

Ничего не прохлаждаетъ ... Поди, Маланья, поставь самоваръ. (Маланья уходитъ.)

Устинька.

Но, однако, скажите, вы должны же дать отвѣтъ объ томъ, зачѣмъ васъ посылали.

Красавина.

А мой отвѣтъ будетъ короткій. По щучьему велѣнью, по моему прошенью, извольте снаряжаться — къ вечеру гости будутъ.

Ничкина.

Ты чего лишняго не сболтнула ли?

Красавина.

Ничего я лишняго не сказала; сказала только: пожалуйте въ нашъ садъ вечеромъ погулять, вишенье, орѣшенье щипать. Онъ такъ обрадовался, ровно лунатикъ какой сдѣлался.

Капочка.

Ахъ, я боюсь.

Устинька.

Чего же ты боишься, душа моя? Довольно не понятно для меня.

Капочка.

Я всегда боюсь мужчинъ, особенно въ кого влюблена.

Красавина.

Что его бояться-то, не укуситъ.

Капочка.

Ужь лучше-бъ они прямо говорили; а то заведутъ такіе разговоры, изъ-далека, не знаешь, что̀ отвѣчать.

Красавина.

Какъ можно прямо-то! Нехорошо! Стыдно! Извѣстно, для прилику нужно сначала объ чемъ-нибудь объ другомъ поговорить.

Капочка.

Отчего же не сказать прямо, когда что̀ чувствуешь. Ахъ, Устинька, я ужасть какъ боюсь. Ну, сконфузишься? Я никакъ не могу воздержать своихъ чувствъ ... Вдругъ могу сдѣлать что̀-нибудь ... могу всѣ чувства потерять ...

Устинька.

Не бойся, я буду съ тобой. Я ужь тебя не выдамъ. (Говорятъ шопотомъ.)

Ничкина.

Новаго нѣтъ ли чего?

Красавина.

Что бы тебѣ новое-то сказать? Да вотъ, говорятъ, что царь Фараонъ сталъ по ночамъ изъ моря выходить и съ войскомъ; покажется, и опять уйдетъ. Говорятъ, это передъ послѣднимъ концомъ.

Ничкина.

Какъ страшно!

Красавина.

Да говорятъ, бѣлый арапъ на насъ подымается, двѣсти милліонтовъ войска ведетъ.

Ничкина.

Откуда же онъ, бѣлый арапъ?

Красавина.

Изъ Бѣлой Арапіи.

Ничкина.

Какъ будетъ на свѣтѣ-то жить! такія страсти! времена-то такія тяжелыя!

Красавина.

Да говорятъ еще, какая-то комета ли, планида ли идетъ; такъ ученые въ митроскопъ смотрѣли на небо и расчитали по цифрамъ, въ который день и въ которомъ часу она на землю сядетъ.

Ничкина.

Развѣ можно знать Божью планиду! У всякаго человѣка есть своя планида ... Батюшки, какъ жарко! Раздѣлась бы, да нельзя — праздничный день, въ окошки народъ смотритъ; въ садъ пойдешь — сосѣди въ заборъ глядятъ.

Красавина.

А ставни закрыть. (Маланья входитъ.)

Маланья.

Братецъ пріѣхалъ.

Ничкина.

Батюшки! Въ такой жаръ . . .

Капочка.

Какъ бы, маменька, онъ у насъ дѣла не разстроилъ! Дяденька такой необразованный!

Устинька.

Ужь какія могутъ быть понятія, изъ степи пріѣхалъ!

Ничкина.

Не изъ степи, а изъ Коломны.

Устинька.

Все равно, одно образованіе, одинъ вкусъ.

Капочка.

Маменька, вы ему командовать-то не давайте.

Ничкина.

Развѣ съ нимъ сговоришь!

Капочка.

Вотъ наказанье-то!

Устинька.

Нѣтъ, вообрази, что̀ можетъ Бальзаминовъ подумать о васъ, видя такое невѣжество!

Ничкина (Маланьѣ).

Поди, проводи его прямо въ столовую. Да обѣдать пора; чай, съ дороги-то ѣсть захочетъ. Пойти принять его. (Ничкина, Маланья и Красавина уходятъ.)

Явленіе четвертое.

Капочка и Устинька.

Капочка.

Вотъ принесло во́-время! Теперь все въ домѣ на русскій манеръ пойдетъ. Ахъ, я чувствую свою судьбу; разстроитъ онъ маменьку. Ну, какъ онъ да научитъ маменьку отдать меня за купца съ бородой! Тогда я умру отъ любви.

Устинька.

Зачѣмъ такія жестокія слова говоришь!

Капочка.

Нѣтъ, Устинька, ты не знаешь моего сердца! Мое сердце самое горячее къ любви.

Устинька.

Капочка, скажи, душка, какъ ты влюбилась? Я ужасть какъ люблю открытія въ любви отъ своихъ подругъ.

Капочка.

Ахъ, одна минута — и на вѣкъ все кончено! Шла я вечеромъ откуда-то съ Маланьей, вдругъ намъ на встрѣчу молодой человѣкъ, въ голубомъ галстукѣ; посмотрѣлъ на меня съ такой душой въ глазахъ, даже уму непостижимо! А потомъ взялъ опустилъ глаза довольно гордо. Я вдругъ почувствовала, но никакого виду не подала. Онъ пошелъ за нами до дому и раза три прошелъ мимо оконъ. Голубой цвѣтъ такъ идетъ къ нему, что я ужь и не знаю, что́ со мной было!

Устинька.

Знаковъ онъ тебѣ никакихъ не показываетъ, когда ходитъ мимо?

Капочка.

Нѣтъ. Только всегда такъ жалко смотритъ, какъ самый постоянный.

Устинька.

И часто ходитъ?

Капочка.

Ахъ, Устинька, каждый день. Ахъ! ... Развѣ ужь очень грязно ...

Устинька.

Это значитъ, онъ просто сгораетъ ... И должно быть, самый пламенный къ любви.

Капочка.

Ахъ! Я не знаю, что́ со мной будетъ, когда я его увижу! Для моихъ чувствъ нѣтъ границъ.

Устинька.

Однако, все-таки, нужно себя удерживать немного.

Капочка.

Ахъ! сверхъ силъ моихъ. (Неуѣденовъ, Юша и Ничкина входятъ.)

Явленіе пятое.

Капочка, Устинька, Ничкина, Неуѣденовъ и Юша.

Капочка.

Здравствуйте, дяденька! (Подходитъ и цалуетъ дядю. Устинька кланяется.)

Юша.

Здравствуйте-съ. (Подходитъ къ Капочкѣ, кланяется, цалуются три раза, опять кланяется и встряхиваетъ головой; также и съ Устинькой. Потомъ садится въ углу на самый послѣдній стулъ и сидитъ, потупя глаза.)

Неуѣденовъ.

Какъ живешь, Капочка? (Садится.)

Капочка.

Слава Богу, дяденька. Покорно васъ благодарю.

Неуѣденовъ.

Весело ли?

Капочка.

Ничего, весело-съ.

Неуѣденовъ.

Женихи есть ли? Чай, такъ у воротъ на разные голоса и воютъ.

Устинька.

Какой разговоръ!

Неуѣденовъ.

А что́-жь разговоръ! Чѣмъ, барышня, нехорошъ?

Устинька.

Неприлично при барышняхъ такъ говорить; нынчее не принято.

Неуѣденовъ.

Да-съ! Я, вѣдь, съ племянницей разговариваю, а до другихъ прочихъ мнѣ дѣла нѣтъ. (Ничкиной.) Чья такая?

Ничкина.

Подруга Капочки.

Неуѣденовъ.

Изъ благородныхъ, что́-ль?

Ничкина.

Нѣтъ, изъ купеческихъ.

Неуѣденовъ.

Ну, такъ не велика птица ... А, вѣдь, и то, сестра, жарко.

Ничкина.

И то, братецъ, жарко.

Неуѣденовъ.

Юфимъ! (Юша подходитъ.) На-ка, возьми мой кафтанъ-то. (Снимаетъ кафтанъ.) Снеси его къ намъ въ комнату. (Юша беретъ и уходитъ.)

Устинька.

Какое необразованіе!

Неуѣденовъ.

Ничего-съ! Не взыщутъ!

Ничкина.

Вы, братецъ, соснуть не хотите ли?

Неуѣденовъ.

Нѣтъ. Я-бъ теперь орѣшковъ пощелкалъ. А потомъ можно и соснуть.

Ничкина.

Маланья! (Входитъ Маланья и Юша.) Принеси, поди, братцу орѣховъ.

Неуѣденовъ.

Юфимъ! Поди поищи на дворѣ камень; поглаже выбери, да потяжеле. (Юша уходитъ.)

Капочка.

Зачѣмъ вамъ, дяденька, камень?

Неуѣденовъ.

Что ты испугалась? Небось! я орѣхи ...

Устинька.

Боже мой! (Входитъ Маланья съ орѣхами.)

Ничкина.

Пожалуйте, братецъ. (Маланья подноситъ ему орѣхи на тарелкѣ.)

Неуѣденовъ.

Поставь на окно. (Подходитъ къ окну, открываетъ и садится противъ него. Маланья ставитъ орѣхи на окно. Юша входитъ съ

камнемъ.) Подай сюда! (Кладетъ на окно по орѣху и по два и разбиваетъ ихъ камнемъ.)

Капочка.

Дяденька, что́ это вы съ камнемъ-то у окна сидите! Вы этакъ испугаете у меня жениха, когда онъ пойдетъ.

Неуѣденовъ

(продолжая колотить орѣхи).

Какого жениха?

Ничкина.

Да ... вотъ ... такая жара, а мы сватовство затѣяли ... какая теперь свадьба ... въ такой жаръ ...

Неуѣденовъ.

А вотъ, дай срокъ, я посмотрю, что́ за женихъ.

Капочка (беретъ дядю за плечи).

Дяденька, право испугаете!

Неуѣденовъ.

Поди прочь! (Продолжаетъ стучать. Капочка подходитъ къ Устинькѣ, обнимается съ ней и смотритъ съ презрѣніемъ на дядю.)

Капочка.

Какой стра́мъ!

Устинька.

Какое невѣжество!

Картина третья.

Садъ; направо сарай съ голубятней и калитка; прямо заборъ и за нимъ деревья другого сада; налѣво бесѣдка, за бесѣдкой деревья; по срединѣ сцены, въ кустахъ, столъ и скамейки; подлѣ сарая кустъ и скамейка.

Явленіе первое.

Капочка, Устинька и Юша (входятъ).

Капочка.

Охъ! Охъ! Я умру!

Устинька.

Что̀ ты такъ вздыхаешь! Смотри, что̀-нибудь лопнетъ.

Капочка.

Охъ! Онъ сейчасъ придетъ.

Устинька.

Разумѣется, придетъ. Его маменька пошла къ твоей, а онъ сюда придетъ.

Капочка.

Охъ!

Юша.

Что̀, это голубятня у васъ?

Капочка.

Охъ! голубятня.

Юша.

Такъ первымъ долгомъ слазить надоть, проминовать нельзя. (Уходитъ.)

Устинька.

Ну и прекрасно; а то онъ только мѣшаетъ. (Бальзаминовъ входитъ въ калитку.)

Капочка.

Ахъ, идетъ! (Гуляютъ, обнявшись, по авансценѣ, какъ будто не замѣчая его.)

Явленіе второе.

Тѣ же и **Бальзаминовъ.**

Бальзаминовъ

(нѣсколько времени ходитъ молча, потомъ встрѣчается будто нечаянно съ Капочкой и Устинькой).

Здравствуйте-съ. (Кланяется. Капочка и Устинька кланяются и идутъ дальше. Бальзаминовъ за ними.) Какой пріятный запахъ у васъ въ саду.

Устинька.

Да-съ.

Бальзаминовъ.

Продаете яблоки, или сами кушаете?

Капочка.

Сами-съ. (Юша показывается на голубятнѣ.)

Бальзаминовъ.

Я когда-нибудь ночью приду къ вамъ въ садъ яблоки воровать.

Капочка.

Ахъ!

Устинька.

У нихъ собаки злыя.

Бальзаминовъ.

Какъ прикажете понимать ваши слова?

Устинька.

Слова эти совсѣмъ не до васъ касаются, а до

воровъ; вы и такъ завсегда можете здѣсь гулять, вамъ завсегда будутъ рады.

Капочка.

Да-съ.

Бальзаминовъ.

Покорнѣйше васъ благодарю за ваше приглашеніе.

Устинька.

Здѣсь въ окружности ужасть какъ мало хорошихъ кавалеровъ для знакомства съ барышнями.

Капочка.

И всего только двое: Толкачевъ да Кирпичевъ.

Устинька.

Какіе же это кавалеры? Развѣ хорошая дѣвушка можетъ имѣть съ ними знакомство или любовь. Себя страмить! Одинъ — антриганъ, все говоритъ изъ-подъ политики и въ насмѣшку; другой — антересанъ, знакомится съ дамами изъ антиресу. Вы лучше всѣхъ.

Капочка.

Да-съ.

Устинька.

Вотъ вамъ отъ насъ привелегія!

Бальзаминовъ.

Я даже не знаю, какъ васъ благодарить за всѣ ваши снисхожденія! (Капочка садится на скамейку съ правой стороны, Устинька стоитъ подлѣ нея. Бальзаминовъ поодаль.)

Капочка (Устинькѣ, тихо).

Что онъ говоритъ? Ужь лучше-бъ прямо.

Устинька (тихо).

А вотъ погоди, я ему сейчасъ скажу.

Капочка (тихо).

Ахъ, не говори.

Устинька.

Нельзя же! (Подходитъ къ Бальзаминову и отводитъ его въ сторону.) Капочка просила вамъ сказать, чтобы вы были съ ней посмѣлѣе, а то она сама очень робка. Вы ничего, не конфузьтесь, у насъ просто. А я пойду постерегу: какъ войдетъ кто, я дамъ вамъ знать. Что же вы стоите! Ступайте къ ней скорѣй.

Бальзаминовъ (откашливается).

Гм ... Гм ... Сейчасъ. (Стоитъ.)

Устинька.

Сейчасъ, а сами ни съ мѣста. (Толкаетъ его.) Ступайте скорѣй, а то помѣшаютъ.

Бальзаминовъ.

Гм ... Гм ... (Громко.) Гм ... Сейчасъ.

Устинька.

Это даже неучтиво съ вашей стороны — заставлять себя дожидаться!

Бальзаминовъ.

Сейчасъ! (Медленно идетъ къ Капочкѣ. Устинька становится у калитки.)

Капочка (Бальзаминову).

Садитесь! (Бальзаминовъ садится довольно далеко отъ Капочки, смотритъ въ землю и изрѣдка откашливается. Капочка смотритъ на заборъ. Юша наблюдаетъ за ними съ голубятни. Довольно долгое молчаніе.)

Бальзаминовъ.

Что вамъ лучше нравится, зима или лѣто?

Капочка.

Лѣто лучше-съ. Лѣтомъ можно гулять.

Бальзаминовъ.

А зимой кататься.

Капочка.

Лѣтомъ всякіе цвѣты расцвѣтаютъ.

Бальзаминовъ.

А зимой очень весело на святкахъ и на масляницѣ.

Капочка.

А лѣтомъ весело въ семикъ-съ.

Бальзаминовъ.

Вы на масляницѣ съ котораго дня начинаете кушать блины?

Капочка.

Со вторника-съ ... А лѣтомъ всякія ягоды поспѣваютъ. (Молчаніе. Бальзаминовъ тянется къ Капочкѣ, она къ нему, цалуются и потупляютъ глаза въ землю.)

Юша (на голубятнѣ).

Разъ!

Устинька (грозитъ ему).

Молчи! (Молчаніе.)

Капочка.

Какія ягоды вы больше любите?

Бальзаминовъ.

А вы какія?

Капочка.

Клубнику со сливками.

Бальзаминовъ.

А я крыжовникъ.

Капочка.

Вы шутите! Какъ можно крыжовникъ ... онъ колется.

Бальзаминовъ.

Я этого не боюсь-съ. А вы развѣ боитесь-съ?

Капочка.

Ахъ! Что̀ вы говорите? Я васъ не понимаю. (Капочка начинаетъ склоняться въ сторону Бальзаминова, Бальзаминовъ въ ея сторону; цалуются и опять опускаютъ глаза въ землю.)

Юша (съ голубятни).

Два!

Устинька (Юшѣ).

Молчи, говорю я тебѣ!

Капочка.

А вообще, что̀ вы больше всего любите?

Бальзаминовъ.

Васъ-съ. А вы?

Капочка.

Можете сами догадаться. (Цалуются.)

Юша.

Три! (Бѣжитъ съ голубятни.)

Устинька

(подходитъ къ Бальзаминову).

Подите за бесѣдку. Когда можно будетъ, я васъ позову. (Бальзаминовъ уходитъ за бесѣдку.)

Капочка.

Ахъ, какой милый!

Устинька.

Юша все съ голубятни видѣлъ.

Капочка.

Ахъ, онъ дяденькѣ скажетъ!

Устинька.

Погоди, мы его уговоримъ. (Юша входитъ.)

Капочка.

Ты, Юша, смотри, никому не сказывай, что̀ видѣлъ.

Устинька.

Это нужды нѣтъ — цаловаться, только сказывать ненадо. Я, пожалуй, и тебя поцалую. (Цалуетъ Юшу.)

Капочка.

И я. (Цалуетъ.)

Устинька.

И еще поцалуемъ. (Цалуетъ его съ жаромъ.)

Юша.

Да ненадо! (Отстораниваетъ ихъ руками.) Что̀ пристали! Закричу! Ай! Ну васъ! Ай! Пустите, я опять на голубятню пойду. Караулъ!

Устинька.

Нѣтъ, ужь я тебя не пущу на голубятню. Пойдемъ со мной въ бесѣдку.

Юша.

Я, пожалуй, пойду, только не приставай, а то закричу. (Устинька беретъ его за руку и ведетъ въ бесѣдку.)

Устинька (подходя къ бесѣдкѣ).

Выходите! Теперь можно. (Бальзаминовъ выходитъ изъза бесѣдки.)

Капочка.

Ахъ, не подходите ко мнѣ близко!

Бальзаминовъ.

За что̀ такія немилости-съ?

Капочка.

Мужчинамъ довѣрять никакъ нельзя.

Бальзаминовъ.

Но я могу себя ограничить-съ.

Капочка.

Всѣ такъ говорятъ; но на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ противное. Я мужчинъ не виню, для нихъ все легко и доступно; но наша сестра всегда должна опасаться по своей горячности къ любви. Ахъ! я васъ боюсь! Лучше оставьте меня.

Бальзаминовъ.

Какія жестокости для моего сердца!

Капочка.

Оставьте, оставьте меня!

Бальзаминовъ.

Умерла моя надежда и скончалася любовь!

Капочка.

Ахъ, для чего только мы рождены съ такою слабостью! Мужчина все можетъ надъ нами ... ахъ!

Бальзаминовъ.

Какъ же я могу безъ вашего расположенія-съ? (Садится возлѣ Капочки.)

Капочка.

Ахъ! Что̀ вы со мной сдѣлали!

Бальзаминовъ.

Извините, я былъ внѣ себя-съ.

Капочка.

Что̀ можетъ противиться любви! (Приклоняется къ Бальзаминову. Цалуются.) На вѣки! (Устинька и Юша выходятъ изъ бесѣдки.)

Устинька.

Идутъ, идутъ. (Капочка подходитъ къ Устинькѣ. Въ калитку входятъ: Ничкина, Бальзаминова и Маланья съ чайнымъ приборомъ, который ставитъ на столъ.)

———

Явленіе третье.

Бальзаминовъ, Капочка, Устинька, Юша, Ничкина, Бальзаминова и Маланья.

Ничкина (Маланьѣ).

А самоваръ принесешь, когда братецъ встанетъ. (Маланья уходитъ. Бальзаминовой.) Сядемте ... жарко. (Садятся у стола. Бальзаминову.) Садитесь съ нами ... побесѣдуемте! (Бальзаминовъ садится. Барышни тоже садятся возлѣ стола. Капочкѣ.) Ишь, какъ тебя стянули ... въ такой жаръ.

Устинька.

Оставьте, конфузите.

Ничкина.

Вы читаете газеты?

Бальзаминовъ.

Читаю-съ.

Бальзаминова.

Онъ мнѣ всякія новости разсказываетъ.

Ничкина.

А мы не читаемъ ... ничего не знаемъ ... что тамъ дѣлается. Вотъ я у васъ хотѣла спросить, не читали ли вы чего про Наполеона? Говорятъ, опять на Москву идти хочетъ.

Бальзаминовъ.

Гдѣ же ему теперь-съ! Онъ еще вновѣ, не успѣлъ еще у себя устроиться. Пишутъ, что все дворцы да комнаты отдѣлываетъ.

Ничкина.

А какъ отдѣлаетъ, такъ, чай, пойдетъ на Москву-то съ двунадесять языковъ?

Бальзаминовъ.

Не знаю-съ. Въ газетахъ какъ-то глухо про это пишутъ-съ.

Ничкина.

Да вотъ еще, скажите вы мнѣ: говорятъ, царь Фараонъ сталъ по ночамъ съ войскомъ изъ моря выходить.

Бальзаминовъ.

Очень можетъ быть-съ.

Ничкина.

А гдѣ это море?

Бальзаминовъ.

Должно быть, недалеко отъ Палестины.

Ничкина.

А большая Палестина?

Бальзаминовъ.

Большая-съ.

Ничкина.

Далеко отъ Царьграда?

Бальзаминовъ.

Не очень далеко-съ.

Ничкина.

Должно быть, шестьдесятъ верстъ ... Ото всѣхъ отъ такихъ мѣстъ шестьдесятъ верстъ, говорятъ ... только Кіевъ дальше.

Юша.

Царьградъ, тетенька, это — пупъ земли?

Ничкина.

Да, миленькій. (Пристально оглядываетъ Бальзаминова.)

Бальзаминовъ (жмется).

Что вы такъ на меня смотрите?

Ничкина.

Узко какъ платье-то на васъ сшито.

Бальзаминовъ.

Это по модѣ-съ.

Бальзаминова.

Онъ у меня всегда по модѣ одѣвается.

Ничкина.

Какая ужь мода въ такую жару?.. Чай, вамъ жарко ... ну, а по улицѣ-то ходить въ такомъ платьѣ, просто, угорѣть можно.

Бальзаминовъ.

Ничего-съ. Покорно васъ благодарю за вниманіе! (Молчаніе.)

Ничкина.

Двужильныя лошади, говорятъ, бываютъ ... и не устаютъ никогда, и не надорвутся.

Устинька.

Что за разговоръ объ лошадяхъ!

Ничкина.

Такъ объ чемъ же говорить-то?.. ну, скажи, коли ты умна.

Устинька.

Есть разные разговоры. А то вы разговариваете, а мы должны молчать. Куда какъ пріятно! Вотъ два самые благородные разговора, одинъ: что лучше — мужчина или женщина?

Ничкина.

Ну ужь, нашла сравненіе! Ужь что женщина! Куда она годится! Курица не птица, женщина не человѣкъ!

Устинька.

Ахъ, нѣтъ, зачѣмъ же! Пускай мужчины защищаютъ свое званіе, а женщины свое; вотъ и пойдетъ разговоръ. А другой разговоръ еще антирес-

нѣй. Что̀ тяжеле: ждать и не дождаться, или имѣть и потерять!

Бальзаминова.

Это самый пріятный для общества разговоръ.

Ничкина.

Ужь этого я ни въ жизнь не пойму.

Капочка.

Что̀ вы, маменька! не страмите себя. (Входитъ Неуѣденовъ и Маланья съ самоваромъ; ставитъ его на столъ и уходитъ.)

Явленіе четвертое.

Тѣ же и Неуѣденовъ [1].

Неуѣденовъ.

Соснулъ малымъ дѣломъ.

Ничкина.

Братецъ, садитесь! Вотъ наши новые знакомые!

Неуѣденовъ

(кланяется Бальзаминовой).

Здравствуйте! (Бальзаминова кланяется.) Здравствуйте, милостивый государь! (Протягиваетъ Бальзаминову руку, тотъ робко подаетъ свою.) Служить изволите? (Садится.)

Бальзаминовъ.

Служу-съ.

Неуѣденовъ.

Хорошее дѣло-съ. Всякому свое-съ: купецъ торгуй, чиновникъ служи, шатунъ шатайся.

---

[1] Сидятъ въ слѣдующемъ порядкѣ: справа, ближе къ зрителямъ, на стулѣ, Неуѣденовъ; съ правой стороны стола Ничкина и Бальзаминова; за столомъ Юша; слѣва, у стола, Капочка и Устинька; слѣва, ближе къ зрителямъ, на стулѣ, Бальзаминовъ.

Ничкина.

Не угодно ли, господа, чайку? (Маланья подаетъ на подносѣ.)

Неуѣденовъ.

Я съ вами буду, сударь, про наше дѣло купеческое говорить. Вотъ у меня сестра — она женщина богатая, а вѣдь, глупая, съ деньгами-то не знаетъ, что̀ дѣлать. А въ нашемъ, въ купеческомъ дѣлѣ — деньги важная вещь.

Устинька.

Неужели только однимъ купцамъ деньги нужны?

Бальзаминовъ.

Деньги всякому пріятно имѣть-съ.

Неуѣденовъ.

Никому, сударь, и не запрещается. Кому пріятно имѣть, тотъ наживи.

Бальзаминова.

Трудно наживать-то по нынѣшнимъ временамъ.

Бальзаминовъ.

Особенно если человѣкъ со вкусомъ-съ, просто, долженъ страдать. Хочется жить прилично, а способовъ никакихъ нѣтъ-съ. Вотъ хоть-бы я ...

Неуѣденовъ.

Зачѣмъ же жить-то прилично такому человѣку, который не имѣетъ способовъ деньги достать?

Бальзаминова.

А коли человѣкъ не имѣетъ способностей ни къ службѣ, ни къ чему, коли Богъ не далъ, чѣмъ же онъ виноватъ?

Бальзаминовъ.

Да-съ. А въ мечтахъ все представляется богат-

ство, и даже во снѣ снится; притомъ же, вкусу много.

Неуѣденовъ.

А по-моему — такому человѣку, который не умѣетъ достать ничего, не то, что въ богатствѣ жить, а и вовсе жить незачѣмъ.

Бальзаминова.

Куда-жь ихъ дѣвать-то?

Неуѣденовъ.

Въ черную работу, землю копать. Это дѣло всякій умѣетъ. Сколько выработалъ, столько и денегъ бери.

Бальзаминова.

Этакъ будетъ на свѣтѣ жить нельзя.

Устинька.

Не у всѣхъ такія понятія.

Неуѣденовъ.

Какой, сударь, чинъ носите на себѣ?

Бальзаминовъ.

Первый-съ.

Неуѣденовъ.

Ну, вамъ до генерала еще далеко. А много ли жалованья по своимъ трудамъ получаете?

Бальзаминовъ.

Сто двадцать рублей-съ.

Неуѣденовъ.

Это по-нашему значитъ: въ одномъ карманѣ смеркается, а въ другомъ заря занимается; по-татарски — ёкъ, а по-русски — нѣтъ ничего.

Ничкина.

Маланья, прими чашки, я налью еще. (Маланья принимаетъ пустыя чашки. Ничкина наливаетъ. Маланья разноситъ и отходитъ съ подносомъ къ сторонѣ.)

Неуѣденовъ.

Такъ вотъ, сударь, я ужь вамъ говорилъ, что сестра у меня дура набитая.

Ничкина.

Ну, ужь ... ты, братецъ ... ну, право! Съ тобой не сговоришь ... право, ну!

Неуѣденовъ.

Что ты нукаешь-то? — не запрягла еще ... Такъ докладывалъ я вамъ, что сестра у меня глупа-съ. Больше всего я боюсь, что она и зятя-то такого же дурака найдетъ, какъ сама. У бабъ волосъ дологъ, да умъ коротокъ. Тогда ужь все дѣло брось.

Бальзаминова.

У нихъ такое состояніе, что вѣкъ и съ зятемъ не прожить; а бѣднаго человѣка могутъ осчастливить.

Неуѣденовъ.

Да, вѣдь, деньги-то ея мужъ наживалъ не для того, чтобъ она ихъ мотала да проживала съ разными прожектерами. На деньги-то надо дѣло дѣлать. Купеческій капиталъ, сударыня, важное дѣло. Хорошій-то купецъ, съ большимъ капиталомъ, и себѣ пользу дѣлаетъ, да и обществу вдвое.

Устинька.

Не все наживать, надо когда-нибудь и проживать для своего удовольствія.

Неуѣденовъ.

А развѣ мы не проживаемъ! Да проживать-то надобно съ толкомъ. Я, сударь мой, вотъ за сестру

теперь очень опасаюсь. Подвернется ей фертикъ во фрачкѣ съ пуговками, или какой съ эполетками, а она, съ дуру-то, и обрадуется, какъ ни вѣсть какому счастью. Дочь-то отдастъ — нужды нѣтъ, а вотъ денегъ-то жалко.

Ничкина.

Да, братецъ, точно жалко.

Капочка.

Вы, кажется, маменька, меня уморить хотите?

Устинька.

Сказали, да и на попятный.

Неуѣденовъ.

Да, вѣдь, Капочка, у нихъ совѣсти очень мало. Другой сунется въ службу, въ какую бы то ни на есть, послужитъ безъ году недѣлю, повиляетъ хвостомъ, видитъ: не тяга — умишка-то не хватаетъ, учился-то плохо, двухъ перечесть не умѣетъ, лѣнь-то прежде его родилась, а побарствовать-то хочется: вотъ онъ и пойдетъ бродить по улицамъ, да по гуляньямъ, не объявится ли какая дура съ деньгами. Такъ нѣшто честно это?

Ничкина (тихо).

Перестаньте, братецъ ... поймутъ.

Неуѣденовъ.

Ничего, я обинякомъ. А по-моему, такъ и грѣхъ такимъ людямъ денегъ-то дать. Наши деньги-то на распутство пойдутъ да на важность глупую. Носъ-то подыметъ, станетъ издѣваться да величаться надъ своимъ братомъ, который грошами-то трудомъ достаетъ, въ потѣ лица. Коли счесть, сколько наша братія, по своей глупости, денегъ роздали за дочерьми разнымъ аферистамъ, такъ, право, сердце повернется. Что добра-то-бы можно на эти деньги

сдѣлать! Боже мой! Эти деньги, я такъ считаю, у общества украдены. Какъ вы объ этомъ думаете, сударь мой?

Бальзаминовъ.

Не всѣ же въ такихъ направленіяхъ, какъ вы говорите.

Неуѣденовъ.

Нѣтъ, сударь, ужь кто взялся за такую спекуляцію, я тому грóша не повѣрю. Хорошіе люди во всякомъ званіи есть. И разбирать нéчего, бѣденъ кто, или богатъ — я этого сестрѣ не совѣтую. Смотри на человѣка, умѣетъ ли онъ дѣло дѣлать. Коли умѣетъ, такъ давай ему денегъ, сколько хочешь — все на пользу. А вотъ щелкоперы-то, извините вы меня, больно намъ не къ масти. Другому и вся цѣна-то двѣ копѣйки ассигнаціями, а онъ успѣетъ оходить дуру какую, такъ еще форсъ показываетъ. Мнѣ, говоритъ, вотъ столько-то денегъ давай, приданое давай самое лучшее.

Юша.

„Соболій салопъ атласный,
Воротникъ суконный красный!"

Устинька и Капочка (Юшѣ).

Молчи!

Неуѣденовъ (Юшѣ).

Юшка, молчи! ... Наши-то бабы съ-дуру батистовыхъ рубашекъ ему нашьютъ, того-сего, съ ногъ до головы одѣнутъ; а онъ-то послѣ ломается передъ публикой, и ничего ему — не совѣстно! Вездѣ деньги бросаетъ, чтобъ его добрымъ бариномъ звали.

Капочка.

Вы, дяденька, оттого такъ разсуждаете, что вы совсѣмъ необразованы.

Неуѣденовъ.

Именно мой другъ, необразованы. Не одна ты это говоришь. Вотъ и тѣ голые-то, которыхъ мы обуваемъ да одѣваемъ, да на безпутную ихъ жизнь деньги даемъ, тоже насъ необразованными зовутъ. Имъ бы только отъ насъ деньги-то взять, а родни-то хоть вѣкъ не видать.

Бальзаминова (встаетъ).

Послѣ такихъ словъ, намъ съ тобой, Миша, кажется, здѣсь нѣчего дѣлать.

Неуѣденовъ.

Да похоже на то. На ворѣ-то, видно, шапка горитъ.

Бальзаминовъ.

Я этихъ словъ, маменька, на свой счетъ не принимаю.

Неуѣденовъ.

Нѣтъ, я на вашъ счетъ. Вотъ маменька-то ваша поумнѣе — сейчасъ поняла.

Бальзаминовъ.

Я за большимъ, пожалуй, не погонюсь: мнѣ хоть-бы что̀-нибудь дали.

Неуѣденовъ.

Вѣдь, у тебя ни гроша нѣтъ, такъ тебѣ все барышъ, что̀ ни дай.

Бальзаминовъ.

Въ такомъ случаѣ, прощайте-съ. (Кланяется всѣмъ.) Я не ожидалъ-съ.

Бальзаминова.

Благодаримъ за угощенье.

Ничкина.

Не на чемъ-съ.

Неуѣденовъ.

Ходите почаще, безъ васъ веселѣй. (Бальзаминовъ и Бальзаминова подходятъ къ калиткѣ. Юша за ними.)

Бальзаминова.

Я говорила тебѣ, Миша, что праздничный сонъ — до обѣда.

Бальзаминовъ.

Кабы я его въ будни видѣлъ, совсѣмъ бы другое дѣло было. (Уходятъ.)

Юша (въ калитку).

Заходите! Намъ безъ дураковъ скучно.

Неуѣденовъ.

Юшка, молчи!

Капочка.

Охъ, я умру!

Устинька (тихо).

Сдѣлайся какъ безъ чувствъ.

Капочка.

Ахъ! (Падаетъ на скамейку.)

Ничкина.

Батюшки! Что это съ ней?

Неуѣденовъ.

Ничего, пройдетъ. Маланья, поди-ка, вели принести ушатъ воды.

Капочка (встаетъ).

Нѣтъ ужь, извините, я этого не позволю.

Неуѣденовъ.

Ожила! Эхъ, сестра! Какъ тебя не ругать-то! Какую, было, штуку выкинула! Такой товаръ (показывая на Капочку), да еще съ деньгами, за стрекулиста, было, отдала. А я тебѣ ужь и жениха приготовилъ.

Молодого русачка, здороваго, свѣжаго, умницу. А ужь какой дѣлецъ-то! Да и съ капиталомъ.

Ничкина.

Посватайте, братецъ.

Неуѣденовъ.

Посватать, Капочка?

Капочка.

Онъ съ бородой?

Неуѣденовъ.

Съ маленькой.

Капочка.

Да, вѣдь, она выростетъ.

Неуѣденовъ.

Эка глупая! Пока она выростетъ, такъ ужь ты привыкнешь ... А какой красавецъ-то! Посватать, что̀-ли?

Капочка (потупившись).

Посватайте.

Неуѣденовъ.

Такъ-то лучше. Вотъ и по рукамъ.

Не сошлись характерами!

Картины московской жизни.

Лица:

Прежневъ, совершенно дряхлый старикъ, почти безъ всякаго движенія, въ большихъ чинахъ. Его возятъ на креслѣ.

Прежнева, Софья Ивановна, жена его, 45 лѣтъ.

Поль, молодой человѣкъ, ея сынъ.

Устинья Филимоновна Перешивкина, пожилая женщина, прежде бывшая нянька Поля, теперь въ родѣ приживалки или экономки по разнымъ знакомымъ домамъ.

Карпъ Карпычъ Толстогораздовъ, купецъ, сѣдой, низенькій, толстый.

Улита Никитишна, жена его, пожилая женщина, безъ особыхъ примѣтъ.

Серафима Карповна, дочь Толстогораздова, вдова, высокаго росту, худощава, необыкновенной красоты. Походка и движенія институтки; часто задумывается, вздыхаетъ и поднимаетъ глаза къ небу, когда говоритъ о любви; то же дѣлаетъ, когда про себя считаетъ деньги, а иногда и просто, безъ всякой причины.

Матрена, горничная, дальняя родственница Толстогораздовыхъ. Молодая дѣвка, полная, тѣло мраморной бѣлизны, щеки румяныя, глаза и брови черные. Ходитъ въ шубкѣ, рубашка съ кисейными рукавами, въ косѣ ленты.

Неизвѣстный, пріятель Поля, человѣкъ среднихъ лѣтъ съ греческимъ профилемъ и мрачнымъ выраженіемъ лица.

Горничная.

Лакей.

1-й кучеръ Толстогораздова.

2-й кучеръ Серафимы Карповны.

Картина первая.

Большая зала, оклеенная богатыми, но потемнѣвшими и по мѣстамъ отставшими отъ стѣнъ обоями. Паркетный полъ по угламъ значительно опустился. Налѣво окна въ садъ и дверь на деревянный съ колоннами балконъ; прямо дверь выходная, направо во внутреннія комнаты. По узкимъ простѣнкамъ мраморные столики на бронзовыхъ ножкахъ, надъ ними узкія, длинныя, съ надставками зеркала, въ золоченыхъ рамахъ. Мебель старая, тяжелая, съ потертою позолотой. На столахъ бронза стараго фасона. Съ потолка виситъ люстра изъ мелкихъ стеколъ, въ видѣ миндалинъ. Двѣ или три ширмочки изъ плюща. На всемъ видны и совершенный упадокъ, и остатки прежней роскоши.

I.

Прежневъ подлѣ окна спитъ въ вольтеровскомъ, на колесахъ, креслѣ. Одѣтъ въ мѣховой халатъ, ноги покрыты бѣлымъ шерстянымъ пологомъ. На противоположной сторонѣ **Прежнева**, въ изящномъ утреннемъ неглиже, полулежитъ на диванѣ съ книгою въ рукахъ.

Прежнева (опустивъ книгу).

Это жестоко! это ужасно! я бы никогда такъ не поступила! Nous autres femmes ... мы ... о! мы вѣримъ, мы слѣпо вѣримъ, мы никогда не анализируемъ. Нѣтъ, я не стану дальше читать этотъ романъ. Молодой человѣкъ хорошаго происхожденія, красивъ, уменъ, служитъ въ военной службѣ, выражаетъ ей свою любовь такимъ прекраснымъ языкомъ ... и она ... она имѣла силы отказать ему! Нѣтъ, она не женщина! Женщина твореніе слабое, увлекающееся! Мы живемъ только сердцемъ. И какъ легко насъ обмануть? Мы для любимаго человѣка готовы всѣмъ пожертвовать. Если мужчины насъ и

обманываютъ, что̀, къ несчастію, случается очень часто, то ужь въ этомъ виноваты не мы, а они. Они, по бо̀льшей части, хитры и коварны ... мы, женщины, такъ добры и довѣрчивы, такъ готовы всему вѣрить, что только послѣ горькихъ (задумывается), да, горькихъ опытовъ убѣждаемся въ безнравственности обожаемыхъ лицъ. (Молчаніе.) Но нѣтъ! мы и послѣ обмана, и даже нѣсколькихъ обмановъ, готовы опять увлечься, готовы повѣрить въ возможность чистой и безкорыстной любви. Да! такова наша судьба! Тѣмъ болѣе, если все это случится въ такой прекрасной обстановкѣ, какъ въ этомъ романѣ. Весна, цвѣты, прекрасный паркъ, журчанье водъ. Онъ пришелъ въ охотничьемъ костюмѣ, съ ружьемъ, собака легла у его ногъ. Ахъ! но мужчины ... они часто во зло употребляютъ прекрасныя качества нашего нѣжнаго сердца, они не хотятъ знать, сколько страдаемъ отъ нихъ мы, бѣдныя женщины! (Молчаніе.) Конечно, есть и между насъ такія, которыхъ весь интересъ въ жизни составляютъ низкіе матеріальные разсчеты, хозяйственныя хлопоты. Но это проза, проза! что̀ бы мнѣ ни говорили, а это проза. Есть даже такія, которыя разсуждаютъ о разныхъ ученыхъ предметахъ не хуже мужчинъ, но я не признаю ихъ женщинами. Онѣ могутъ быть умны, учены, но, вмѣсто сердца, у нихъ ледъ. (Молчаніе.) Когда мнѣ приходятъ такія мысли въ голову, я всегда вспоминаю объ моемъ Полѣ. Ахъ! сколько онъ долженъ имѣть успѣховъ между женщинами! Я напередъ рада за него. Какъ пріятно это для матери! Ахъ, дѣти! дѣти! (Нюхаетъ спиртъ и потомъ звонитъ. Входитъ лакей.)

Лакей.

Чего изволите-съ?

Прежнева.

Что̀, баринъ не приходилъ еще?

Лакей.

Никакъ нѣтъ-съ.

Прежнева.

Когда онъ придетъ, пошли его ко мнѣ.

Лакей.

Слушаю-съ. (Уходитъ.)

Прежнева.

Онъ такой чувствительный, нервный мальчикъ! Весь въ меня. Его бы надобно беречь, лелѣять, а я не могу; я не имѣю средствъ. Послѣ такого прекраснаго воспитанія онъ, по несчастію, долженъ служить. Тамъ эти столоначальники ... всѣ они въ такихъ странныхъ фракахъ ... а онъ такой нервный, такой нервный! ... я вѣрю, что его всѣ притѣсняютъ, потому что ему всѣ завидуютъ. (Входитъ Поль.)

II.

Прежнева и Поль, безукоризненно одѣтый въ лѣтнемъ костюмѣ, съ утомленнымъ видомъ, нѣсколько ломаясь.

Поль.

Bon jour, maman!

Прежнева (цалуетъ его въ лобъ).

Bon jour, Paul! Откуда ты?

Поль

(садится съ другой стороны на диванъ).

Откуда! ... Изъ того прекраснаго мѣста, куда вамъ угодно было опредѣлить меня.

Прежнева.

Что-жь дѣлать, Поль!

Поль.

И шелъ пѣшкомъ въ такой ужасный жаръ.

Прежнева.

У насъ, въ этой залѣ, такъ хорошо, такъ прохладно!

Поль.

Да; но за то каково здѣсь зимой! Всѣ углы сгнили, полъ провалился.

Прежнева.

Да, мой другъ, теперь наши дѣла въ очень дурномъ положеніи.

Поль.

Ваши дѣла! Какія у васъ дѣла? Отецъ, вонъ, едва дышетъ, вы тоже ужь отжили свой вѣкъ. Каково мое положеніе!

Прежнева.

Я тебѣ вѣрю, мой другъ. Я воображаю, какъ тебѣ тяжело!

Поль.

Еще бы легко! Вы послушайте меня. По рожденію, по воспитанію, по знакомству, ну, наконецъ, по всему, поглядите вы на меня съ ногъ до головы, я принадлежу къ лучшему обществу ...

Прежнева.

О, да.

Поль.

И чего же мнѣ недостаетъ? Вѣдь, это срамъ, позоръ! Мнѣ недостаетъ состоянія. Да и кому нужно знать, что у меня нѣтъ состоянія? Я, все-таки, долженъ жить такъ, какъ они, и вести себя такъ, какъ они. Что-жь, въ мѣщане, что ли, мнѣ приписаться? Сапоги шить? Нѣтъ состоянія! ... это смѣшно даже.

Прежнева.

Было, Поль, было.

Поль.

Я знаю, что было, да теперь гдѣ? я знаю больше... я знаю, что вы его промотали.

Прежнева.

Ахъ, Поль, не вини меня; ты знаешь, что всѣ мы, женщины, такъ довѣрчивы, такъ слабы! Когда былъ еще здоровъ твой отецъ, насъ всѣ считали очень богатыми людьми, у насъ было отличное имѣніе въ Симбирской губерніи. Онъ какъ-то умѣлъ управлять всѣмъ этимъ. Потомъ, когда его разбилъ параличъ, и жила совсѣмъ не роскошно, а только прилично.

Поль.

А monsieur Пеше что̀ вамъ стоилъ? Сознайтесь, maman!

Прежнева.

Ахъ, мой другъ, онъ такъ нуженъ былъ для твоего воспитанія. Потомъ, я два раза была за границей; а впрочемъ, большихъ расходовъ никакихъ не дѣлала. И вдругъ мнѣ говорятъ, что я все прожила, что у насъ ничего нѣтъ. Это ужасно! Вѣроятно, всему виною тамъ эти управляющіе да бурмистры.

Поль.

Канальи!

Прежнева.

Что̀ дѣлать, мой другъ! Люди такъ злы, коварны, а мы съ тобою такъ довѣрчивы.

Поль.

Это вы, maman, довѣрчивы; а попадись они мнѣ я бы имъ задалъ. Фить, фить ... (Дѣлаетъ жестъ рукой.) Вѣдь, съ этимъ народомъ нельзя иначе. Это имъ хорошо ... почаще ... Просто, зло беретъ. Изъ-за

этихъ негодяевъ я теперь долженъ чѣмъ свѣтъ идти пѣшкомъ въ какой-то судъ, о которомъ я бы и не слыхалъ никогда; потомъ бѣжать пѣшкомъ домой или трястись на Ванькѣ. Не могу же я такъ жить, какъ живутъ эти писцы, съ которыми, впрочемъ, я сижу рядомъ. Они тамъ на крыльцѣ ѣдятъ у разнощиковъ пироги съ лукомъ. Они все могутъ, они такъ созданы; а я не могу. Ну, вотъ я теперь и задолжалъ всѣмъ: и извощику, и портному, и Шевалье. Наши всѣ ходятъ къ Шевалье, и правовѣды ... Не могу же я, въ самомъ дѣлѣ, пироги съ лукомъ ѣсть, а тамъ еще нужно экзаменъ держать въ какомъ-то уѣздномъ училищѣ. Ужасно! А будь у меня состояніе, я бы ничего этого и не зналъ: ни судовъ, ни уѣздныхъ училищъ, ни писарей съ пирогами. На что̀ мнѣ все это? ...

Прежнева.

Да, да, я понимаю ... съ твоимъ нѣжнымъ сердцемъ ... ты такой нервный! ...

Поль.

Я просто не знаю, что̀ мнѣ дѣлать! Выдь случай, такъ въ карты бы обыгралъ кого-нибудь, не посовѣстился.

Прежнева.

Да, въ твоемъ положеніи ... конечно ...

Прежневъ (просыпаясь).

Павелъ, ты давно былъ въ театрѣ?

Поль.

Недавно.

Прежневъ.

Кто нынче маркизовъ играетъ?

Поль.

Давно ужь никто не играетъ.

Прежневъ.

Я прежде хорошо маркизовъ игралъ. (Прежнева звонитъ. Входитъ лакей.)

Прежнева.

Вывези барина на балконъ: да возьми старыя газеты, почитай ему! (Лакей беретъ газеты и увозитъ Прежнева на балконъ.)

Поль.

Вотъ еще мой любезный дядюшка, тамъ онъ гдѣ-то предсѣдателемъ былъ, такъ и разсуждаетъ свысока. Ты, говоритъ, многаго хочешь. Скажите, пожалуйста, чего я хочу? Что это — прихоти, роскошь? Я хочу только необходимаго, безъ чего нельзя обойтись человѣку нашего круга. Кажется, ясно. Такъ нѣтъ, дядюшка любезный говоритъ: ты этого не долженъ желать, потому что ты не имѣешь средствъ. Да развѣ я виноватъ, что не имѣю средствъ! Гдѣ же тутъ логика?

Прежнева.

Какая логика, все вздоръ.

Поль.

Ты, говоритъ, работай. Нѣтъ ужь, слуга покорный! Что я, лошадь, что ли?

Прежнева.

Дядя твой человѣкъ грубый.

Поль.

Нѣтъ, maman, это драма.

Прежнева.

Драма, mon cher!

Поль.

И еще какая драма! Что тамъ рѣжутся, отравляются, все это вздоръ.

Прежнева.

Знаешь что, Поль? Я думаю, тебѣ бы жениться.

Поль.

Что-жь, я не прочь жениться, да на комъ?

Прежнева.

Да, это вопросъ! Я знаю тебя, Поль. Зачѣмъ ты такъ прекрасно воспитанъ? Зачѣмъ у тебя такая нѣжная душа? Ты черезъ это будешь несчастливъ въ своей жизни. Тебѣ нѣтъ пары! Много, слишкомъ много нужно имѣть дѣвушкѣ достоинствъ, чтобы понравиться тебѣ и сдѣлать твое счастіе.

Поль.

Вы, можетъ быть, думаете, maman, что меня прельщаетъ семейное счастье? Я ужь не ребенокъ, мнѣ двадцать одинъ годъ. Что за пастораль! (Хохочетъ.) Мнѣ просто нужны деньги.

Прежнева.

Но, все-таки, мой другъ, я знаю твой характеръ, я знаю, что ты не захочешь жениться на комъ-нибудь.

Поль.

На комъ хотите. Мнѣ нужны деньги, чтобъ быть порядочнымъ человѣкомъ, чтобъ играть роль въ обществѣ, однимъ словомъ, чтобъ дѣлать то, къ чему я способенъ. Я наживать не могу, и могу только проживать прилично и съ достоинствомъ. У меня для этого есть всѣ способности, есть тактъ, есть вкусъ, я могу быть передовымъ человѣкомъ въ обществѣ.

Прежнева.

Однако, мой другъ ... (Входитъ лакей.)

Лакей.

Перешивкина пришла.

Прежнева.

Вѣчно не во-время придетъ.

Поль.

Поговоримъ послѣ, еще будетъ время.

Прежнева.

Пусть войдетъ. (Лакей уходитъ.)

III.

Тѣ же и **Перешивкина.**

Прежнева.

Что ты, Устинья Филимоновна?

Перешивкина

(цалуетъ Прежневу въ плечо и становится сзади).

Провѣдать, матушка, пришла, все ли вы здоровы? Я благодѣтелей не забываю.

Поль.

А, ботвинья лимоновна, откуда тебя принесло?

Перешивкина.

Какая я ботвинья лимоновна? Вы все, баринъ, шутите.

Поль.

Она, кажется, воображаетъ, что съ ней можно говорить серьёзно.

Перешивкина.

У меня, матушка, знакомый человѣкъ дюми-терьмо дѣлаетъ ... (Поль хохочетъ.) Ничего, смѣйся, батюшка, смѣйся надо мной, старухой ... Такъ вотъ, не угодно-ли купить, онъ мнѣ дешево отдаетъ. Широкій такой, добротный. Прикажете принести? Въ городѣ за эту цѣну не купите.

Прежнева.

Принеси, я посмотрю.

Поль.

А много ли ты тутъ, старая корга, наживешь?

Перешивкина.

Ужь и старая корга?

Поль.

Что-жь, ты, можетъ быть, еще замужъ собираешься?

Перешивкина.

Не годится вамъ, баринъ, меня, старуху, бранить, я васъ на рукахъ няньчила.

Поль.

Кажется, она обижаться вздумала. Вотъ одолжитъ.

Прежнева.

Оставь ее, мой другъ!

Перешивкина.

Ничего, матушка, ничего, пусть шутитъ. Онъ ужь такой шутникъ! Еще маленькій мнѣ какъ-то чепчикъ сзади зажегъ.

Поль.

А, помнишь?

Перешивкина.

Какъ не помнить! Всѣ волосы сжегъ, да и лицу досталось. А вы, баринъ, не смѣйтесь надо мной; я еще, можетъ, пригожусь вамъ.

Поль.

На что-жь ты мнѣ пригодишься? Въ огородѣ, вмѣсто чучела, поставить?

Перешивкина.

А можетъ быть, на что̀ другое пригожусь, Павелъ Петровичъ. Какъ знать? Что̀, матушка барыня, не обидитесь вы на мои глупыя слова? Можетъ, я какое слово и къ мѣсту скажу.

Прежнева.

Что̀ такое? Говори!

Перешивкина.

Есть у меня одна дама знакомая, Серафимой Карповной зовутъ. Я завсегда къ нимъ въ домъ вхожа. Она, вотъ видите ли, матушка, купеческаго роду, только была за господиномъ Асламевичемъ, важный человѣкъ, въ чинахъ. Онъ, матушка, одинъ разъ генераломъ былъ.

Поль (хохочетъ).

Какъ это такъ?

Перешивкина.

А вотъ какъ; гдѣ онъ служилъ-то, такъ ихній генералъ въ отпуску былъ, въ это-то самое время онъ и былъ генераломъ цѣлый мѣсяцъ.

Поль.

А, вотъ какъ. Ну, ври, ври!

Перешивкина.

Это истинно я вамъ говорю. И всего одинъ годочекъ жила она съ нимъ, а теперь вотъ другой годъ вдовѣетъ ... Да вы не разсердитесь, матушка барыня ...

Прежнева.

Ну, продолжай!

Перешивкина.

Красавица собой и добрая, а ужь скромная ка-

кая! на рѣдкость. И разсчетливая, ужь на наряды или тамъ на какія бездѣлицы денегъ не промотаетъ.

Поль.

То-есть, просто скупа.

Перешивкина

Не то, что скупа, а разсчетлива, хозяйка хорошая. Теперича приданое, которое за ней дадено, значитъ, все при ней состоитъ. Однѣхъ денегъ полтораста тысячъ.

Поль.

Полтораста тысячъ!

Перешивкина.

Сама, сама видѣла, всѣ эти билеты у нея въ шкатулкѣ видѣла; при мнѣ считала. Только вы лучше велите мнѣ, дурѣ, замолчать. Вѣдь, языкъ безъ костей, пожалуй, мели, что̀ хочешь. Хоть она для меня женщина и добрая, а вы, все-таки, мнѣ дороже ея. Богъ съ ней. За что̀ же я васъ буду напрасно въ гнѣвъ вводить!

Прежнева и Поль.

Ничего, говори, говори!

Перешивкина.

Коли приказываете, такъ буду говорить. Вотъ, матушка барыня, такъ сказать по-нашему, по-женски; дѣло молодое, другой годъ вдовѣетъ ... ну, вотъ, она ... И не то, чтобы лгу: я на себя и грѣха этого не возьму. Я всегда вашимъ добромъ довольна. Могу ли я это забыть! Конечно, мы люди маленькіе, а добра не забываемъ, и завсегда, чѣмъ могу, услужить ...

Поль (махнувъ рукой).

Ну!

Прежнева.

Да ты продолжай!

Перешивкина.

Слушаю, матушка. Вотъ она у васъ тутъ по сосѣдству живетъ. Налѣво бѣлый каменный домъ; Павелъ Петровичъ часто мимо ходитъ.

Прежнева.

Ну, такъ что-жь?

Перешивкина (на ухо).

Влюбилась.

Прежнева.

Что?

Перешивкина (громче).

Влюбилась. Ей-Богу! ... Да.

Прежнева (смѣется).

Да что-жь тутъ удивительнаго? Ты глупа, душа моя! Еще бы въ него-то не влюбиться! Вотъ рѣдкость!

Перешивкина.

Ну, само собой, барыня; да, вѣдь, съ деньгами.

Поль (поетъ).

La donna e mobile ...

Перешивкина.

Я, говоритъ, влюблена, Устинья Филимоновна. Въ кого, говорю, матушка, въ кого? А вотъ, посмотри, сейчасъ пройдетъ. Я гляжу въ окно-то, а Павелъ Петровичъ и идетъ; а она мнѣ и говоритъ: вонъ онъ. Я такъ и ахнула!

Поль (поетъ).

La donna e mobile ...

Перешивкина.

Конечно, надо Павлу Петровичу самому посмотрѣть: понравится ли еще. Ну, да коли сомнѣніе имѣете, можно и въ Опекунскомъ справиться, билеты-то всѣ именные. Отчего-жь не справиться? Любовь любовью, а деньги деньгами. Вѣдь, это дѣло вѣчное.

Поль (подходитъ къ матери).

Маmап, я иду гулять.

Прежнева.

Прощай, мой другъ! (Цалуетъ его въ лобъ.)

Поль (тихо).

Хлопочите. (Уходитъ.)

Прежнева.

Вотъ, видишь ли, милая Устинья Филимоновна, не велика радость для моего Поля, что какая-то мадамъ Асламевичъ въ него влюбилась ... Однако, если онъ ее увидитъ, можетъ быть, она ему и понравится ... Я, конечно, съ своей стороны, не буду ему препятствовать, хоть она и изъ купеческаго званія ... Мнѣ только былъ бы онъ счастливъ ... (Встаетъ.) Пойдемъ, я велю тебя чаемъ напоить ... Только ты ужь веди себя по-умнѣе.

Перешивкина.

Матушка, я по гробъ жизни ... (Уходятъ.)

Картина вторая.

Дворъ. Направо галлерея дома, на заднемъ планѣ садъ; налѣво надворное строеніе; двѣ двери: одна въ погребъ, другая на сѣнникъ.

I.

На дворѣ.

1-й кучеръ сидитъ на приступкѣ у погребицы. **Матрена** входитъ.

1-й кучеръ (поетъ тонкимъ голосомъ)

„Прежде жилъ я, мальчикъ, веселился;
Но имѣлъ свой капиталъ.
Капиталу, мальчикъ, я рѣшился,
Во неволю жить попалъ."

Матрена.

Хозяева проснулись. Ты бы, Иванычъ, самоваръ-то втащилъ.

1-й кучеръ.

А ты что за барыня? Промнись! Ишь, жиру-то нагуляла; не уколупнешь нигдѣ, точно на наковальнѣ молотками сколочена. (Поетъ.)

„И какова, братцы, неволя?
Да кто знаетъ про нее?"

Матрена.

Позавидовалъ ты моему жиру. У самого рыло-то ужь лопнуть хочетъ. Неси, что ли, говорятъ тебѣ.

1-й кучеръ.

Приходи завтра! (Поетъ.)

„Какова, братцы, неволя?
Да кто знаетъ про нее?"

Матрена.

Дай срокъ, я вотъ Улитѣ Никитишнѣ скажу, что ты ничего не дѣлаешь, никогда тебя ничего не допросишься.

1-й кучеръ.

Я, кучеръ, понимаешь ты это? Я свое дѣло правлю. А ты что? Типунъ-дворянка! Тонко ходите, чулки отморозите! Значитъ ты его (показывая на самоваръ) и волоки.

Матрена.

Да, вѣдь, въ немъ пудовъ пять будетъ, гдѣ-жь дѣвкѣ его стащить!

1-й кучеръ.

Опять-таки, это до меня некасающее.

Матрена.

Стыда-то въ тебѣ ничего нѣтъ, безстыжіе твои глаза! Хоть надорвись дѣвка, тебѣ все равно. (Поднимаетъ самоваръ, всѣмъ корпусомъ отваливается назадъ и, загнувъ голову на сторону отъ пару, идетъ къ галлереѣ.)

1-й кучеръ (вслѣдъ ей).

Не балуй въ серьгахъ, позолота сойдетъ!

Матрена

(входя на крыльцо, оборачивается).

Ругатель! (Ставитъ на столъ самоваръ.)

1-й кучеръ (поетъ).

„Какова, братцы, неволя?
Да кто знаетъ про нее?"

(На галлерею выходятъ Карпъ Карпычъ и Улита Никитишна. Кучеръ замолкаетъ и уходитъ.)

II.

На галлереѣ.

Карпъ Карпычъ и Улита Никитишна (садятся у стола на галлереѣ).

Улита Никитишна (заваривая чай).

Нынче все муаръ-антикъ въ моду пошелъ.

Карпъ Карпычъ.

Какой это муаръ-антикъ?

Улита Никитишна.

Такая матерія.

Карпъ Карпычъ.

Ну и пущай ее.

Улита Никитишна.

Да и такъ ... Вотъ кабы Серафимочка замужъ вышла, такъ ужь сшила бы себѣ, кажется ... Всѣ дамы носятъ.

Карпъ Карпычъ.

А ты нѣшто дама?

Улита Никитишна.

Обнакновенно дама.

Карпъ Карпычъ.

Да вотъ можешь ты чувствовать, не могу я слышать этого слова ... когда ты себя дамой называешь.

Улита Никитишна.

Да что же такое за слово — дама? Что въ немъ ... (ищетъ слова) постыднаго?

Карпъ Карпычъ.

Да коли не люблю! Вотъ тебѣ и сказъ?

Улита Никитишна.

Ну, а Серафимочка дама?

Карпъ Карпычъ.

Извѣстно дама, та ученая, да за бариномъ была. А ты что? Все была баба, а какъ мужъ разбогатѣлъ, дама стала! А ты своимъ умомъ дойди.

Улита Никитишна.

Да нѣтъ! Все-таки ... какъ же!

Карпъ Карпычъ.

Сказано — молчи, ну и баста! (Молчаніе.)

Улита Никитишна.

Когда было это страженіе?

Карпъ Карпычъ.

Какое страженіе?

Улита Никитишна.

Ну вотъ недавно-то. Развѣ не помнишь, что ли?

Карпъ Карпычъ.

Такъ что же?

Улита Никитишна.

Такъ много изъ простого званія въ офицеры произошли.

Карпъ Карпычъ.

Вѣдь, не бабы же. За свою службу каждый получаетъ, что соотвѣтственно.

Улита Никитишна.

А какъ же вотъ, къ намъ мѣщанка ходитъ, такъ говорила, что когда племянникъ курсъ выдержитъ, такъ и она будетъ благородная.

Карпъ Карпычъ.

Да, дожидайся.

Улита Никитишна.

А говорятъ, въ какихъ-то земляхъ изъ женщинъ полки есть.

Карпъ Карпычъ (смѣется).

Гвардія! (Молчаніе.)

Улита Никитишна.

Говорятъ, грѣшно чай пить.

Карпъ Карпычъ.

Это еще отчего?

Улита Никитишна.

Потому, изъ некрещеной земли идетъ

Карпъ Карпычъ.

Мало ли что изъ некрещеной земли идетъ.

Улита Никитишна.

Вотъ тебѣ примѣръ: хлѣбъ изъ крещеной земли, мы его и ѣдимъ во-время; а чай — когда пьемъ? Люди къ обѣднѣ, а мы за чай; вотъ теперь вечерни, а мы за чай. Вотъ и значитъ грѣхъ.

Карпъ Карпычъ.

А ты пей во-время.

Улита Никитишна.

Нѣтъ, все-таки ...

Карпъ Карпычъ.

Все-таки, молчи. Ума у тебя нѣтъ, а разговаривать любишь. Ну, и молчи! (Молчаніе.)

Улита Никитишна.

Какая Серафимочка у насъ счастливая! Была за бариномъ — барыня стала, и овдовѣла — все-таки, барыня. А какъ теперь, если за князя выдетъ, такъ, пожалуй, княгиня будетъ.

Карпъ Карпычъ.

Все-таки, по мужѣ.

Улита Никитишна.

Ну, а какъ за князя выдетъ, неужто я такъ-таки ничего? Вѣдь, она мое рожденіе.

Карпъ Карпычъ.

Съ тобой говорить, только мысли въ головѣ разбивать. Я-было объ дѣлѣ задумалъ, а ты тутъ съ разговоромъ да съ глупостями. Вѣдь, вашего бабьяго разговору всю жизнь не переслушаешь. А сказать тебѣ: молчи! такъ вотъ дѣло-то короче будетъ. (Задумывается. Молчаніе. Вбѣгаетъ Матрена.)

Матрена.

Матушка, Улита Никитишна, Серафима Карповна пріѣхала.

Улита Никитишна.

Ахъ, батюшки! (Быстро встаетъ и уходитъ съ Матреной.)

Карпъ Карпычъ.

Кабы на бабъ да нѣ страхъ, съ ними бы и не сообразилъ. Есть свое дѣло, такъ нѣтъ, давай лѣзть въ чужое. Пристаетъ къ мужу: скажи ей свое дѣло и свою тайну, и прельщаютъ его прелестію и лукавствомъ, и осклабляютъ лицо свое — и все на погибель. И кто имъ скажетъ свое дѣло, и онѣ научаютъ и соблазняютъ: дѣлай не такъ, а вотъ такъ, по моему желанію. И многіе мужи погибли отъ женъ. Молодой человѣкъ, который и неопытный, можетъ польститься на ихъ прелесть, а человѣкъ, который въ разумъ входитъ и въ лѣта постоянныя, для того женская прелесть ничего не значитъ, даже скверно.

III.

На дворѣ.

Входятъ 1-й и 2-й кучера.

2-й кучеръ.

У васъ какое сравненіе! Не въ примѣръ лучше. Просто, жидъ, а не барыня; сама овесъ выдаетъ. (Уходятъ въ сарай. Входятъ Улита Никитишна, Серафима Карповна и Матрена.)

IV.

На галлереѣ.

Карпъ Карпычъ; Улита Никитишна садится на свое мѣсто и разливаетъ чай; Серафима Карповна въ шляпкѣ, въ мантильѣ, въ зеленыхъ перчаткахъ, съ зонтикомъ, подходитъ къ отцу; Матрена ставитъ на столъ росписную чашку, которую принесла изъ комнатъ, и становится поодаль.

Серафима Карповна.

Здравствуйте, папенька! (Цалуются.)

Карпъ Карпычъ.

Здравствуй! Садись, такъ гостья будешь.

Серафима Карповна (садясь).

А гдѣ же братецъ, Онисимъ Карпычъ?

Карпъ Карпычъ.

Гдѣ Онисимъ-то? Загулялъ. Вотъ ужь пятый день чертитъ.

Серафима Карповна.

А сестрица, Анна Власьевна!

Карпъ Карпычъ.

Да вотъ, какъ ни бьемся, все Онисимъ пить-то

не перестаетъ, такъ жена и повезла по тюрьмамъ калачи раздавать. Авось, Богъ проститъ.

Улита Никитишна.

Да, да ... Повезла калачи раздавать ... заключеннымъ ... Вѣдь, все больше занапрасно ...

Карпъ Карпычъ.

Да, занапрасно! Они тамъ рѣжутъ да грабятъ, а ихъ не сажать.

Улита Никитишна.

Такъ, чай, тѣ, которые грабятъ-то, въ острогѣ сидятъ; а въ ямѣ-то за что?

Карпъ Карпычъ.

А въ ямѣ-то за долги.

Улита Никитишна.

Какъ не за долги! Вонъ, говорятъ, Конъ Конычъ за процентъ сидитъ.

Карпъ Карпычъ.

За какой процентъ?

Улита Никитишна.

Да также, за процентъ. А какой тутъ процентъ! Какъ бралъ, такъ и отдай. Чай, вѣдь, это грѣхъ.

Карпъ Карпычъ.

Ты опять разговаривать! (Улита Никитишна наливаетъ чай; Матрена подаетъ на подносѣ чашку Серафимѣ Карповнѣ; та беретъ, не снимая перчатокъ.)

Улита Никитишна.

Ты-бъ, Серафимушка, сняла шляпку-то, да мантилію, да и платье-то бы растегнула сзади; здѣсь все свои. Вотъ тебѣ Матрена растегнетъ.

Серафима Карповна.

Ахъ, что это вы, маменька! Мнѣ не жарко. Я

къ вамъ на минуточку пріѣхала, только посовѣтоваться.

Карпъ Карпычъ (дуя на блюдечко).

Объ чемъ-бы это, напримѣръ?

Серафима Карповна.

А хочу замужъ идти.

Улита Никитишна (всплеснувъ руками).

Ахъ, батюшки!

Карпъ Карпычъ.

Ну, что́-жь! Съ Богомъ! Это дѣло хорошее. Это лучше ...

Улита Никитишна

(качая головой и складывая руки на груди).

Красавица ты моя!

Карпъ Карпычъ.

А за кого бы это? Желаю я знать.

Серафима Карповна.

Онъ, папенька, молодой человѣкъ, служитъ въ судѣ, и, надобно вамъ сказать, не богатый. Я-бъ и не пошла за бѣднаго, да ужь очень я въ него влюблена. (Поднимаетъ глаза къ небу, вздыхаетъ и задумывается.)

Улита Никитишна (всплеснувъ руками).

Ахъ, матушка моя!

Карпъ Карпычъ.

А чьихъ онъ?

Серафима Карповна.

Прежневъ. Онъ благородный, хорошей фамиліи, можетъ мѣсто хорошее получить. Что̀-жь, думаю, у меня свои деньги; если буду жить разсчетливо, могу прожить и съ мужемъ. Лучше я себѣ во всемъ от-

откажу, а ужь я безъ него жить не могу. (Опять вздыхаетъ и поднимаетъ глаза.)

Карпъ Карпычъ.

Можетъ, качества какія есть?

Серафима Карповна.

Качествъ за нимъ никакихъ не слыхать.

Карпъ Карпычъ.

Ты, Серафима, помни одно, что ты отрѣзанный ломоть, я тебѣ больше денегъ не дамъ. Такъ ты, смотри, не проживи деньги-то, которыя за тобой дадены.

Улита Никитишна.

Тотъ былъ старикъ, а этотъ, ишь ты, молодой: гляди, рожать будешь; такъ деньги-то чтобъ дѣтямъ остались.

Серафима Карповна.

Мнѣ денегъ прожить нельзя съ моимъ характеромъ. (Отдаетъ чашку Матренѣ.)

Карпъ Карпычъ.

Ну, онъ молодой, а ты, все-таки, вдова, а не дѣвушка, все какъ будто передъ мужемъ совѣстно; ну, онъ подластится да и выманитъ деньги-то.

Серафима Карповна

(принимая чашку отъ Матрены).

Неужели мужчины могутъ любить только изъ денегъ. (Вздохъ и глаза къ небу.)

Карпъ Карпычъ.

А ты думала какъ? Порядокъ извѣстный.

Серафима Карповна

(выходя изъ задумчивости).

Да я ему и не дамъ денегъ.

Карпъ Карпычъ.

Ну, и ладно. Ты поступай такъ, какъ я тебѣ приказывалъ.

Серафима Карповна.

Конечно, папенька! Что я, дура, что ли?

Карпъ Карпычъ.

А вотъ и у насъ скоро свадьба: Матрену въ саду съ приказчикомъ застали, такъ хочу повѣнчать. (Матрена закрываетъ лицо рукавомъ.) Тысячу рублевъ ему денегъ и свадьба на мой счетъ.

Улита Никитишна.

Тебѣ бы только пображничать гдѣ было, за тѣмъ и свадьбу-то затѣялъ.

Карпъ Карпычъ.

Ну, еще что?

Улита Никитишна.

Ничего больше.

Карпъ Карпычъ (строго).

Нѣтъ, ты поговори!

Улита Никитишна.

Ничего, право, ничего.

Карпъ Карпычъ (строже).

Нѣтъ, поговори что-нибудь, я послушаю.

Улита Никитишна.

Да что говорить-то, коли не слушаешь.

Карпъ Карпычъ.

Что слушать-то! Слушать-то у тебя нечего. Эхъ, Улита Никитишна! (Грозитъ пальцемъ.) Сказано, молчи! Я хочу, чтобъ дѣвка чувствовала, а ты своими разговорами! (Матрена закрываетъ другимъ рукавомъ

глаза.) Третью племянницу такъ отдаю. Я всей роднѣ благодѣтель. Вотъ теперь есть еще маленькая, такъ и ту на мѣсто Матрены возьму, и ту въ люди выведу. (Молчаніе.)

Улита Никитишна.

Смотри, будетъ ли онъ любить-то тебя.

Серафима Карповна.

Что-жь, маменька, въ моемъ характерѣ ничего дурного нѣтъ. Только я ... еще и въ пансіонѣ говорили, что я музыки совсѣмъ не понимаю, задумываюсь часто, такъ, ни объ чемъ, да очень люблю сладкое, такъ, можетъ, онъ этого не замѣтитъ; да вотъ еще на серебро плохо считаю ...

Карпъ Карпычъ.

Ничего, привыкнешь.

Серафима Карповна.

Можетъ быть, ему не понравится, что я разсчетлива, такъ, вѣдь, иначе мнѣ какъ же? Я стараюсь только, чтобъ не прожить капиталу, а проживать одни проценты. Что-жь я буду тогда безъ капиталу, я ничего не буду значить.

Карпъ Карпычъ.

Обнакновенно.

Серафима Карповна.

А проценты я сейчасъ могу разсчесть на бумажкѣ, насъ въ пансіонѣ этому учили. А вотъ безъ бумажки я и не могу. (Задумывается.)

Улита Никитишна.

Объ чемъ ты это думаешь-то, милушка? ... Да и я-то дура! Какъ тебѣ, бѣдной, не думать-то! Перемѣна въ жизни ... вѣдь, въ него не влѣзешь, какой онъ тамъ.

Серафима Карповна.

Нѣтъ, маменька, я вотъ давеча ленты покупала, по восьми гривенъ ассигнаціями, семь аршинъ; такъ вотъ я и думаю, сколько это на серебро-то будетъ, и такъ ли онъ мнѣ сдачу сдалъ съ трехъ цѣлковыхъ? (Вынимаетъ портъ-моне и смотритъ въ него.)

Карпъ Карпычъ.

Рубь шесть гривенъ ... рубь сорокъ сдачи.

Серафима Карповна.

Такъ ли, папенька-съ?

Карпъ Карпычъ.

Ну, да что̀ тутъ еще разговаривать!

Серафима Карповна

(прячетъ портъ-моне).

Хорошо-съ.

Улита Никитишна.

Смотри, не пьетъ ли?

Карпъ Карпычъ.

Опять ты все врешь! кто нынче не пьетъ!

Улита Никитишна.

То-есть, ты спроси, во хмѣлю-то онъ каковъ?

Карпъ Карпычъ.

Ну, вотъ это дѣло!

Улита Никитишна.

Потому, другой смирный въ хмѣлю, такъ это нужды нѣтъ, все равно, что не пьющій.

Серафима Карповна.

Хорошо, маменька, я распрошу-съ. Мнѣ, маменька, пора.

Улита Никитишна.

Ахъ, какъ это можно! Посиди. Вѣдь, ты сладкое-то любишь ... У насъ фрухты какіе преотмѣнные! Поди, Матрена, принеси, они у меня на окнѣ въ спальнѣ. (Матрена уходитъ и скоро возвращается съ фруктами и подноситъ Серафимѣ Карповнѣ, а потомъ ставитъ на столъ) Кушай, милушка, кушай! Наливочки не хочешь ли?

Серафима Карповна.

Что̀ это вы, маменька!

Улита Никитишна.

Пивца, душенька?

Серафима Карповна.

Да развѣ я пью?

Улита Никитишна.

Ну, медку?

Серафима Карповна.

Право, не могу.

Улита Никитишна.

Ну, вареньица?

Серафима Карповна.

Вареньица можно.

Улита Никитишна

(доставъ ключи изъ кармана).

Матрена, сходи въ кладовую, принеси двухъ сортовъ.

Серафима Карповна.

Да вели моему кучеру подавать. (Матрена беретъ ключи и уходитъ черезъ сцену.)

Улита Никитишна.

Кушай еще, Серафимушка! (Серафима Карповна беретъ еще.) А ты, что̀ же, Карпъ Карпычъ?

Карпъ Карпычъ.

Ну вотъ еще! Стану я теперь ѣсть всякую дрянь. А ты отложи мнѣ, а остальные вели убрать; я ужо, какъ стану водку пить, такъ закушу апельсикомъ. (Улита Никитишна беретъ и ѣстъ. Молчаніе.)

V.

На дворѣ.

Матрена (идетъ съ двумя тарелками. Подходитъ къ двери сѣнника и толкаетъ ее ногой).

Эй вы, гужеѣды! (Кучера выходятъ.) Подавай лошадей! Барыня ѣхать хотятъ.

2-й кучеръ.

Меня въ тѣ поры, за одну провинность, баринъ хотѣлъ въ солдаты отдать.

1-й кучеръ

Ишь ты!

2-й кучеръ.

Такъ я въ тѣ поры, братецъ ты мой, все только объ войнѣ и думалъ, и со всякимъ, то-есть, человѣкомъ все про войну разговаривалъ. И такъ у меня раскипѣлось сердце, что хоть сейчасъ подъ черкеса.

1-й кучеръ.

У меня тутъ по сосѣдству одинъ деньщикъ есть пріятель, они съ бариномъ въ венгерской кампаніи были, такъ онъ про австріяка сказывалъ.

2-й кучеръ.

А что̀ такое?

1-й кучеръ.

А вотъ что̀, другъ любезный, будто ему еще допрежь сказано, при французѣ, когда французъ былъ: что̀ ты можешь мнѣ препятствовать? Хочешь, я тебя раззорю.

2-й кучеръ.

И раззоритъ!

1-й кучеръ.

Раззоритъ!

2-й кучеръ.

Потому, сила.

1-й кучеръ.

Ничего не подѣлаешь! Все равно, какъ милюція была... одиннадцать вершковъ росту, пятнадцать пудовъ подымаетъ. Прутъ себѣ! Тамъ ту-ту-ту-ту-ту-ту, значитъ, въ барабанъ отбой. А они говорятъ: ребята, впередъ! Измѣна! Ну и прутъ себѣ, что̀ ты хочешь!

2-й кучеръ.

Извѣстно, ужь тутъ кто кого.

1-й кучеръ.

Кто, значитъ, ужь одолѣетъ, чья сила возьметъ.

Матрена.

Скучно слушать-то! Охъ, воины! сидя на печкѣ воете. Видно, не страшна война, только утиши Господи!

1-й кучеръ.

(скосивъ глаза въ сторону Матрены съ совершеннымъ презрѣніемъ).

Сволочь!

Матрена.

Говорятъ вамъ, барыня дожидается.

2-й кучеръ

(надѣвая на правую руку петлю кнута, лѣвую подаетъ Иванычу).

Прощай!

1-й кучеръ.

Прощай, другъ любезный! (Уходятъ за домъ. Матрена на галлерею.)

VI.

На галлереѣ

Улита Никитишна

Серафимушка! я-было и забыла... Еще вотъ что̀ надо безпремѣнно тебѣ сдѣлать! Ужь проминовать нельзя... Когда ты все узнаешь про жениха, что онъ не мотъ, не пьяница, не картежникъ, такъ съѣзди къ ворожеѣ, къ Парашѣ. Приди къ ней смирненько и спроси: будетъ ли, молъ, раба Серафима счастлива съ рабомъ... какъ его?

Серафима Карповна.

Павломъ.

Улита Никитишна.

Съ рабомъ Павломъ? Что̀ она тебѣ скажетъ, такъ и сдѣлай.

Карпъ Карпычъ.

Ничего ты этого не дѣлай!

Улита Никитишна.

Ну ужь, Карпъ Карпычъ, я во всемъ тебя послушаю, а это дѣло не твое, это дѣло женское! Не слушай ты его, Серафимушка, дѣлай, какъ велю. Я мать—худа не посовѣтую.

Серафима Карповна.

Хорошо-съ. (Встаетъ.) Прощайте, папенька! Прощайте, маменька! (Цалуетъ.)

Карпъ Карпычъ.

А ты вотъ что̀: ты скажи жениху, коли будетъ ко мнѣ почтителенъ—я ему шубу подарю хорошую; а коли не будетъ—назадъ отниму. (Уходятъ.)

Картина третья [1].

Богато убранный кабинетъ.

I.

Поль (сидитъ за столомъ и пишетъ), **Лакей** (входитъ).

Лакей.

Павелъ Петровичъ, тамъ портной да каретникъ дожидаются.

Поль (оборачиваясь).

Гони ихъ вонъ!

Лакей.

Да нейдутъ-съ.

Поль

Ну, скажи имъ, что на слѣдующей недѣлѣ.

Лакей.

Говорилъ, да нейдутъ-съ

Поль.

Такъ неужели-жь мнѣ самому съ ними разговаривать? Ну, скажи имъ что̀-нибудь такое. Ты видишь, что я занятъ. Надоѣлъ! Пошолъ вонъ!

Лакей.

Тамъ еще какой-то баринъ васъ спрашиваетъ.

Поль.

И его гони. (Неизвѣстный показывается въ дверяхъ; лакей увидѣвъ неизвѣстнаго, уходитъ.)

---

[1] Между 2-ю и 3-ю картиной проходитъ мѣсяцъ

Неизвѣстный.

Гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно.

Поль (встаетъ).

Ахъ, мой другъ, я не зналъ, что это ты. Извини, сдѣлай милость.

Неизвѣстный.

Да, ты не зналъ. (Осматриваетъ съ ногъ до головы Поля и потомъ кабинетъ.)

Поль.

Право же, не зналъ. Неужели бы я тебя не принялъ?

Неизвѣстный (садится).

Ну, хорошо, хорошо.

Поль.

Сигару не хочешь ли?

Неизвѣстный (иронически улыбаясь).

Сигару? А когда же деньги?

Поль

Теперь скоро.

Неизвѣстный.

То-есть, какъ же это: теперь, или скоро?

Поль.

Скоро, скоро.

Неизвѣстный.

Ты скоро отдашь? (Смотритъ пристально на Поля.) Ну, а если я тебѣ не вѣрю?

Поль.

Какъ же тебѣ не вѣрить, у тебя въ рукахъ документъ. Потомъ, ты видишь, какъ я живу.

Неизвѣстный.

Да, вѣдь, документу срокъ; а это не твое, а женино.

Поль.

Это все равно.

Неизвѣстный.

Нѣтъ, не все равно.

Поль.

Такъ чего же ты хочешь?

Неизвѣстный.

А вотъ чего: или ты завтра мнѣ отдашь всѣ деньги, или мы перепишемъ документъ ...

Поль.

Изволь, перепишемъ хоть сейчасъ.

Неизвѣстный.

Нѣтъ, мы перепишемъ завтра, только чтобъ твоя жена подписалась поручительницей.

Поль.

Какъ же это?

Неизвѣстный.

Тамъ ужь маклеръ знаетъ, какъ; а то я подамъ ко взысканію (Встаетъ.)

Поль.

Ну, хорошо.

Неизвѣстный.

Такъ смотри же, завтра! (Идетъ къ двери.) Ты не думаешь ли отвернуться какъ-нибудь? Этого со мной нельзя. (Уходитъ.)

Поль.

Это скучно, наконецъ! Богатъ, богатъ, а денегъ все нѣтъ. Надо у жены попросить; теперь все равно, что у ней деньги, что у меня — у насъ все общее. Еще даже лучше, если у меня. И для чего я такъ долго откладываю! Только все больше и больше запутываюсь. (Серафима Карповна входитъ, Поль пишетъ.)

II.

Серафима Карповна.

Поль, брось писать, не пиши! (Обнимаетъ его. Поль перестаетъ писать.) Я такъ счастлива, такъ счастлива! Господи, за что̀ мнѣ такое счастіе! (Задумывается.) Всего у меня много, мужъ такой милый (цалуетъ его), красавецъ, умный! Только одно меня безпокоитъ: ты часто уѣзжаешь. Ужь коли ты женился, ты бы все и сидѣлъ со мной; я бы, кажется, тебя еще больше любить стала.

Поль.

Нельзя же, мой другъ, у меня служба.

Серафима Карповна.

Ты и нынче поѣдешь?

Поль.

Да, поѣду. Ужь мнѣ пора.

Серафима Карповна.

Возьми меня съ собой.

Поль.

Куда это, въ Сенатъ-то?

Серафима Карповна.

Ну, да.

Поль.

Что̀ ты говоришь! Да развѣ это можно?

Серафима Карповна.

У васъ все нельзя. Просто, ты меня не любишь, отъ того и не хочешь взять. Кабы ты любилъ, ты-бы взялъ. Ты бы сказалъ всѣмъ: „это моя жена“. Что̀-жь, я тебя нигдѣ не острамлю, я въ пансіонѣ воспитывалась.

Поль.

Да ты спроси у кого-нибудь, коли мнѣ не вѣришь, берутъ-ли женъ въ присутственныя мѣста?

Серафима Карповна.

Оттого и не берутъ, что не любятъ насъ. Кабы любили, такъ-бы брали. Если бы вы насъ любили такъ какъ мы васъ любимъ, вы бы всѣ наши прихоти исполняли. Мы для васъ все на свѣтѣ готовы сдѣлать, а вы никакой малости не хотите.

Поль.

Да и я все, что̀ хочешь, готовъ для тебя сдѣлать, только этого нельзя.

Серафима Карповна.

Ну, по крайней мѣрѣ, сдѣлай для меня удовольствіе, не ѣзди нынче, посиди со мной.

Поль (пожимая плечами).

Если ты хочешь, изволь.

Серафима Карповна.

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, ты не поѣдешь?

Поль.

Не поѣду, если тебѣ угодно.

Серафима Карповна.

Милый Поль, какой ты добрый! Какъ ты меня балуешь! Чего я для тебя на свѣтѣ не сдѣлаю! Ну, говори! Говори, чего хочешь! да говори же! (Ласкаетъ его.) Проси, чего хочешь. Все, все на свѣтѣ. Ну, скажи, чего ты хочешь: сейчасъ же поѣду въ городъ и куплю тебѣ. (Входитъ горничная.)

Горничная.

Барыня, пожалуйте, швея пришла.

Серафима Карповна.

Поль, милый Поль, я сейчасъ приду. (Уходитъ.)

III.

Поль.

Странныя иногда у ней желанія являются, и не разберешь: отъ глупости это, или отъ любви ко мнѣ. Впрочемъ, это очень хорошо, что она меня такъ любитъ. Чего, говоритъ, ты хочешь? Чего? Разумѣется, денегъ. Значитъ, правду говорятъ, что у женщинъ сердце гораздо чувствительнѣе нашего. А я, признаться, этому прежде не вѣрилъ. Теперь я понимаю, что если любовь заберетъ ихъ за живое, такъ бери съ нихъ, что̀ хочешь. Да и хорошенькая какая! Даже этакъ, если и съ другой стороны взять... да что̀ тутъ разговаривать-то, просто наслажденіе! Если ужь просить такъ за-разъ большой кушъ; надо пользоваться минутой, пока она въ экстазѣ. (Входитъ Серафима Карповна.) Ахъ, Серафима, я хотѣлъ съ тобой поговорить.

Серафима Карповна.

И я хотѣла съ тобой поговорить, Поль.

Поль.

Ну, такъ говори ты.

Серафима Карповна.

Нѣтъ, ты говори прежде.

Поль.

Нѣтъ, ты, Серафима.

Серафима Карповна.

Нѣтъ, ты.

Поль.

Я тебѣ уступаю, какъ дамѣ, Серафима.

Серафима Карповна.

Вотъ что̀ я хотѣла тебѣ сказать, мой Поль; ты каждый день сорочки мѣняешь; вѣдь, это разсчетъ.

Поль.

Что ты, съ ума, что ли, сошла! Что это за разсчетъ для насъ? Нѣтъ, я хотѣлъ поговорить совсѣмъ о другомъ.

Серафима Карповна

Все-таки, другъ ты мой (цалуетъ его), надобно разсчитывать. Никакого въ этомъ сумасшествія нѣтъ.

Поль.

Извини, Серафима! Я тебя понимаю, мой другъ; это даже хорошо, что ты въ мелочахъ соблюдаешь экономію. Мелочи въ жизни важное дѣло. Я очень радъ, что нашелъ въ тебѣ такую хозяйку. Но я хочу съ тобой поговорить о болѣе важномъ дѣлѣ.

Серафима Карповна.

Объ чемъ же это, Поль? Да нѣтъ, постой! Что намъ объ дѣлѣ говорить! Мы еще съ тобой мало о любви говорили. Теперь время свободное, ты не поѣхалъ въ присутствіе. Что намъ говорить объ дѣлахъ, поговоримъ о любви. (Вздохъ и глаза къ небу.)

Поль.

Объ любви еще мы успѣемъ, когда только тебѣ будетъ угодно, а теперь мнѣ нужно объ дѣлѣ.

Серафима Карповна.

Ахъ, Поль, ты остался со мной; мнѣ теперь, право, ни о чемъ другомъ думать не хочется.

Поль.

Нѣтъ, Серафима, мнѣ, право, нужно съ тобой серьезно поговорить.

Серафима Карповна

(нѣсколько обиженнымъ тономъ).

Что такое тебѣ нужно? Говори!

Поль.

Какъ ты хочешь употребить свой капиталъ?

Серафима Карповна.

Что̀ за вопросъ! Я его никакъ не хочу употреблять; пускай лежитъ въ Совѣтѣ, а мы будемъ жить процентами.

Поль.

Но процентовъ очень мало, мой другъ! Мы лучше пустимъ капиталъ въ оборотъ.

Серафима Карповна.

Въ какой оборотъ?

Поль.

Напримѣръ, купимъ имѣніе.

Серафима Карповна.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ни за что̀! Какое имѣніе?

Поль.

Ну, деревню въ хорошей губерніи, хоть въ Орловской.

Серафима Карповна.

Ни за что̀ на свѣтѣ! Мужики не будутъ платить, деревня можетъ сгорѣть; пять лѣтъ неурожай. Что̀-жь тогда дѣлать?

Поль.

Пять лѣтъ неурожай не бываетъ.

Серафима Карповна.

Однако, можетъ быть; ты, вѣдь, не пророкъ.

Поль.

Ну, купимъ домъ да пустимъ жильцовъ.

Серафима Карповна.

А жильцы платить не будутъ.

Поль.

Какъ это платить не будутъ? Съ нихъ всегда можно взыскать.

Серафима Карповна.

Ну, а домъ сгоритъ?

Поль.

Надо застраховать.

Серафима Карповна.

А придетъ непріятель да раззоритъ все. Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!

Поль.

Ну, перестанемъ лучше объ этомъ говорить.

Серафима Карповна.

Ты самъ посуди. Ты молодой еще человѣкъ, у насъ могутъ быть дѣти.

Поль.

Конечно, будутъ дѣти, ну что-жь изъ этого? Чѣмъ мы больше будемъ получать, тѣмъ больше дѣтямъ достанется.

Серафима Карповна.

Нѣтъ, нѣтъ, и и говорить не хочу; а то мнѣ сейчасъ скучно сдѣлается. Ты и не разстроивай меня. Какіе тамъ обороты! Мы и такъ можемъ жить. Всего у насъ много. (Задумывается.) Теперь время свободное, ты не поѣхалъ въ присутствіе ... (Обнимаетъ Поля.)

Поль (освобождается изъ объятій).

Нѣтъ, Серафима, какъ ты хочешь, а мнѣ съ тобой нужно поговорить.

Серафима Карповна (серьезно).

Объ чемъ еще?

Поль.

А вотъ объ чемъ: дай ты мнѣ, коли любишь меня, пять тысячъ рублей серебромъ. Мнѣ очень нужно для одного дѣла. Дѣло, Серафима, очень

выгодное — я теперь тебѣ не скажу, какое, но мы можемъ вдвое получить, а пожалуй, и больше. Да я почти увѣренъ, что больше.

Серафима Карповна.

Пять тысячъ рублей серебромъ ... Сколько же это будетъ на ассигнаціи?

Поль.

Почемъ я знаю.

Серафима Карповна.

Постой, я сейчасъ сочту. (Вынимаетъ изъ кармана бумажку и карандашъ и считаетъ.) Ахъ, ахъ! (Убѣгаетъ.)

IV.

Поль.

Что же это такое? Чего она испугалась? Я ужь и не пойму. Не думаетъ ли она, что я всю жизнь буду только одною любовью пробавляться? Это будетъ очень оригинально! Скупа, что ли, она? Нужно-же, наконецъ, узнать, что она больше любитъ: меня, или деньги? Коли меня — такъ дѣло поправить можно. А какъ деньги? Просто хоть въ петлю лѣзь. (Входитъ Прежнева.)

Прежнева.

Bon jour, Paul!

Поль.

Bon jour, maman!

Прежнева (садится).

Я сейчасъ заходила къ твоей женѣ; что съ ней сдѣлалось? Плачетъ и собирается куда-то ѣхать.

Поль.

Была маленькая сцена.

Прежнева.

Ахъ, Поль, такъ рано! Такъ скоро послѣ свадьбы! Не оскорбилъ ли ты ее чѣмъ-нибудь? Женщина такое слабое, такое нѣжное созданіе.

Поль.

Какой чортъ оскорбилъ! Я только попросилъ у ней денегъ.

Прежнева.

Довольно ли ты нѣженъ былъ съ ней?

Поль.

Да помилуйте, я цѣлый мѣсяцъ съ ней нѣжничалъ, жили какъ голуби. (Хохочетъ.) Только нынѣче рѣшился попросить денегъ. Она сначала-было такъ расчувствовалась, что любо. Проси, говоритъ, что̀ хочешь; я все для тебя на свѣтѣ. Я хоть сейчасъ, говоритъ, поѣду въ городъ и куплю тебѣ, чего хочешь. Что̀-жь она мнѣ купитъ? Собачку фарфоровую или сахарнаго гусара? А вотъ, какъ попросилъ я у ней пять тысячъ, такъ взвизгнула да ушла ... а теперь плачетъ. Это, чортъ знаетъ, что̀ такое!

Прежнева.

У ней нѣтъ, нѣтъ чувствъ, мой другъ. Женщина для любимаго человѣка готова все на свѣтѣ. Нѣтъ, мой Поль, она не женщина.

Поль

Нѣтъ, она женщина, только денегъ не даетъ.

Прежнева.

Ахъ, Поль, я думаю, что она современемъ тебя оцѣнитъ, и такъ полюбитъ, такъ полюбитъ (восторженно), что отдастъ въ твое полное распоряженіе и себя, и ... все свое состояніе.

Поль.

Да, вѣдь, этого нужно ждать, а мнѣ ждать нельзя.

Прежнева.

Подожди, Поль! За то впередъ какое блаженство ожидаетъ тебя. (Входитъ горничная съ письмомъ и бумажникомъ въ рукахъ и подаетъ Полю.)

Поль.

Это что такое?

Горничная.

Барыня уѣхали и приказали вамъ отдать бумажникъ и письмо. (Уходитъ.)

Поль.

Бумажникъ! Это хорошо! (Кладетъ бумажникъ въ карманъ.)

Прежнева.

Я тебѣ говорила.

Поль.

Теперь почитаемъ посланіе. (Читаетъ.) „Милый Поль! Какъ я ни люблю тебя, но намъ должно разстаться. Теперь всю жизнь мое сердце будетъ разрываться, и я буду день и ночь плакать по тебѣ. Я теперь хочу жить у папеньки, подобно заключенной, и оплакивать судьбу свою, а домъ этотъ продамъ. Теперь ужь ты меня никогда не увидишь. Я тебя люблю всей душой, а ты мнѣ сегодня показалъ, что будто ты меня любишь изъ денегъ. Но въ нашемъ купеческомъ кругу не принято отдавать деньги. Что я буду значить, когда у меня не будетъ денегъ? — тогда я ничего не буду значить! Когда у меня не будетъ денегъ — я кого полюблю, а меня, напротивъ того, не будутъ любить. А когда у меня будутъ деньги — я кого полюблю, и меня будутъ любить, и мы будемъ счастливы. Я приготовила тебѣ къ именинамъ бумажникъ и сама вышила, и какъ я чувствовала, что тебѣ мой подарокъ будетъ очень пріятенъ, то и посылаю тебѣ. Ты къ папенькѣ

не ѣзди, онъ у насъ очень сердитъ и очень разгнѣвается на тебя, когда все это узнаетъ; а я ничего не могу скрыть. Прощай, Поль! Когда будешь нуждаться въ деньгахъ, я тебѣ всегда готова помочь потихоньку отъ своихъ, только немного — рублей сто, не болѣе. Будь счастливъ. А я должна плакать всю жизнь. Твоя на вѣки, Серафима". Что же это такое! Это такъ странно, что я даже этому и не вѣрю. Вѣроятно, она шутитъ, или хочетъ меня попугать. Однако, посмотримъ, что такое за бумажникъ. Можетъ быть, въ немъ что-нибудь и есть. (Вынимаетъ изъ кармана.)

Прежнева.

Я почти увѣрена, Поль. Она вѣрно хотѣла тебѣ сдѣлать сюрпризъ.

Поль.

Бумажникъ щегольской! (Развертываетъ его и разсматриваетъ.) Пусто!

Прежнева.

Посмотри, нѣтъ ли гдѣ секретнаго какого отдѣленія?

Поль.

Вотъ есть и секретное, да въ немъ тоже ничего нѣтъ. (Входитъ лакей.) Что тебѣ?

Лакей.

Да помилуйте, что же это такое? Шубу увезли!

Поль.

Какую шубу?

Лакей.

Вашу шубу. Велѣли положить къ барынѣ въ карету и увезли. Ужь я съ Анюткой не мало ругался, да что-жь съ ними сдѣлаешь. На что-жь это похоже, я ужь и не знаю.

Поль.

Маменька! Это ужь не шутки.

Лакей.

Это, вѣдь, срамъ! Не первый годъ служу. (Всплеснувъ руками.) Господи! я и не видывалъ. Помилуйте, Павелъ Петровичъ!

Поль.

Ну, поди вонъ!

Лакей.

Да это и въ люди сказать, такъ стыда-то не оберешься. Что̀ это такое? Что̀ это такое? (Уходитъ.)

Поль

(садясь и пристально глядя на мать).

Maman!

Прежнева.

Нынче у женщинъ совсѣмъ нѣтъ сердца, совсѣмъ нѣтъ.

Поль.

Позвольте мнѣ, maman, поблагодарить теперь васъ за двѣ вещи: во-первыхъ, за то, что вы промотали мое состояніе, а во-вторыхъ, за то, что воспитали меня такъ, что я никуда не гожусь. Я умѣю только проживать. А гдѣ деньги, гдѣ? (Горячо.) Гдѣ деньги? Ну, давайте мнѣ ихъ! Вамъ весело было, когда я восьми лѣтъ, въ бархатной курточкѣ, танцовалъ лучше всѣхъ дѣтей въ Москвѣ и ужь умѣлъ волочиться за маленькими дѣвочками! Вамъ весело было, когда я шестнадцати лѣтъ отлично скакалъ на лошади! Вы любовались, когда мы съ моимъ гувернеромъ, вашимъ любимцемъ, скакали по нашамъ наслѣдственнымъ полямъ. Вамъ весело было! При такомъ воспитаніи нужно имѣть деньги, чтобы играть значительную роль въ нашемъ обществѣ. Зачѣмъ же

вы все промотали? Куда дѣлись наши имѣнія, наши крестьяне? А теперь что̀? Теперь вы, можетъ быть, будете имѣть удовольствіе видѣть меня выгнаннымъ изъ службы, праздношатающимся, картежнымъ игрокомъ, а можетъ быть, и хуже. Что̀-жь мнѣ дѣлать? Нельзя же мнѣ отъ живой жены жениться въ другой разъ. (Опускаетъ голову на руки.)

Примѣчанія.

Бѣдность не порокъ. Напечатана отдѣльной книгой въ 1854 г. (Предварительно въ журналахъ не появлялась.) Представлена первый разъ въ Москвѣ, на сценѣ Малаго театра, 25 января 1854 года.

Играли роли:

Гордѣя Торцова . . .	г. Степановъ.
Пелагеи Егоровны . . .	г-жа Львова-Синецкая.
Любовь Гордѣевны . . .	г-жа Воронова.
Любима Торцова . . .	г. Садовскій (П. М).
Мити	г. Самаринъ.
Коршунова	г. Щепкинъ.
Яши Гуслина	г. Климовскій.
Разлюляева	г. Васильевъ (С. В.).
Анны Ивановны	г-жа Никулина-Косицкая.
Арины	г-жа Акимова.
Маши	г-жа Никифорова.
Лизы	г-жа Колосова.
Егорушки	экст. восп. Садовскій.
1-ой гостьи	г-жа Кашина.
2-ой гостьи	г-жа Лилѣева.
Старикъ	г. Лазаревъ.
Вожакъ	г. Бобовскій.

Въ Петербургѣ представлена, въ первый разъ, на сценѣ Александринскаго театра 9 сентября 1854 года.

Играли роли:

Гордѣя Торцова	г. Григорьевъ 2.
Пелагеи Егоровны . . .	г-жа Линская.
Любовь Гордѣевны . . .	г-жа Читау.
Любима Торцова . . .	г. Самойловъ.
Мити	г. Бурдинъ.
Коршунова	г. Мартыновъ.
Яши Гуслина	г. Климовскій.
Разлюляева	г. Марковецкій.
Анны Ивановны	г-жа Орлова.
Арины	г-жа Громова.

Маши	г-жа Натарова.
Лизы	г-жа Каратыгина.
Егорушки	восп. Зиминъ.
1-ой гостьи	г-жа Смирнова.
2-ой гостьи	г-жа Волкова 1-я.
Старика	г. Смирновъ.
Вожака	г. Разсказовъ.

Не такъ живи, какъ хочется. Напечатана впервые въ 1855 году, въ журналѣ „Москвитянинъ“ № 17 (сентябрь, кн. 1-я). Написана въ 1854 г.

Поставлена, въ первый разъ, въ московскомъ Маломъ театрѣ 1854 г. 3 декабря въ бенефисъ г. Полтавцева.

Играли роли:

Ильи	г. Дмитревскій.
Петра	г. Полтавцевъ.
Даши	г-жа Медвѣдева.
Афимьи	г-жа Акимова.
Агафона	г. Садовскій (П. М.).
Степаниды	г-жа Львова-Синецкая.
Васи	г. Васильевъ (С. В.).
Спиридоньевны	г-жа Кавалерова.
Груши	г-жа Никулина-Косицкая.
Еремки	г. Степановъ.
Ямщика	г. Миленскій.

Въ Петербургѣ, въ первый разъ, поставлена на Александринской сценѣ въ 1855 г. 12 января.

Играли роли:

Ильи	г. Григорьевъ.
Петра	г. Степановъ.
Даши	г-жа Читау.
Афимьи	г-жа Линская.
Агафона	г. Самойловъ.
Степаниды	г-жа Громова.
Васи	г. Зубровъ.
Спиридоньевны	г-жа Рамазанова.
Груши	г-жа Левкѣева.
Еремки	г. Мартыновъ.
Ямщика	г. Разсказовъ.

Въ чужомъ пиру похмѣлье. Напечатана въ 1856 году въ журналѣ „Русскій Вѣстникъ“ (январь, кн. 2-я).

Представлена въ первый разъ въ московскомъ Маломъ театрѣ, въ бенефисъ г. Садовскаго, 9 января 1856 г.

Играли роли:

Иванова	г. Шумскій.
Лизаветы Ивановны . . .	г-жа Васильева (Е. Н.).
Аграфены Платоновны . .	г-жа Акимова.
Тита Титыча	г. Садовскій (П. М.).
Андрея	г. Васильевъ (С. В.).
Капитона	г. Турчаниновъ.
Настасьи Панкратьевны . .	г-жа Кавалерова.
Захара Захарыча	г. Никифоровъ.
Ненилы Сидоровны . . .	г-жа Степанова.
Луши	г-жа Рябова.

Въ Петербургѣ шла, въ первый разъ, въ Александринскомъ театрѣ, въ томъ же году 18 января, въ бенефисъ г-жи Владиміровой.

Играли роли:

Иванова	г. Самойловъ.
Лизаветы Ивановны . . .	г-жа Ѳедорова
Аграфены Платоновны . .	г-жа Линская.
Тита Титыча	г. Мартыновъ.
Андрея	г. Бурдинъ.
Капитона	г. Разсказовъ.
Настасьи Панкратьевны . .	г-жа Воронова.
Ненилы Сидоровны . . .	г-жа Громова.
Захара Захарыча	г. Зубровъ.
Луши	г-жа Натарова.

Доходное мѣсто[1]. Напечатана въ 1857 г. въ журналѣ „Русская Бесѣда“ № 1 (январь), и въ томъ же году вышла отдѣльной книгой.

Поставлена въ первый разъ въ бенефисъ г-жи Левкѣевой, на Александринской сценѣ, въ Петербургѣ, 1863 г. 27 сентября.

---

[1] Прежде своего появленія на сценѣ, пьеса эта выдержала шестилѣтній цензурный карантинъ. Поставленная въ 1863 г., она имѣла колоссальный успѣхъ, не только въ Москвѣ, гдѣ ансамбль труппы Малаго театра вообще (а при исполненіи пьесъ Островскаго въ особенности) отличался такимъ, по истинѣ, художественнымъ совершенствомъ, о которомъ наши современные театры, какъ „стараго“ такъ и „новаго„ типа, не въ состояніи дать, къ сожалѣнію, ни малѣйшаго, даже самаго отдаленнаго понятія, — но и въ Петербургѣ, и въ провинціи „Доходное мѣсто“ въ теченіе многихъ лѣтъ не сходило съ репертуара и всюду дѣлало полные сборы, вызывая самыя восторженныя овація.

Распредѣленіе ролей:

Вышневскій	г. Григорьевъ 1-й.
Вышневская	г-жа Левкѣева.
Жадовъ	г. Нильскій.
Юсовъ	г. Васильевъ 2-й.
Бѣлогубовъ	г. Бурдинъ.
Кукушкина	г-жа Линская.
Юлинька	г-жа Спорова.
Полина	г-жа Подобѣдова 2-я.
Мыкинъ	г. Зубровъ.
Досужевъ	г. Горбуновъ.
Стеша	г-жа Стрѣльская.
1-й чиновникъ	г. Васильевъ 1-й.
2-й чиновникъ	г. Соколовъ 1-й.

Въ московскомъ Маломъ театрѣ представлена, въ первый разъ, въ бенефисъ г-жи Васильевой 14 октября 1863 г.

Играли:

Вышневскаго	г. Дмитревскій.
Вышневскую	г-жа Васильева (Е. Н.).
Жадова	г. Шумскій.
Юсова	г. Садовскій (П. М.)
Бѣлогубова	г. Разсказовъ.
Кукушкину	г-жа Акимова.
Юлиньку	г-жа Савина.
Полину	г-жа Колосова.
Мыкина	г. Колосовъ.
Досужева	г. Ленскій.
1-го чиновника	г. Львовъ.
2-го чиновника	г. Рябовъ 2-й.
Григорія	г. Черневскій.
Василія	г. Кремневъ.

Праздничный сонъ — до обѣда. Напечатана въ 1857 г., въ журналѣ „Современникъ“ № 2 (февраль).

Первое представленіе—28 октября 1857 г. на Александринской сценѣ, въ Петербургѣ, въ бенефисъ г-жи Линской.

Играли:

Бальзаминову	г-жа Громова.
Бальзаминова	г. Мартыновъ.
Красавину	г-жа Линская.
Ничкину	г-жа Воронова.
Капочку	г-жа Левкѣева.
Устиньку	г-жа Стрѣльская.
Неуѣденова	г. Зубровъ.

Юшу	восп. Зиминъ.
Матрену	г-жа Волкова 1-я.
Маланью	г-жа Михайлова 1-я.

Въ Москвѣ первое представленіе состоялось въ Маломъ театрѣ, 2-го декабря 1857 года, въ бенефисъ г. Садовскаго.

Играли:

Бальзаминову	г-жа Львова-Синецкая.
Бальзаминова	г. Васильевъ (С. В.).
Ничкину	г-жа Акимова.
Капочку	г-жа Григорьева.
Устиньку	г-жа Колосова.
Красавину	г-жа Степанова.
Неуѣденова	г. Садовскій (П. М.).
Юшу	г. Садовскій 2-й.
Матрену	г-жа Кавалерова.
Маланью	г-жа Рябова.

Не сошлись характерами. Напечатана въ журналѣ „Современникъ“ 1858 г. № 1 (январь).

Въ Петербургѣ въ Александринскомъ театрѣ шла въ первый разъ въ бенефисъ г-жи Шубертъ 1858 г. 1 сентября.

Занимали роли:

Прежнева	г. Чернышевъ.
Прежневой	г-жа Орлова.
Поля	г. Яблочкинъ.
Перешивкиной	г-жа Воронова.
Толстогораздова	г. Зубровъ.
Улиты Никитишны	г-жа Линская.
Серафимы	г-жа Ѳедорова.
Матрены	г-жа Волкова 2-я.
Кучера Толстогораздова	г. Горбуновъ.
Кучера Серафимы	г. Волковъ.
Неизвѣстнаго	г. Вороновъ.
Лакея	г. Фалѣевъ.
Горничной	г-жа Маркова.

Въ Москвѣ первый разъ представлена на сценѣ Малаго театра въ 1858 г. 23 октября въ бенефисъ г. Васильева.

Играли:

Прежнева	г. Турчаниновъ.
Прежневу	г-жа Васильева (Е. Н.).
Поля	г. Шумскій.

Перешивкину	г-жа Кавалерова.
Толстогораздова	г. Живокини.
Улиту Никитишну	г-жа Акимова.
Серафиму	г-жа Бороздина 1-я.
Кучера Толстогораздова . .	г. Садовскій (П. М.).
Кучера Серафимы	г. Васильевъ (С. В.).
Неизвѣстнаго	г. Ольгинъ.
Горничную	г-жа Никифорова 2-я.
Лакея	г. Кремневъ.

Duke University Libraries
D02782087Y